

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ТАЕН КУК ЛОВЦЫ ЗВЕЗД

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

*Glen
Cook*

Starfishers

■

ГЛЕН КУК

**ЛОВЦЫ
ЗВЕЗД**

ББК 84 (7 США)
К89

Серия основана в 1992 году

Glen Cook
STARFISHERS
1982

*Перевод с английского М.Б. Левина
Серийное оформление Е.В. Сальникова*

Печатается с разрешения автора и его
литературных агентов Varor International, Inc.
и "Права и переводы" (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Кук Г.

К89 Ловцы звезд: Роман / Пер. с англ. М.Б. Левина. —
М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 416 с. —
(Координаты Чудес).

ISBN 5-237-04238-4

Это — история Ловцов звезд, бродяг, что блуждают по самым дальним
уголкам Вселенной и пасут стада Звездных рыб, таинственных, огромных,
разумных порождений Космоса. Это — история самого драгоценного в мире
вещества и самого ужасного в мире наркотика. История алчности, преда-
тельства и отъема, граничащей то ли с героизмом, то ли с безумием. Это —
история страшного преступления, вызывающего к отмщению, и возмездия,
которое станет еще более жестоким и безжалостным. История верной дружбы
двух людей — того, чье имя знает вся Галактика, и того, у которого множество
имен. Люди совершают невозможное. Люди творят легенду. История про-
должается...

© Glen Cook, 1982
© Перевод. М.Б. Левин, 1999
© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

**Посвящается Робину Скотту Уилсону,
когда-то разведчику,
товарищу и учителю давних времен**

ГЛАВА ПЕРВАЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», КАРСОН

В этом неистовом, суматошном, стремительном веке, когда верность и друзья, корни и преданность выбрасываются легче конфетных фантиков, герои и легенды, архетипические фигуры и ценности стали одноразовыми, сверкающими и эфемерными, как бабочки Старой Земли. Бывает, что в глубоких дебрях науки ученый заметит блеск самородка и вырвет у Природы тайну, потрясающую Вселенную. Бывает, храбрый флотский офицер дерзким ударом решит судьбу человечества. Любой из них станет героем, легендой бысролетного часа. И в следующий час смешается с пылью Шумера и Аккада. Кто вспомнит их в день седьмой?

Кто помнит рейд Юппа фон Драхова к Адским Звездам? Назовите его имя. И увидите обращен-

ные в вашу сторону пустые глаза. Или кто-то скажет нечто вроде: «Он же такой старый» — в том смысле, что его давно уже нет. История небрежно смела фон Драхова в свой ящик с игрушками к Цезарям, Гитлерам и Бонапартам. Прошла половина стандартного года Конфедерации, и люди дня сегодняшнего забыли его, а люди дня вчерашнего — архаисты — еще лет сто вспоминать не будут.

Но бен-Раби знал, что Юппу, к счастью, не нужно поклонение толпы.

Люди дня сегодняшнего, жители планет, летящие на бешено мчащейся ракете социальных и технологических перемен, ценности жизни приобретали готовыми и в пластиковой упаковке — чтобы легче было по использованию выбросить. Бен-Раби это не устраивало. При такой жизни не получается ни к чему долго приспосабливаться, чтобы сточились острые края и предмет стал удобным, как старая кровать после многих лет в доме.

Обо всем этом он думал, идя с инструментальным ящиком в руке к воротам космопорта Блейксити на Карсоне. Имя, которое он теперь носил, было ему на размер тесновато, но вполне могло стать бременем потяжелее креста, что нес христианский Бог.

Ох, как ему все это не понравится. Он всю жизнь терпеть не мог труб и слесарной работы.

Одет он был в предписываемую союзом форму Техника Систем Транспортировки Жидкостей. Она состояла из грубого тускло-серого комбинезона с аппликацией в виде желтых и зеленых труб. На рукавах, там, где сотрудники Службы носят шевроны, красовались три красные нашивки. Они означали, что союз присвоил ему звание мастера.

Он и в самом деле проходил обучение, хотя усвоенные знания лежали почти забытые среди сотен других экзотических умений. Казалось, что дни этого обучения остались в другом веке. В свои тридцать с лишним он ощущал на себе груз опыта тысячелетий. Знания и опыт сотен жизней, вприснутых в его череп. И процесс образования не кончался никогда.

Бюро заменяло ему мать, отца и жену. И требовало, чтобы он был всегда готов ко всему — на всякий случай.

Бюро — это была семья без любви. И всегда оставляло у него неудовлетворенность, которая грозила перейти в ненависть. Уж чего они с ним только не делали...

И никогда не оправдывались. Никогда ничего не объясняли.

Но последнее время он вообще был всем недоволен. Образ пистолета стал беспощаден. У него будто открылся в душе кричащий разъем неудов-

летворенной потребности, к которому не подходила ни одна вилка.

И всегда была боль. Чертовски сильная боль.

В своем теле он носил вторую нервную систему. Это они имплантировали ему полную интеллектную связь с питанием от биотоков. И небольшая, исчезающая боль клубилась вокруг узелка за ухом. Это был самый большой элемент этой связи.

И другой боли тоже было достаточно. Старая язва желудка. Мизинец, ушибленный во время игры в гандбол. Намек на головную боль — спутник почти всей его жизни. Каждый медленный шаг загонял шипы в кости ног. Их удлинители недавно на шесть сантиметров, и в спешке. Кости в руках вели себя не лучше. Чесалась кожа на животе, откуда срезали двадцать лишних фунтов.

Чесались еще пальцы рук, ног и веки. Узоры на пальцах и рисунок сетчатки тоже заменяли наспех.

Карсон. Самая отсталая планета из всех, что ему в жизни попадались.

Чертова эта язва. Проснулась от быстрой переброски на Карсон. С самого начала вся работа делалась наспех.

Ну, в общем, все они здесь. Когда же у него в последний раз было время перевести дыхание, передохнуть, повозиться с коллекциями или просто послоняться без дела по собственному, без

совладельцев, дому на тихой планете правительственных отставников под названием Приют? Или отделять свой литературный опус — «Все, кто был в Иерусалиме до меня»?

Здесь времени на безделье не было. И на планирование операции заранее — тоже. Цивилизации, казалось, летят в спешке безумных изменений, сталкиваясь и лязгая, к апокалиптическому кризису. Ничего нет неизменного, ни одной неподвижной точки привязки.

Жизнь Мойше бен-Раби стала потоком горной реки в пору таяния снегов; ревущей и несущейся каскадами слишком быстро, слишком текуче, чтобы выхватить хоть часть из нее и рассмотреть поближе.

Но постой! Ведь в реке, летящей мимо жизни, есть и несколько твердо стоящих скал! Это — долговременные легенды, тяжело лежащие в его сознании. Как утесы в бурунах, они по сравнению со всем остальным на его веку пребудут вечно.

Чего-то не хватало: опор, колонн, фундамента жизни. Ведь что-то должно быть для него реальным, истинно реальным... «Хочу!» — кричал он в углы своей души. И почему-то в самые неподходящие моменты выпрыгивал в его сознание образ оружия. Лук, гаубица, винтовка, пистолет — что угодно, но всегда без человека, обычно в профиль

и в момент выстрела. Что это значило? Цель? Какой-то сексуальный символ? Выражение бывшей у него когда-то тяги к героизму? Тайную жажду убивать?

Наплывом вернулись воспоминания о первом дне в Академии. Он нервничал, отглаженный до последней складочки, гордый, что стал частью Флота, гордый, что был одним из немногих принятых со Старой Земли, и опасаясь того, что ждет его впереди. Червяк неуверенности точил его душу уже тогда. Присягу он принял с некоторыми мысленными оговорками. Четверть своей короткой жизни он посвятил тому, чтобы выиграть этот конкурс, и успех оставил у него чувство, что чего-то ему не хватает. Но Флот, по всей видимости, обещал то, чего требовало его «Хочу». Годы в Академии не были плохи. Тяжелая работа и напряженная игра — мало времени для рефлексии. Но в первые месяцы службы душевная боль вернулась сильнее, чем была. Отчаянно бросаясь из стороны в сторону, он подписался на обучение в разведке, не понимая сам своих истинных мотивов. Другам по кают-компании он сказал, что хочет приключений. Даже тогда в его словах отчетливо звенела фальшь. Гоняться за сангарийцами и пиратами Мак-Гроу — это доставляло приключений достаточно. И все это назрело сейчас в душе Мойше бен-Раби, стран-

ствующего рыцаря, посланного найти дракона, что прячется за глазами ночи.

Впереди себя он заметил своего невысокого желтокожего напарника Мауса — восточно азиатского типа человека с монгольскими усиками. Не сделав ему никакого знака, Мойше вошел в ворота вслед за ним.

И на секунду замедлил шаг, глядя на летное поле. Лихтер с потрепанного торговца, который их сюда привез, все еще стоял на посадочной площадке. А ведь должен был уйти прошлой ночью. Они успели тогда на купца в спешке последних проверок, выполняемых на корабле, который должен скрыть свой след.

Маус его тоже заметил. От его маленьких дьявольских глазок ничто не могло укрыться. Он пожал плечами и ускорил шаг, чтобы бен-Раби его не догнал.

На этот раз предполагалось, что они не знакомы. У Мойше вообще не оставалось ни одного якоря. Ему не нужно было много людей, но когда вообще не было никого, он чувствовал себя покинутым. Пока его не отвлекли воспоминания о собственном прошлом, он грезил наяву Звездным Рубежом и небесными сейнерами. Эта мысль нависала над его сознанием постоянно, как утес над переменчивым потоком.

Манила сама тайна Звездного Рубежа, планеты-крепости за краем Галактики, ошестинившейся автоматическим, непобедимым оружием, которое разносило в клочья любого, у кого хватало дури подойти на выстрел. И ни одна из десятков экспедиций не принесла даже намека на ответ — почему.

В минуты глубокого, пугающего затишья, когда вдруг стихает злободневная суета и слова смолкают, потому что нечего сказать, люди хватались за мысль, что Звездный Рубеж — это всего лишь диковинная страна, ждущая первопроходца — мысленная литания для изгнания страшного духа безмолвия. Людей манила эта богоподобная сила. Глаза безбожников искали богов в величественной мощи неизвестного — технологического эквивалента Иеговы Ветхого Завета.

А когда мысль людей отвлекалась от Звездного Рубежа, она обращалась к небесным сейнерам. Звездоловам.

Вообще-то звездные рыбаки не должны были бы быть тайной. Это были люди. Звездный Рубеж — это был просто мертвый, металлический, машинный голос, бормочущий какие-то безумные слова на нечеловеческих языках, игрушка вооруженных строителей пирамид, исчезнувших так давно, что не осталось даже расы, которая бы их помнила.

Но сейнеры из-за самой своей человеческой природы стали еще большей, пугающей загадкой.

Наземники абсолютно не воспринимали спокойной, неизменной культуры звездоловов. Они жаждали неоспоримого мира звездоловов, но не принимали их блаженного застоя. Опасной была дорога сейнеров, и причудливо вилась она среди волчьих ям инь и янь ревности и зависти.

Мойше стряхнул с себя задумчивость. Работа прежде всего. Надо быть начеку. На волоске висят много жизней, готовые сорваться при малейшем неверном шаге, и первой в этом списке — его собственная.

Он вошел в терминал порта Блейк — обширную пещеру из стекла, пластика и стали. Уходящий вдаль пол был перекрестком цветов и движений; пасти входов и выходов открывались в другие миры.

Когда-то Мойше хотел быть поэтом, странствующим Гомером космоса — как Чижевский. Детская, наивная мечта. Как мечта овладеть тайными силами, найдя ручки, которые ими управляют.

Инструктор велел ему критически прочесть Чижевского, а потом заставил исследовать собственные тайные образы космоса, ночи и материнского чрева. Это был кошмар ночного полета на метле. Темные закоулки разума оказались землями разрушения и ужаса, в которые он никогда ни за что

не заглянет снова. Муза покинула его ради более светлых небес. Теперь он баловался прозой — «Все, кто был в Иерусалиме до меня».

На этом задании будет время его как следует отшлифовать.

Его охватил свет. Вокруг стоял густой запах человеческих тел. Туда-сюда мотались люди, как роющиеся пчелы, потерявшие вдруг свою королеву. Освежители воздуха не справлялись с миазмами. Все, как в любом терминале, где ему приходилось бывать.

В многообразии своем толклись здесь люди — атомы, танцующие согласно ритуалам терминала. Калейдоскопическим хороводом мелькали цветные костюмы десятков миров.

И небольшая мрачноватая группа заняла один из тихих омутов этого водоворота людей. Там стоял длинный стол, а за ним полдюжины мужчин в желтовато-белых, ничем не украшенных комбинезонах перебирали анкеты и вопросники. В конце стола девица, обложившись кучей секретарских приспособлений, совала анкеты в уменьшающую машину. Девушка была бледной, со светлыми волосами до плеч. Мойше обратил на нее внимание, потому что волосы у нее были для космонавтки необычно длинными.

А вот мужчины вполне отвечали стереотипу космонавта. Волосы у них были подстрижены ежиком не длиннее сантиметра. «Как в лагере для новобранцев в первый день», — буркнул про себя Мойше.

Это были его новые работодатели. Те, кого он послан был предать.

Маленький и смуглый, Маус прошел мимо и подмигнул. Маус — мышь. Откуда у него такое прозвище, бен-Раби не знал. Знал только, что Маус носит его годами и ему оно нравится. Хотя по виду ему куда больше подошло бы Хорек. «Чудной мужик — мой напарник, — подумал про себя Мойше. — Но мы с ним сработались — из-за симбиоза наших навязчивых идей. В некоторых областях».

Маус тоже был сумасшедшим коллекционером: почтовые марки тех времен, когда ими еще пользовались, монеты, бутылки, кружки, кованое железо — почти любая старина. Только вот для чего они собирали коллекции — в этом они расходились.

Бен-Раби занимался коллекционированием для отвлечения, для отдыха, для самообразования. Маус же после последней побывки на Луне-Командной стал неистовым архаистом. Коллекционирование стало для него способом уйти в единство стилей — гештальт — минувшей жизни. Он по уши влюбил-

ся в двадцатое столетие — последнее с таким широким спектром классовых, этнических и культурных различий.

Бен-Раби вообще не понимал архаистов. И держался о них мнения, по выражению Мауса, ниже змеиной задницы.

Старые различия переменились. Ни раса, ни пол, ни богатство, ни стиль или манера речи не ставили теперь человека в изоляцию. Теперь предрассудки вертелись вокруг происхождения и профессии, и земляне стали нигтерами века, а сотрудники Службы — аристократией.

Бен-Раби — под многими другими именами — знал Мауса уже годы. Но на самом деле он этого человека *не знал*. Ни профессиональная связь, ни дружба не могли пробить защиту Мауса. Бен-Раби был землянином. Маус был уроженцем Внешних Миров и сотрудником Службы в третьем поколении. Это был барьер, через который мало что могло просочиться.

Он стал смотреть на другие лица, отмечая замешательство, решимость, беспокойство. Многие из этих людей не знали точно, зачем они здесь. Но он искал взглядом бесстрастных — тех, кто знал. Здесь должны быть конкуренты и соперники.

Интерес Бюро к звездоловам был далеко не уникален. Тут небось половина шпионов...

— М-да!

— Простите?

Он обернулся. Рядом с ним остановилась маленькая синяя монахиня, удивленная его восклицанием.

— Извините, сестра. Так, мысли вслух.

Улантиска поплыла прочь, озадаченно хмурясь — наверное, гадая, какой это ум нужно иметь, чтобы мыслить неразборчивыми односложными словами. Бен-Раби и сам нахмурился. Что случилось с людской потребностью в вере? Все знакомые ему христиане были завоеванными инопланетниками.

Но любопытство его испарилось, когда он повернулся к этому тревожащему лицу.

Да, это была Мария, хотя изменилась она не меньше, чем он сам. Кожа, волосы и глаза у нее стали куда темнее. Она потолстела на двадцать фунтов, и многое другое тоже переменилось. Эти изменения были более тонкими, но он ее все равно узнал. Она не могла скрыть свою манеру двигаться, говорить, слушать.

Мелькнула мысль, что особенно хорошей актрисой она никогда не была. У нее был другой талант, необходимый в их общей профессии. Она выживала в любых обстоятельствах.

Она перехватила его взгляд. У нее на миллиметр приподнялись брови, потом сосредоточенно

сдвинулись. И появилась зловещая стальная улыбка. Она его тоже узнала.

Интересно, насколько ее понизили после оглушительного провала на Сломанных Крыльях? Во что ей это обошлось, помимо жестокой и медленной смерти ее детей?

У Мойше между лопатками побежали ледяные мурашки. Наверняка она планирует, как сравнять счет.

А она кивнула — вежливо, чуть заметно.

Вселенная огромна. Никак не могло быть неизбежным, чтобы они вообще хоть когда-нибудь столкнулись снова. В голове у него была гулкая пустота и ни одной разумной мысли.

Ничто в мире не могло потрясти его сильнее, чем встреча с ней.

Он ее не испугался. Или испугался, но не в том смысле, чтобы покрыться холодным потом. Она увидит Мауса. Она будет знать, что может либо оставить все, как есть, либо погибнуть, либо точно знать, что убьет их обоих одним ударом.

Какие-то еще лица мелькали в памяти. Тень узнавания чего-то знакомого из файлов Бюро, которые вбивали в голову. Никто из этих людей не будет его врагом. Простая конкуренция — это лазутчики из Корпораций. Или от Мак-Гроу.

Мойше посмотрел на сборище как на организм, пытаясь представить себе его сложение и харак-

тер. Толпа была меньше, чем он ожидал. Человек двести, не больше. Сейнеры дали объявление о наборе тысячи, обещая премии и зарплаты, близкие к сумасшедшим. Их ждет разочарование.

Он подумал, что, наверное, мало есть техников достаточно романтических или попросту голодных, чтобы погрузиться на год в совершенно чуждую среду. Это могло означать возвращение в дом, изменившийся до неузнаваемости. После старта лихтеров возврата не будет. И нельзя будет уволиться, если работа тебе не понравится.

Мойше встал в очередь на регистрацию на чetyре человека позади своего напарника. Мауса трясло.

Мойше никогда не уставал ему удивляться. Лед. Стеклосталь. Машина без признаков жалости. Верная смерть. Много еще мог он найти для Мауса холодных и жестких слов, и все они были бы верны. Но бывали непредсказуемые моменты, когда этот человек давал своей людской натуре выглянуть из-за алмазной оболочки. И каждый раз бен-Раби казалось, что он стал свидетелем чуда.

Может быть, лишь в этот момент за время всей этой операции Маус позволил себе проявить слабость. И всего лишь потому, что предстоял полет на шаттле. Маус панически боялся взлетов.

— Доктор Нивен!

Интимный шепот около самого уха и прикосновение теплой руки. Он посмотрел вниз, в глаза темные и твердые, как сангарийские бронзовые монеты.

— Простите, мадам? Нет, я — бен-Раби. Мойше бен-Раби.

— Как эксцентрично. — Улыбка тоже была металлической. — А я — Кэнди.

Очевидно, она читала больше, чем он подозревал.

Мойше бен-Раби был главным героем единственного романа Чижевского, гротескного полотна, написанного широкими мазками Гаргантюа и Дон Кихота. Все критики набрасывались на это сходство, останавливаясь лишь на самом краю обвинения в плагиате.

Странно, что сангарийка читала «Яркие золотые знамена».

«Сангарийка!» — пришлось ему напомнить самому себе. Он делил с ней ложе, они пылали чувствами в те голодные дни на Сломанных Крыльях.

Она могла бы и сейчас разделить с ним ложе, но... потом она бы выпила его кровь. Сангарийцы лелеют свою ненависть вечно. Если верить слухам — из поколения в поколение.

— И Крыса тоже? — Она имела в виду Мауса. Для этого человека она построила бы отдельный ад. Но это чувство было взаимным. Бен-Раби знал,

как бы рад был Маус свиданию с ней в средневековой камере пыток. — Все вы, конфедераты, шпионы корпораций и Мак-Гроу, притворяетесь, что вам нужны деньги сейнеров... Через час на орбиту, Гун. Увидимся наверху.

Еще пара стальных улыбок, и она понесла свое бронзовой твердости тело в сторону дамской комнаты.

Увидимся наверху.

В этом сомневаться на приходится. Мойше подумал, как бы это очень быстро раздобыть боевой скафандр «Марк-14» или хотя бы глаза паука, чтобы видеть, что у тебя за спиной. Да, в этом задании жизнь будет как на бочке с порохом.

А он-то рассчитывал на каникулы. Бездельничать и работать над «Иерусалимом».

ГЛАВА ВТОРАЯ:
3047 Н.Э.
БЫЛЫЕ ДНИ, ГОРОД АНГЕЛОВ

Служ облетел подпольный мир Города Ангелов на крыльях молнии. Стардастер прибыл на Сломанные Крылья.

Тайно проскользнув к планете, в порт Города Ангелов вошла частная яхта, зарегистрированная на имя доктора Гундакара Нивена. Знатоки соответствующих дел помнили это имя по провалу на Борровее, который стоил сангарийцам миллиарда стелларов. Волнение пошло от рабочих порта, связанных с преступным миром. Награда за голову Гундакара Нивена превышала любые мыслимые суммы. Потерю миллиарда стелларов сангарийцы не спустят даже Господу Богу. Докеры передали весть, что «Леди доблести» несет всего двух пассажиров — европейца и монголоида. В городе тоже обратили на них внимание. Нивен имеет какое-то отношение к Стардастеру. А правой рукой Стардастера был монголоид, некто Джон Ли Пиао. Только эти двое были похожи скорее на мелких жуликов со Старой Земли, чем на хозяев теневой империи, которая соперничала даже с сангарийской.

Тем не менее на советах преступных синдикатов склонялись головы в знак согласия, и солдатам отдавались приказы.

Стардастер был единственным в своем роде. Человек, не принадлежащий ни к одному кругу. Царь преступного мира, построивший свое царство независимо от существующих синдикатов. Он охотился за хищниками своей породы и не платил ни единого кредита за звездную пыль сангарийс-

кого производства. Имя его было одно из самых страшных в списке ненависти сангарийцев.

В десятках миров были вынесены ему смертные приговоры. Существовали открытые контракты, доходившие до ста миллионов стелларов.

Время и успех сделали из него почти мифического дьявола.

Полдюжины раз его объявляли погибшим. Но каждый раз он появлялся снова, как неподвластный смерти, как проклятие погибающего колдуна. Не успевало кончиться ликование по поводу его гибели, как его рука наносила быстрый и страшный удар, выпуская кишки каналу связи или неприятню очередного синдиката.

Может быть, на свете был не один Стардастер?

Главы сангарийских Семей, к которым вел след почти от всей организованной преступности, иногда подозревали, что это вообще не человек, а роль. Может быть, Пиао и есть настоящий Стардастер. Несколько человек, к которым в разное время приклеивали имя Стардастера, были настолько различны, насколько можно выбрать из приличного размера толпы. Высокие и низкие, жирные и тощие, черные и белые.

Диктаторы сангарийских Семей только одно знали наверняка: Стардастер — человек. Пусть сангарийцы — убийцы, грабители, жадные, бессо-

вестные, но только человек, одержимый ненавистью, может так кровожадно их истреблять, как Стардастер.

Даже мотивы его были не до конца ясны. Похищенный им наркотик не всегда снова попадал в торговые каналы. Ясно, что он был одержим не жадностью.

Яхтсмены арендовали наземную машину и исчезли в районе городских складов.

Гундакар Нивен был коренастым человеком среднего роста. У него были твердые темные глаза — такие, которых боятся штатские. Руки у него были толстые и тяжелые. При разговоре он тыкал указательным пальцем, подчеркивая свои слова. От правого уха у него тянулся шрам по всей щеке до самого угла рта.

— Взорвать его килограммом «Д-14»! — буркнул он, ткнув пальцем в облупленное здание склада. Слова его были неразборчивы, потому что правая половина рта не шевелилась. — Сжечь их и драпать.

Водителем у него был маленький человечек с маньчжурскими усиками и такими же холодными глазами, как у хозяина.

— Это не разговор. Только и увидим, как они хорошо умеют умирать.

— Знаешь, Маус, работать на Бэкхарта — это я на метр не дорос. Преступный мир — не моя спе-

циализация. Слишком грязная работа и слишком сложная. Ты что, думаешь, у настоящего Стардас-тера есть тут люди?

Маленький человечек рассмеялся:

— Это точно. Можешь на это рассчитывать.

— Ах ты, черт!

— Эй! Работать на Старика — это честь. Если он тебя зовет, значит, ты этого добился. Неужто тебя не тошнит от ремесла военного атташе?

— Нет. Я туда завербовался.

— Да ладно, брось! Сидеть и плести паутину в углу. Скука, в которую никак не добавить перца. Когда припечет, прятаться в посольстве.

— Так ты думаешь, все это — паркетно-шампанская работа? А у меня, знаешь, на Шейкдауне не было времени на тоску. Причем внутри посольства.

— Все равно не то же самое. Так вот, у Стардас-тера здесь есть люди. Но когда всплывет весть, а пыль осядет, нас уже тут давно не будет.

— Ты мне то же самое говорил на Горьком. А на Новой Земле все вообще должно было быть как нечего делать.

— Так мог бы уже и привыкнуть.

— Может быть. Гундакар Нивен! Что это за имя такое?

— Берешь то, что тебе дают. Тут не дипломатическая служба. Тут повеселее.

— Говори, говори. Но тебя они не переделывают. Ты на каждом задании, Маус. Тебя никогда не ломают в жерновах Медотдела. Никогда психологи не лезут к тебе в мозги.

— Потому что не надо. Я же не роль первого плана. Моя задача — быть рядом и вытащить твою задницу из огня, когда ее припечет.

— Что-то мне во всем этом не нравится, Маус. Тут что-то не так. Где-то ждет беда.

— Мужчина рождается для бед, как искры взлетают вверх.

— Твою мать! У тебя просишь туалетной бумаги, а ты в ответ швыряешь Библию. Я тебе говорю, Маус, это дело гнилое.

— Потому что у нас нет поддержки? Не дрейфь, док, нам она не нужна. Местная шайка сангарийцев для такой Семьи, как Норбоны, значит не больше прыща на заднице. Тут на всей планете их всего пять или шесть. Всю работу делают местные таланты.

— Выстрел местной шпаны сожжет тебя не хуже, чем выстрел столичного профессионала. Без возможности воскрешения. Что там вообще есть?

— Мы с тобой скоро там будем, док. В этой крысиной норе и миллиона народу не наберется. Три вшивых купола, а болот столько, что хватило бы на всю Конфедерацию.

— Даже здесь воняет.

— Это у тебя в голове. Давай, сворачиваем за угол.

Они медленно брели по кварталу, пристально рассматривая район складов собственными глазами. Карты улиц и эйдетические голокартины — это хорошо, но только осмотр на местности делает ее реальным. У каждого города свое ощущение, свой цвет, запах, стиль. Психотехническое ознакомление не дает возможности ощутить неуловимые нюансы реальности.

В их профессии краеугольным и ключевым камнем всегда было знание и подготовка.

— Мне нужна ванна, — пожаловался Нивен. — Я весь провонял болотной грязью.

— Пойдем обратно к «Маркосу». У меня живот уже прошел, и я есть хочу. А пара партий поставит меня снова на рельсы. Делом можно заняться и завтра.

«Маркос» был лучшим отелем на Сломанных Крыльях и одним из лучших во всем Рукаве. Несмотря на ограничения, которые накладывали теснота и законодательство купольного города. Купольные города были космическими кораблями на мертвом якоре на поверхности планет. Что в переводе означает — весьма некомфортабельными.

Вестибюль «Маркоса» был декорирован голоиллюзиями, создающими впечатление открытого

пространства. Стена напротив входа была скрыта закругляющейся голографической панорамой вида другой планеты. Маус застыл.

— Что случилось?

Коротышка продолжал смотреть прямо перед собой. И не ответил.

— Вид на Горы Грома из Эджворда, Черный Мир, — вполголоса произнес Нивен, узнав пейзаж.

Это был суровый вид на черные горы, иссеченные злыми звездными ветрами преднового солнца. Черный Мир был одним из самых негостеприимных и трагически красивых внешних миров.

— Просто удивился, док. — Маус оглядел вестибюль. — Когда мы регистрировались, здесь был Кафедральный Лес Трегоргарта.

На них смотрели. Эти двое производили впечатление не гостей, а захватчиков. Внешность выдавала в них крепких орешков, привыкших зависеть лишь от себя самих. Парням такой породы место в квартале складов, а не вблизи колодца благовоспитанности.

И коридорный с водянистыми глазами, который сквозь голограмму лифта смотрел, как они идут по вестибюлю, тоже был здесь не на своем месте. Он прихрамывал на ходу, но слишком он был солидным, слишком мачо, чтобы принадлежать к

обслуге. И форма была ему чуть тесновата. И манера держаться была на миллиметр увереннее, чем нужно.

— Что-то съехало с нарезки, — сказал Маус.

Двери лифта закрылись с неожиданной силой, как будто произнося объявление войны.

Все операции Бэкхарта отличались подробнейшими предварительными исследованиями. Маус и Нивен видели фотографии и читали личные дела всех служащих отеля.

— Я его видел. Что будем делать?

— Остановимся на этаж ниже.

Нивен поинтересовался, почему сразу не вылезти к чертовой матери.

— Пройдем по лестнице. Стукнем их сзади.

— Слишком много допущений.

— Все, какие угодно, чтобы не получить лишний раз по зубам.

Им нужно было на пятый. На уровень пентхауса. Там было всего четыре номера, и занят был только тот, где они жили.

— Они догадаются по пустой кабине, — заметил Нивен, когда Маус нажал на четвертый

— Ага, ты прав.

— Ну и?..

— Знаешь что? Давай спустимся и посмотрим, нельзя ли взять этого хмыря. Всадим ему сыворотку правды и послушаем, что он имеет сказать.

«Образ мыслей Мауса в чистом виде», — подумал Нивен. Понятие «бегство» в его словарный запас не входит.

Они оба играли роль выходцев со Старой Земли. Точнее, головизионного стереотипа выходцев со Старой Земли. Полного психологического кондиционирования они не прошли. Манера их речи колебалась между той, что соответствовала роли, и манерой речи выпускников Академии. Подготовка к заданию включала лишь ограниченную психообработку, и они помнили, кто они на самом деле. Чтобы не выходить из образа, требовался самоконтроль.

— Распускаемся мы что-то, — заметил Нивен. — Давай-ка подтянемся.

Лифт остановился на третьем. Они переглянулись.

— Отойди-ка назад, док, — сказал Маус.

Его глаза опустели, лицо утратило выражение. Его охватила еле заметная аура собранности, напряженности. Казалось, он перенесся в другой мир.

Это он вошел в состояние «мозг убийцы». Что означало, что Маус стал биохимической машиной смерти.

Он был специалистом по физическим боевым контактам.

В лифт вплыла жирная, безвкусно одетая женщина с двумя пуделями и ожерельем, стоявшим бы целое состояние, будь оно настоящим.

— Пятый, пожалуйста. — И, пока Нивен не взял неверной ноты, сразу же: — Вы только приехали? Не с этой планеты?

Нивен что-то утвердительно хмыкнул. Надо было придумать, как отвлечь эту бабу, пока Маус выйдет из своего состояния.

— Как чудесно! Дайте-ка я угадаю... Из внутренних миров?

Нивен снова хмыкнул. Он подумал, что эта нарочитая грубость ее достаточно отвлечет. Когда дверь открылась на четвертом этаже, он мягко тронул Мауса за рукав.

— Стоять!

Из жирной ладони выглянул миннатурный игольчатый пистолет. Женщина сбросила маску светской дамы, как змея кожу, и показалась сталь под стать Маусу и Нивену.

— Поедем вместе. — Двери закрылись. — Спасибо.

Нивен взглядом отделил от нее маскарадный костюм и фальшивые накладки и разглядел врага.

Это была Сексон т'Плез, сангарийский резидент на Сломанных Крыльях.

«Хватку теряешь, — подумал он о себе. — Один только жир уже должен был тебя насторожить».

Было подозрение, что Плез — проктор Сексонов, одной из Первых Семей Сангари. То есть по рангу она была на уровне сенатора планеты...

Назначение резидента такого ранга в захолустный мир и было причиной, побудившей Луну-Командную послать сюда свои ударные силы.

Нивен подумал, как она могла так быстро на них выйти.

На пятом этаже кабину ждали два нервных костолома в плохо пригнанной форме служащих отеля. Это была высокая, бледная пара с пшеничными волосами — наверняка братья.

— Который тут Нивен? — спросил тот, что постарше.

— На выход! — Женщина показала пистолетом.

Еще четыре пистолета уставились на них из рук братьев.

«Осторожно, — подумал Нивен и медленно поднял руки. — Эти ребята — любители и могут начать стрелять, если перепугаются».

— Толстяк — Нивен. А желтомордый, наверное, Пиао.

Сведения о сообщниках Стардастера были так же туманны, как о нем самом, но одним из немногих известных имен было Джон Ли Пиао. Говорили, что он в организации человек номер два и главный костолом. Но лицо носителя этого имени было так же неизвестно, как лицо Стардастера.

— Я не хотел бы вас огорчать, — начал Нивен, пытаясь изобразить перепуганного и разозленно-

го постороннего и не испытывая трудностей с изображением страха, — но, боюсь, вы ошиблись...

— Заткнись, скот! — рявкнула женщина.

«Прилипчив земной жаргон», — подумал Нивен. А братья прищурили глаза и поджали губы. Это хамство касалось и их. Слово «скот» было у сангарийцев самым страшным расовым оскорблением.

Нивен сделал невинное лицо.

— Что вообще происходит? Я же простой социолог. Изучаю действие обстановки в куполах на...

Братья принужденно рассмеялись. Один сказал:

— Фигня.

Маус застрял в подвешенном состоянии между нормальностью и сознанием убийцы. Чтобы выйти из этого полусознательного состояния, ему нужно было время. И Нивен знал, в какую сторону Маус выйдет. У него свело живот судорогой.

— ...рабочих-иммигрантов. — Нужно было выиграть время для Мауса. — По заказу корпорации «Убичи». Этот человек — мой секретарь. Наличных мы с собой не носим.

«Вот так, правильно», — подумал он про себя. Протестовать, что ты к делу отношения не имеешь — вызовет только смех. Протестовать против ограбления — это может заставить их усомниться на ту секунду, что нужна Маусу.

Он не был уверен, что Маус поступает правильно. Но Маус не умел отступать. Он был боевик. Когда-нибудь это приведет его к гибели.

Может быть, это приведет к гибели их обоих, но изменить образ действий Мауса Нивен не мог.

Старший брат засомневался:

— Яхта зафрахтована «Убичи».

— Прикрытие... — начала женщина. Но слишком поздно.

Маус взорвался и взлетел с воплем, от которого противники еще на секунду застыли.

Удар кулака выбил оружие у женщины, и оно отлетело в лифт. Одна, потом другая нога поршнями влетели в лицо старшего брата. Он спустил курок, и веер игл прошил стену над головой Нивена.

Младший брат успел лишь полуобернуться, как в него врезался Маус. Левой рукой он выбил оружие, а правая устремилась к горлу противника. Из раздробленной гортани вырвался булькающий вопль.

Хотя Нивен знал, что произойдет, все равно это застало его врасплох. Маус был очень быстр.

Женщина бросилась бежать раньше, чем Нивен успел поднять ее пистолет. Он попытался прицелиться. Но его шатало. Женщина успела ударить его коленом, и теперь голова плыла от боли. Он ударил по кнопке первого этажа, оставив братьев Маусу. Может быть, удастся поймать ее в вестибюле...

Раньше, чем открылись двери, вернулась способность ясно мыслить.

Ничего нельзя сделать. Там пятьдесят свидетелей в холле. Он смотрел, терзаясь от боли и беспомощности, как толстуха снова приняла свой маскировочный вид и не спеша отбыла.

Тут его начало трясти. Провал был близко. Чертовски близко.

Когда Нивен прибыл обратно на пятый, Маус снова был человеком. И его тоже трясло.

— Достал ее?

— В вестибюле? На глазах пятидесяти свидетелей?

— Из лифта. Сквозь голодекорацию тебя не видно.

— Ах ты! — Об этом он не подумал. — А что с этими типами?

— С ними что-то надо делать.

— Да черт с ними, отпусти. Все равно без разницы... — Он глянул еще раз, и вернулось болезненное ощущение, на этот раз выше. — А надо было?

— Да.

В ответе прозвучал вызов.

Мауса вела убийственная ненависть ко всему сангарийскому. И она проливалась на всех, кто с ними сотрудничал.

Объяснять он отказывался.

— Давай уберем их из холла, пока обслуга на них не наткнулась. — Нивен схватил одного за ногу и поволок.

Маус стал вытирать пятна крови.

— Местной банде это не понравится, — сказал Нивен, затащив в номер второй труп. — На нас откроют охоту.

— И что? Мы уже бывали мишенью. Как бы то ни было, а время мы себе выиграли. Раньше, чем действовать, они разрежут на куски эту толстую шлюху. И пришлют кого-то другого. Это у них строго. А пока что мы их пошевелим.

— Как? Мы уже под приговором. Кто станет с нами разговаривать? Всякий, кто хоть что-то знает, будет знать, что мы уже покойники.

— Ты не покойник, пока над тобой крышку не закрыли.

— Маус, мне это все не нравится.

— Док, ты слишком много беспокоишься. Пусть идет, как идет. Нам только надо держать голову пониже и спину к стене, и что-нибудь на нас ветром нанесет. Только будь начеку. Как говаривали в старые дни: если в тебя швыряют лимонами, сделай из них лимонад.

— Я не рассматривал такой жесткий путь, — сказал Нивен. — То есть ты прав, мне не следует так беспокоиться.

— Знаешь, в чем твоя беда, док? Ты жить не можешь, если тебе не о чем беспокоиться. Ведешь себя тревожнее, чем старая дева с семью кошками.

**ГЛАВА ТРЕТЬЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН».
КОСМОПОРТ БЛЕЙК-СИТИ**

Бен-Раби оглушил шум терминала. От запахов и верчения цветов кружилась голова. Он начинал нервничать.

Так всегда бывало у входа в логово льва. Или дракона — на этот раз. Инструктивные ленты говорили, что звездная рыба в космосе похожа на дракона длиной в двести километров.

Он двигался вперед вместе с очередью и дошел наконец до стола. Один из сейнеров задал несколько вопросов. Он вяло ответил.

— Пожалуйста, подпишите и поставьте отпечаток пальца, мистер бен-Раби. И отдайте анкету вместе с остальными документами вон той леди.

Мойше, подавляя дрожь, подписал контракт. Девушка в конце стола улыбнулась и засунула его

документы в пасть уменьшающей машины. Потом сказала:

— Пройдите в эту дверь и садитесь в кресло. Шаттл скоро будет готов к взлету.

Он отошел, пораженный. Бледная девушка-сейнер с ее светлыми волосами и высокими скулами напомнила ему Элис, его любовь времен Академии. И это было плохо. Больше десяти лет прошло, а боль все еще пробивается сквозь душевную броню.

Не потому ли у него с женщинами никогда ничего хорошего не получалось? С тех самых пор любой роман кончался эмоциональным хаосом. Превращался в дуэль на мечах с намерением ранить побольнее.

Но до того не было ни одного романа, чтобы было с чем сравнить. Может быть, он просто сам всегда выбирает женщин с неустойчивой психикой.

Мойше вошел в зал ожидания и сел в кресло. На свет появился потрепанный блокнот, многолетний спутник всех его путешествий. На этот раз, поклялся он сам себе, он закончит «Иерусалим».

«Вот из чего сковал хитроумный Локи путы для великого волка Фенрира: из шума кошачьих шагов, корней гор, женских бород, дыхания рыб и птичьей слюны». Младшая Эдда.

Чем больше он думал, тем больше убеждался, что именно этой цитатой надо начать роман. В ней есть неоспоримая универсальность. В каждой жизни есть свой Локи, способный сковать ее цепью столь же тонкой, но крепкой.

И снова вернулась полынная горечь воспоминаний времен Академии. Нестираемая память о романе с однокурсницей, которая была дочерью вице-коменданта и внучкой начальника штаба Флота.

А он был идиотом. Полным, круглым, чугуниным дураком. Как он из этого вылез? Вспоминая Элис, он считал чудом, что вообще выжил.

И какой ценой? Что, если бы он не разорвал эту связь, как было приказано? Она требовала от него именно этого, бросая вызов тому, что для него было средоточием огромной власти.

А для нее — всего лишь семьей. Мама и дедушка. Для него же они являлись твердынями субординации.

И ночной зверь с клыками вины длиннее, чем у любого другого его кошмара: что с ребенком?

«А ну!» — прикрикнул он сам на себя. Хватит воспоминаний и романтической чепухи. Теперь он взрослый. Надо вернуться опять к «Иерусалиму», и это будет ударом по царству страха в его душе.

Из любимых строк, из «Дунсиада» Попа:

Ты царство страха возродил, о Хаос,
И меркнет свет от слова твоего...

— Леди и джентльмены...

Он поднял глаза. Что еще? Ага, беседа «у вас последний шанс передумать»...

Беседу вел офицер с таким невыносимо скрежещущим голосом, что не иначе как сго механически изменили.

— Вы на нашем корабле не нужны. Вы не наши люди, — сказал офицер для затравки. — Зачем вы здесь? Каковы ваши мотивы?

«Хорошие вопросы», — подумал про себя бен-Раби.

— Причины две. Либо вы увлечены мифом о сейнерах, который полностью сфабрикован головидением, либо вы шпионы. Так я вам сейчас сообщу один секрет. Никакой романтики не будет. И никакой информации вы не получите. Все, что мы вам дадим, — это уйма тяжелой работы внутри культуры, не похожей ни на что вам известное. Мы не собираемся облегчать вам вхождение в наш мир. Цацкаться с вами тоже не будем — некогда.

Этот человек явно старался обескуражить своих слушателей. «Интересно зачем», — подумал Мойше.

— Мы собрали вас по единственной причине. Только так мы сможем выдержать квоты сбора урожая следующего года.

У бен-Раби вдруг возникло ощущение — предвешение, можно сказать, — что у этого человека на уме не только урожай. Какое-то беспокойство или даже страх вертелись у него в мозгу. Он был наполовину одержим мыслью о чем-то большом и страшном.

За что адмирал Бэкхарт любил использовать бен-Раби — за его озарения.

И еще в голосе оратора Мойше ощущал разочарование и одновременно сильное недовольство наземниками. Он говорил, будто чувствуя на языке кислый вкус предательства.

Было неоспоримо, что эти сейнеры в отчаянном положении. Иначе никогда они не стали бы нанимать техников со стороны.

Бен-Раби ощутил прилив сочувствия.

Дом говорившего был на траулере где-то в Великой Тьме. Для выживания ему нужен был массивный приток умелых техников. Человек явно был недоволен, что из миллиардов населения Конфедерации пришло всего двести человек. И из них большинство следует рассматривать как подозрительных.

Рыбак покопался в карманах своего антикварного твидового пиджака. Бен-Раби подумал, не архаист ли он. Образ сейнеров, составленный до знакомства с ними, не учитывал, что у них тоже могут быть свои пунктики.

Человек вытащил какую-то непонятную маленькую штучку и вставил себе между зубами. Потом сжал ее большим и указательным пальцами правой руки и запыхтел, одновременно поднес к чашечке этого прибора небольшой огонек. И лишь когда человек начал выдыхать ядовитые облака, бен-Раби понял, что это.

— Трубка! — буркнул он про себя. — Что за черт? — В ноздри ударила табачная вонь. — Не могу поверить, что еще существует такой *плохой вкус*.

Его передернуло.

Такотреагировал не он один. Аудитория загудела, одна женщина встала и бросилась было к выходу, потом зажала рот рукой и села на место. Даже у Мауса был шокированный вид.

А сколько еще таких ужасов затаялось впереди? Это был архаизм, доведенный до степени хамства.

Но насколько бен-Раби была отвратительна эта трубка, настолько же он восхитился лежащим в основе этой сцены психологическим ходом. Все же этот человек облегчил им вхождение в чужую культуру. Теперь дальнейший культурный шок будет слегка ослаблен.

— Как я уже сказал, — продолжал сейнер, выждав паузу, пока слушатели утихли, — здесь среди вас есть шпионы. Да, я знаю, это нехорошее сло-

во. И шпионаж — нехорошее дело. Но реалист признает существование шпионажа, а мы все здесь реалисты. Так ведь? В наши дни шпионаж повсюду. Мы тонем в нем по самую задницу. Потому что почти всякий, обладающий хоть какой-нибудь властью, делает все, чтобы захватить контроль над стадом звездных рыб.

Человек изобразил улыбочку — издевку над ними над всеми. Он устраивал спектакль, изображая надутого дурака, провоцируя реакцию. За этим представлением бен-Раби ощущал спокойствие и уверенность профессионала. На самом деле в этом человеке было что-то, громко объявлявшее: «Офицер безопасности».

— Вы, шпионы, не узнаете ничего. До конца вашего контракта вы не увидите ничего, кроме внутренностей корабля. И даже там вы будете видеть лишь то, что мы сочтем нужным, чтобы вы увидели, и тогда, когда мы сочтем это нужным. Каждый из вас. Запомните: правила безопасности будут соблюдаться постоянно и неукоснительно. Это одиннадцатая заповедь. Вырежьте ее у себя в душе — у кого она есть. Даже мелкое нарушение может вызвать с нашей стороны немедленную реакцию. Поскольку мы не знаем, какую информацию считают ценной ваши хозяева, мы сделаем все, чтобы не дать никакой.

Бен-Раби состроил гримасу. Этот дурак пытается произвести на них впечатление, расписывая паранойю и ксенофобию сейнеров? Он может вопить еще неделю, но профессионалов ему не запугать.

— Повторяю еще раз: агентам просто не будет предоставлено ни одного случая вступить в контакт с кем бы то ни было, кто может знать важную информацию. За попытку контакта с такими людьми предусмотрено наказание. Я достаточно ясно говорю?

Кто-то сделал какое-то ехидное замечание. Оратор тут же ответил:

— Вам придется понять, что мы считаем себя нацией. Мы не входим в Конфедерацию. И не имеем желания входить. Нам на нее в высшей степени наплевать. Все, что нам от нее нужно, — чтобы нас оставили в покое. То же самое, чего мы хотим от любой бандитской шайки. Для нас архаизм — это образ жизни, а не придурь чудака. Так, например, у нас время от времени приводятся в исполнение смертные приговоры.

Эта информация упала в океан молчания. «Интересно, — подумал бен-Раби, — сколько раз пыталась Конфедерация затащить этот странный и отчаянно независимый народ под крыло правительства. Уж не меньше десятка. Луна-Командная —

организация настойчивая. Это собака, которая никогда не выпускает из зубов кость».

А звездоловы уже полтора столетия умудрялись уклоняться от «защиты» Луны-Командной — главным образом тем, что их чертовски трудно было найти, но также и тем, что ясно давали понять, что будут драться до последнего.

«Луна-Командная никогда от своих намерений не отказывалась. И не откажется. И даже этим людям придется это признать, — подумал бен-Раби. — Им придется ощутить бульдожью хватку правительства».

Зал ожидания заполнила нервозность, клубясь, как неожиданно вызванный демон. Проводивший беседу офицер поочередно смотрел в глаза каждому. Романтики ежились под его взглядом. Оказалось, что у их легенды есть клыки и когти. Смертной казни больше нигде не было. Даже варвары за пределами Конфедерации утилизировали человеческий мусор, пусть даже в виде вычислительных киборгов.

Сейчас гражданские узнавали то, что коллеги бен-Раби знали давно. Приключения куда интереснее, когда начинку вытряхивают не из твоего брюха, а из чужого.

— В свете того, что я только что сказал, и понимая, что вас ждет не совсем такое будущее, какое вы себе рисовали, подавая заявления, — сказал

офицер, — каждый, кто хочет, может отказаться прямо сейчас. Расходы будут компенсированы, как было сказано в объявлении.

Бен-Раби улыбнулся, наклонив голову.

— Так я и думал, что ты к этому ведешь, — шепнул он про себя. — Пытаешься отпугнуть слабаков?

По залу прошло движение, но желающих отправиться домой не оказалось. Очевидно, слабаки не хотели выглядеть дураками. Звездолов пожал плечами, собрал свои записки и объявил:

— Ладно. Увидимся наверху.

И вышел.

Оставалось сидеть и ждать шаттла. Бен-Раби вернулся к блокноту и «Иерусалиму».

Работа шла не гладко. У него был слишком упорядоченный и приземленный ум, чтобы создавать хаотически-символистский поток сознания в стиле Мак-Гугана и Потти Уэлкина. Нарочито нагоняемая неясность отказывалась оставаться неясной. Может быть, потому, что он слишком точно знал, что хочет сказать.

«Может быть, и надо было делать в простом повествовательном стиле», — подумал Мойше. Он еще мог побороться за то, что архаисты называли «освежающий привкус анахронизма». И на рынке

архаистов, где ценилось неизошренное искусство прошлого, это вполне могло пройти.

«Станция Икадабар шесть месяцев в длину и два года в ширину, пятнадцать минут в высоту и четверть девятого навсегда; песни в ее небесах и фанфары в стенах ее. Никогда не бывает конца у Дорог...»

Или он ошибся? Или только у него есть чувство, что люди — изгнанники во времени? Но это не важно. Что он может с этим сделать? Ни черта. Сюжет должна двигать страсть. Гневное бессилие.

Люди возбужденно зашевелились, разговоры стали громче. Бен-Раби заставил себя вернуться к реальности.

— Небось шаттл готов, — пробормотал он себе под нос.

Именно так. Его спутники уже цепочкой потянулись на поле. Эти скупердяи сейнеры не стали арендовать присоединенный ангар.

Наружный воздух был прохладен, дул ветерок. На щеку бен-Раби упала капля дождя и растеклась слезой. По небу летел потрепанный партизанский отряд облаков, отстреливаясь шальными водяными пулями, взметавшими грязевые шарики из покрывавшей гудрон пыли. Знамение? В Блейк-сити дождливой погоды не бывает практически никогда. В этой части Карсона воды катастрофически мало.

Он засмеялся нервным смехом. Знамения! Да что это с ним стряслось?

— В шаттл, пещерный человек! — буркнул он сам себе.

Корабль был антикварной вещью уже тогда, когда дедушка бен-Раби мочил пеленки. Коммерческим лихтером он не был никогда и сейчас тоже не стал. Скорее летающее помело, первое столетие. Гроб с мотором и полным отсутствием комфорта. Голый функционализм металла, окрашенного в серое и черное. Похоже на списанный корабль военного флота, еще с Улантской войны.

Взглядом флотского офицера (выучка не забывается!) Мойше отметил, что корабль поддерживается в отличном состоянии. Нигде ни пятнышка грязи или ржавчины. У корабля был вид побывавшего в употреблении, но хорошо сохранившегося предмета, который у антикварных кораблей бывает редко. Эти сейнеры о своей технике заботятся.

Пассажирский отсек был антонимом слова «роскошь». Свои сомнения на тот счет, пригоден ли он для перевозки людей, бен-Раби пришлось оставить про себя. Все же в этом переоборудованном грузовом трюме стояли ряды противоперегрузочных коек, и из скрытых динамиков слышалась успокаивающая музыка. Что-то очень старое и безмятежное, Брамс,

быть может. Музыка сглаживала неровный шум работающих на холостом ходу двигателей.

Подъем, как заметил Мойше, будет вслепую. Пучками водорослей висели кабели, выдернутые из снятых экранов. Сейнеры не хотели рисковать.

Кажется, уровень безопасности у них даже несколько излишний. Что могли бы показать экраны, если их попросту отключить? Кстати, если бы и показали, какую информацию можно было бы из этого извлечь? Он и без того знал, где он. И знал, куда направляется — по крайней мере ближайшую станцию.

Или это тонкий психологический ход? Чтобы они привыкли летать вслепую?

Он стал выбирать себе койку. Узел за ухом, где содержались детали инстинктивного трассера, которые нельзя было разнести, вдруг впился в него железными колючими пальцами. Бюро включило его.

Почему сейчас? Мойше пошатнулся от боли. Они должны были подождать, пока лихтер выйдет на орбиту.

К нему подошла бледная стройная девушка, которая в терминале принимала заполненные анкеты.

— Вам нехорошо?

На ее лице выражалась искренняя заботливость. И это потрясло бен-Раби больше, чем вероломство Бюро. Под дулом пистолета он жил уже мно-

го лет. А вот к заботе со стороны чужих он не привык.

И забота эта не была профессиональным вниманием профессиональной стюардессы. Она в самом деле хотела помочь.

И снова в мозгу у него вспыхнуло: «Я хочу».

— Да, приступ мигрени. А все мои лекарства в багаже.

Она подвела его к противоперегрузочной койке.

— Садитесь пока. Я вам что-нибудь раздобуду.

Он плюхнулся на койку. В затылке сидел дьявол и лягался стальными подковами. Мерзкая и злобная тварь. Все молотил и молотил. Мойше не смог сдержать стонов.

Боль в голове стучала медным барабаном, заглушая любую другую боль. Он заглянул в светлоголубые глаза девушки. Они очень подходили к бледному лицу и бесцветным волосам. Он попытался благодарно улыбнуться.

— Сейчас вернусь, — сказала она ему. — Потерпите.

И пошла прочь, и бедра ее двигались плавно, хоть она и шла торопливым шагом. Но головная боль бен-Раби не оставляла ему времени оценить эту красоту.

А напряженные нервы его расходились. У них тут под рукой таблетки от мигрени? Странно. И ее

любопытство — тоже странно. Что ей за дело до его здоровья? Как только он сказал слово «мигрень», тут она и заинтересовалась.

На этот раз он чуть уклонился от правды, но мигрени преследовали его всю жизнь. В свое время он глотал болеутоляющие килограммами. И все равно, последнее время головные боли его не беспокоили. А подверженность мигреням была включена в его медицинскую карточку как прикрытие для боли, которую может вызвать это следящее устройство...

Какого черта они включили его сейчас?

Психологи говорили, что эти боли имеют психогенную природу. Они вызваны неразрешенным конфликтом между его происхождением со Старой Земли и требованиями его новой культурной среды, куда он поднялся.

Он этому не верил. Вообще он ни разу не встречал психолога, которому можно было бы доверять. Как бы там ни было, а головные боли у него бывали еще до того, как он собрался идти добровольцем.

Уже в сотый раз он спрашивал себя, зачем Бюро вставило ему недоработанное устройство. И сам себе в сотый раз отвечал, что трассер — единственное доступное средство отследить путь сейнерского корабля к стаду звездных рыб.

Трассер, полностью лишенный металла, был единственным устройством, которое можно протаскать на борт звездолета мимо контроля. Но от знания ответов легче не становилось. Потому что очень уж они были неприятные. Больше всего на свете Мойше мечтал об отпуске. Настоящем отпуске, когда можно было бы забыть, кто он и что он. Ему нужно было время, чтобы съездить домой и влезть во что-нибудь, где все задачи известны, понятны и не противны. Он мечтал погрузиться в личную вселенную своей коллекции марок.

Девушка вернулась с одной из этих больших и теплых улыбок на лице. В одной руке у нее была бутылка с водой, а в другой — бумажная коробка с таблетками.

— Вот это должно помочь, — сказала она. Эта чертова улыбка готова была его проглотить. — Я вам принесла дюжину. Болеть будет всю дорогу до корабля.

Бен-Раби скривился. Сколько же они будут ковылять на этом летающем корыте?

— Я спросила, можно ли мне остаться с вами до выхода на орбиту, но Ярл отказал. У меня слишком много другой работы.

Она улыбнулась еще раз и тронула его лоб. У него появилось такое чувство, что она кому-то о

нем доложит. Так ему показалось по ее реакции, когда он сказал, что у него мигрень.

Что такого примечательного в головной боли? Даже если это мигрень. Что-то болталось на оси, и он не мог понять что. Боль не давала думать.

Черт. Может быть, это первые толчки надвигающегося землетрясения культурного шока. «Терпи, Мойше, — сказал он сам себе. — Ты же гонялся на солнечных яхтах в звездных ветрах Крабовидной Туманности. Что может сделать эта леди менее предсказуемого или более пугающего?»

Она уходила, и он этого не хотел.

— Погодите! — Она повернулась. Сердце у него прыгнуло, как у подростка. — Я хотел сказать... спасибо. Меня зовут бен-Раби. Мойше бен-Раби.

Ну не жалкое ли начало? Но она ответила быстрой легкой улыбкой.

— Я знаю, Мойше. Помню по твоим документам. А я — Кольридж. Амарантина Амариллис Изольда Галадриэль де Кольридж-и-Гутьерец. — Она чуть приснула, когда у него брови полезли на лоб. — Матушка любила читать. А вообще-то меня зовут Эми.

Наступила долгая и неуверенная пауза. Тот самый период неуверенной прелюдии к возможным отношениям, когда не знаешь, можно ли рискнуть еще чуть-чуть.

— Я тоже работаю в системе жидкостных трубопроводов.

Он кивнул. Она оставила дверь чуть приоткрытой. И ясно было, что ему решать — входить или нет.

Какие-то слова появились, но было поздно. Она уходила. Ладно, может быть, позже.

На ум вернулось «Я хочу», подстегнутое приглашением этой девушки. Не эта ли женщина — та, кто ему нужна? Нет. Ничего похожего, хотя, если она будет рядом, это может оказаться маслом на волны его мозга.

Уже давно искал он свой Грааль. Хотя он и считал, что в отношениях с ними он урод, все же иногда женщины на его пути попадались. Ни одна из них не была панацеей. Всегда на его пути становился призрак Элис.

В общепринятом смысле мало кто из агентов Бюро был полностью психически нормален. Туда намеренно брали одержимых. Бен-Раби считал, что из нормального человека хорошего оперативника не выйдет.

Вообще, чтобы пойти в разведку, надо быть сумасшедшим.

И он усмехнулся сам над собой.

Лихтер вздрогнул, качнулся, толкнул в спину. Он направился к траулеру на орбите. Мойше смотрел

на Мауса, который находился на три ряда впереди. Маленький монголоид дрожал, как паралитик. Кажется, единственное, чего он во всей вселенной боялся, — это взлета и выхода на орбиту. На все остальное его реакции были не более бурными, чем у камня.

— А Крыса-то перетрусил.

Сангарийка улыбалась ему через проход. Как она там оказалась, он не видел. Неужели с него мало было головной боли, так теперь еще и это?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:
3047 Н.Э.
БЫЛЫЕ ДНИ, СПОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Маус был прав. Несколько дней от местной банды не было ни слуху ни духу. Напряжение оставило Нивена. Он начал вживаться в свою легенду.

Для начала он стал просматривать психиатрическую статистику Города Ангелов. Бюро запланировало его легенду так, чтобы собрать потенциально интересную информацию и ввести противника в сомнение.

С виду не существовало разумной причины тратить все время первостепенного агента на сбор

информации по профилю психических заболеваний в захолустном окраинном городе. Еще меньше смысла было бы в этом для Стардастера. А данные оказались интересными. Ему стала нравиться эта работа.

А потом он встретил эту женщину. Она на миг материализовалась на краю его поля зрения. Длинная, гибкая, темноволосая. А высокая, большая, твердая грудь навсегда застыла в его памяти ошеломляющей голограммой.

Она исчезла прежде, чем он успел разглядеть ее получше.

Документы у него упали на пол. Он подхватил их, гадая, не принял ли только что желаемое за действительное. Такие буфера...

Это была страсть с первого взгляда. А она выходила из-за угла большого металлического ящика, открыв рот от любопытства. Нивен заглянул в ее черные глаза и снова рассыпал бумаги. На ее лице было написано недоумение.

— Что-нибудь случилось?

— Просто я неуклюжий. Вы так неожиданно появились...

Ему всегда было с женщинами неловко. Особенно с теми, которые так сильно и так сразу его к себе притягивали.

Уже годы такого не бывало, чтобы женщина вот так сразу его возбудила. Он сам себе поражался.

Заложенная в него жесткая программа не предотвратила ни спирания в груди, ни дрожания вспотевших рук. Как у подростка. Полный идиотизм. И он ничего не мог с собой подслать.

Он знал, что после будет есть себя поедом за слабость. Так всегда бывало.

Он снова зашелестел бумагами.

Она улыбнулась:

— Позвольте мне.

И присела, складывая его заметки.

«Монна Лиза, — подумал он, глядя вниз в глубокий вырез ее блузки. — Точно такой же рот. И то же лицо. Только с веснушками».

Косметики на ней не было. И волосы она не обрабатывала ничем, кроме шампуня. Они были расчесаны прямо и висели дико и свободно, с намеком на натуральный завив.

«Она меня превратила в желе», — подумал он. И попытался что-то сказать. Хоть что-нибудь. Но ничего не мог придумать, что не было бы идиотским или пресным. Но он хотел ее узнать. Хотел ее.

— Вы здесь работаете? — выдавил он из пересохшего горла. Прохрипел. И ждал, что она засмеется.

Он знал, что она не здешняя служащая. Уже два дня он провел в зале протоколов. И никого,

кроме нее, здесь не встретил, если не считать старую гримзу, которая объяснила ему систему хранения и время от времени следила, чтобы он не нацарапал где-нибудь похабную надпись или не бросил гранату в туалет.

Пока он работал по своей легенде, Маус шатался по городу в поисках ключа, которым можно было бы проверить всю операцию. А заранее заготовленные звукозаписи создавали впечатление, что он с головой ушел в работу в номере гостиницы.

— Нет, я сюда пришла за материалом для своей работы. А вы?

— Исследования. Проект для корпорации «Убичи». Ох! Гундакар Нивен. Доктор. Не медицины, социальной психологии.

— В самом деле? — Она улыбнулась, отчего стала еще желаннее. — Я думаю, вам уже это говорили. Вы не похожи на доктора.

— Слышал. — Ему не пришлось особенно стараться, чтобы вложить горечь в этот ответ. Он был уроженцем родного мира. И эту часть легенды поддерживать было легко. — Когда ты со Старой Земли, каждый считает...

Социальные неудобства, связанные с рождением на Старой Земле, если их правильно подать, можно превратить в серьезное преимущество. Уроженцы внешних миров без всякой разумной при-

чины испытывали чувство вины за то, во что превратился родной мир. Но это жители Земли превратили ее в тот ад, которым она стала.

Покинуть родной мир желающие могли свободно. Только желающих было раз, два и обчелся. Люди с жилкой авантюризма покинули Землю еще в первое столетие космических полетов, в годы Первой Экспансии и других ранних миграций. Остальные уезжали по колониальному набору, поскольку планетарное правительство Земли за прощение долгов продавало приличный объем мобилизованной рабочей силы. Те туземцы, что хотели вырваться с планеты насовсем, обычно выбирали военную службу.

Нивен не подозревал, что она может быть сангарийкой. И думал, что на теме Старой Земли набрал очки.

— Вы, наверное, исключение... Прошу прощения. Это была грубость.

— Это было предубеждение.

Она подала ему его заметки и надулась:

— Я же попросила прощения.

— Вы его получили. Я не ожидаю, что человек со стороны поймет, что такое Старая Земля. Я сам ее не понимаю. Вы не представитесь?

— Ох, простите. Мария Штрехльшвайтер. Я — хемопсихиатр. Здесь у меня интернатура. А вообще-то я с Большой Сахарной Горы. — На секунду

показалось, что она отвлеклась на какую-то свою мысль. — Мне еще один год остался.

— Я там бывал, — ответил Нивен. — Там великолепно.

«Стоп, — сказал он сам себе. — Срываешься». Доктор Гундакар Нивен на Большой Сахарной Горе не бывал ни разу.

— Я скучаю по дому. Я думала, что Сломанные Крылья — это будет экзотично и романтично. Из-за названия, понимаете? И я думала, что у меня будет случай разобраться в себе. Дома на это никогда нет времени.

Нивен ответил только взглядом. Он хотел, чтобы она продолжала говорить, чтобы оставалась здесь, но не знал, что сказать.

— Старая история. Я забеременела по молодости лет, вышла замуж, бросила учиться. Когда он пропал, пришлось найти работу... Потом все же вернулась к учебе... — Она улыбнулась ему, как сообщнику. — И никакого толку не было сюда лететь. От собственной боли никуда не денешься.

— Один мой друг мне говорил, что убежать невозможно. То, от чего ты бежишь, на самом деле внутри тебя.

— Такое говорил землянин?

— Мы не совсем неандертальцы.

— Извините.

— Не за что. Вы правы. Мы летим в пропасть. Если бы не Луна-Командная и не Корпоративный Центр, мы бы уже скатились обратно в темные века. Ладно, хватит об этом. А не пойти ли нам перскузить? Время ленча.

Он сам себе удивился. Редко он бывал так смел.

— Конечно, почему бы и нет? Отличный случай поговорить с кем-то, кто не провел всю свою жизнь на этой канализационной станции. Вы понимаете, о чем я?

— Могу догадаться.

— Вам оплачивают расходы? Только не поймите меня неправильно. Я не пытаюсь сэкономить, только уже целую вечность не ела в приличном месте.

— Мы найдем такое.

«Все, что хотите, леди, только не исчезайте, пока я не соберусь с духом и не заговорю о том, о чем хочу говорить».

— Где тебя черти носили? — подступил к нему Маус. Нивен ввалился в номер за полночь. — Я уже боялся, что тебя прихватили.

— Извини, мамуля. Больше не буду.

— Твою мать! Док нашел себе подружку.

— А ты думал, у тебя эксклюзивное право на...

— Ладно, понял. Остынь. Но в следующий раз свистни мне. Чтобы я не нажил себе геморрой от волнения. Слушай, я поймал это дело.

— Что именно? Триппер?

— Нет, я понял, зачем мы здесь. Звездная пыль.

— Так мы это знали. Зачем иначе такая хитро-задавая двойная легенда?

— Не мелкая партия. И не случайная поставка. Столько звездной пыли, что резидентом на захлавленную планету послали проктора Семьи.

— Это ту толстую шлюху?

— Ага. Потому что Город Ангелов — это перевалочный пункт для всего этого края Рукава. Разговор о миллиарде стелларов в месяц.

— Разговор о том, что у тебя крыша съехала. Тут кораблей не хватит на такой объем контрабанды.

— Хватит. Если на самом деле возить не надо. Если отправлять ее отсюда из легального источника и под маркировкой чего-нибудь легального. Если у тебя вся таможня в кармане, и корабли, и команды, и шкипера...

— Начни сначала. Ты главу первую пропустил.

— Чем известен Город Вони? Кроме вони?

— Фармацевтика.

— Пятерка за сообразительность. И всю хорошую органику для нее черпают из окрестной гря-

зи. Почему и построили здесь Город Ангелов. Сангарийцы взяли под контроль всю эту промышленность. И большинство местных чиновников.

Сырую звездную пыль они на парашютах кидают в болото. Драги ее достают и доставляют. Контролеры полевых перевозок получают приличные бабки, чтобы не замечать странных отметок у себя на экранах. Здесь ее чистят в лучших лабораториях и отправляют по адресам под видом тонкой органики. На том конце ее принимают и пускают в обычные каналы распространения звездной пыли.

— Как ты это раскопал?

— Нашел человека, который был в курсе дела. И убедил его, что следует мне все это рассказать. Теперь вот что: зная стиль работы Старика, заключаем, что он наверняка почти все это предполагал, когда посылал нас сюда. Значит, что он хочет? Источник. Чтобы мы нашли, откуда приходит сырье, которое попадает сюда.

Нивен скривился, посасывая коктейль, который уже успел себе смешать.

— Ничего себе работка. Такой масштаб... наверняка это целый картель Семей. А ты мне, помню, говорил, что здешняя банда сангарийцев...

— ...самая большая из всех, док. Мы, кажется, напали на след самих Первых Семей. А что я говорил, я помню. Я ошибался.

— Знаешь, я подумываю о выходе в отставку. Мы влипли, и это единственный выход.

Сангарийцы были немногочисленной расой. У них не было правительства — в том смысле, в каком это понимали люди. Главной формой организации у них была Семья, которую можно описать как корпорацию не имеющей границ нации, возглавляемую лицами, состоящими в родстве. Так называемые «неимущие» сангарийцы составляли рабочий класс.

Такая Семья была весьма аристократическим образованием и капиталистом дикого рынка. Сангарийцы резали глотки друг другу почти столь же охотно, как истребляли «скотские» расы.

Глава Семьи был абсолютным диктатором. Богатство его приверженцев зависело от его умения. Наследование шло по мужской линии. Существование прокторов лишь чуть смягчало средневековую структуру власти.

Первые Семьи — это были пять или шесть наиболее сильных Семей. Сколько их — разведка никогда точно не знала. Их функцией в качестве объединения было определение расовой политики и гарантия собственного превосходства среди своего вида.

Очень мало было известно о сангарийцах такого, что они не хотели, чтобы было известно.

— Эй! — с напором сказал Маус. — Даже не шути так. Выходить из дела, когда представляется подобная возможность? Это же может быть наш самый сильный удар за всю историю! Такое стоит любого риска.

— Это как посмотреть.

— Это стоит чего угодно, док.

— Для тебя — может быть. — Нивен держал бокал перед глазами и пытался вернуть то состояние, в котором он пришел. Но от Мауса не отвяжешься.

— Так расскажи мне о своей подруге. Кто она? Где ты ее встретил? Она как с виду, хороша? Что-нибудь тебе обломилось? Чем она занимается?

— Хрен я тебе что скажу. Найди себе сам.

— Эй, док, ты что! Ты давно меня знаешь?

— С Академии.

— Я у тебя когда-нибудь отбивал девчонок?

— Я тебя ни разу на этом не поймал. — Нивен смешал себе второй коктейль.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что Юпп тебя поймал.

— Кто? — Маус бросил на него мрачный взгляд и показал пальцем себе на ухо. Комната могла прослушиваться. — Ты о Карлотте? Так она же сама замной охотилась, помнишь? А ему было наплевать.

Юппу фон Драхову было отнюдь не наплевать.

Их общий приятель и одноклассник по Академии был просто раздавлен, хотя скрывал это от жены и от Мауса. Той отдушиной, куда он изливал всю свою боль, оказался Нивен.

Нивен не сказал Маусу, что это из-за него фон Драхов оставил жену и сына и так ушел с головой в работу, что обогнал в карьере людей куда более старших. Флот был единственным институтом, которому фон Драхов доверял безоговорочно.

И был в этом не одинок.

Службы стали иностранным легионом века. Людей соединяло суровое товарищество, и в основе его лежало убеждение, что они вместе должны стоять против всего остального мира. Служба становилась родиной. Для таких, как фон Драхов, она становилась культом.

Нивен никогда не говорил об этом с Маусом. Зло уже случилось, пусть боль рассеется постепенно.

И дело было не в поступке Карлотты. Верный брак доколе-смерть-не-разлучит-нас вообще был фантазией архаистов. Дело было в том, как это было сделано. Карлотта сделала из этого публичную казнь, терзая Юппа тупым мясницким ножом эмоций, с явной целью ранить и унижить.

Она заплатила за это ценой отвержения. До сих пор она была изгоем на Луне-Командной. Ее не навидел даже собственный сын.

Нивен так и не понял, что двигало этой женщиной. Казалось, она вдруг сошла с ума, свалившись под грузом собственного презрения к мужу-высочке.

Фон Драхов был со Старой Земли, как и Нивен. Еще до крушения своего брака карьера его взлетела ракетой, и он обогнал родственников своей жены, служивших во Флоте уже четвертое поколение. Может быть, это и надломило ее окончательно.

— Только не слишком увлекайся, док, — предупредил Маус, прервав мысли Нивена. — Может быть, нам не придется здесь долго быть.

Позже, уже проваливаясь в сон и пытаясь забыть эпизоды жизни на Луне-Командной, Нивен подумал, почему бы это Маус так открыто обсуждал их задание, но немедленно пресек упоминание о фон Драхове.

Защищал их легенду второго уровня? Сообщники Стардастера никак не могли иметь своим другом действующего капитана Флота.

А может быть, Маус знал что-то такое, что адмирал Бэкхарт не счел нужным сообщить его партнеру. Старик любил работать в подобном стиле.

Сукин сын.

— И то, и другое, наверное, — пробурчал он.

— Чего?

— Сам с собой. Спи.

Бэкхарт всегда использовал его как ширму. Или как движущуюся мишень. Он шатался вокруг, испугивая дичь для Мауса.

Или наоборот, как утверждал Маус.

«Интересно, — подумал он, — слушал ли их кто-нибудь. Одного жучка они при осмотре нашли, не включенного. Из тех приборов, которые менеджеры отеля ставят, чтобы не воровали полотенца. Но профессиональная осторожность требовала считать, что они пропустили что-нибудь работающее».

Нивен не был влюблен в свою профессию. Она не оставляла ему ни минуты, когда можно расслабиться. Он не считал, что умеет быстро реагировать, и потому свои реакции на ситуацию старался предусмотреть заранее, даже, пожалуй, слишком тщательно. Он не умел, как Маус, летать свободно и воспринимать удары судьбы с фатализмом самурая.

Для него каждый выход с Луны-Командной был выходом на вражескую территорию. И он хотел всегда быть заранее информированным и вооруженным.

Жизнь была проще, когда он служил резидентом в консульстве. Тогда и друг, и враг знали, кто он, и был сложный комплекс ритуалов, по которым велась игра. Редко кто тогда делал больше, чем следить за тем, с кем он встречается или кто

еще за ним следит: На Сент-Августине он носил мундир.

Для охотников за скальпами правила были другие. И друзья, и враги Бэкхарта играли по правилам войны. Кровавым правилам.

И по причинам, которых Нивен не понимал, команда Бэкхарта вела войну против сангарийцев не на жизнь, а на смерть.

Нивен прошел все посвящения. Он выдержал бесчисленные часы тренировок и гипноподготовки. У него даже было преимущество бурных детства и юности на Старой Земле. Но как-то вышло, что годы в Академии заразили его гуманизмом, от которого иногда работа причиняла боль.

«И склонность к долгой рефлексии здесь не поможет», — подумал он про себя с мрачной иронией.

Кампанию против сангарийцев можно оправдать. Звездная пыль разрушала бесчисленно мозгов и — жизней. Пиратские рейды сангарийцев обходились в миллиарды стелларов и сотни погибших. Через подставных лиц сангарийские семьи захватывали контроль над легальными предприятиями и обращали их к преступной деятельности.

Гуманоидные пришельцы стали смертоносным вирусом в теле человеческой цивилизации.

Но сама аморальность контрмер Флота внушала Нивену мрачные сомнения. «Где же справедли-

вость, — хотел он знать, — если мы более варвары, чем наши враги?»

Маус любил ему повторять, что он слишком верит мыслям вместо того, чтобы верить чувствам. А вопрос здесь чисто эмоциональный.

Утро принесло безразличие. Депрессию. Он просто предоставил всю ответственность Маусу.

— Какая на сегодня программа? — Нивен знал, что сегодня его партнер решил изменить привычный порядок. Маус заказал в номер настоящий кофе, и сейчас Нивен держал в руках чашку. — Как ты этот расход пропустишь мимо контролеров?

— Мои счета идут прямо к Старика, а он шлепает на них штамп «ОПЛАТИТЬ».

— Классно небось быть у Старика любимчиком.

— Бывают положительные моменты. Но куда чаще — отрицательные. Я хочу, чтобы ты сегодня снова пошел в Медицинский Центр. По своим обычным делам. Только попробуй, если сможешь, отследить их межпланетную торговлю лекарствами. Должны быть какие-то записи по движению товаров, пусть даже они нам дадут лишь часть картины. Я считаю, что большинство их исходит из лабораторий Центра, так что какой-то след в бумагах должен остаться. Если найдем источник, может быть, обнаружим и концы трубы.

— А ты?

— А я хочу потратить немножко денег Старика. На укрытия. На обратные билеты. Сам знаешь — страховка. Новый резидент должен очень скоро появиться. И когда он включит продувку, мы должны быть готовы.

— Ты к ним подбираешься?

В душе Нивена боролись два чувства. Он хотел выбраться из Города Ангелов и отделаться от задания, но не сейчас. Нужно узнать Марию.

— Нет. Я же сказал, просто страхуюсь. Есть у меня такое чувство, что, как только появится кто-то, кто скажет им, что делать, тут же все затянется очень туго.

— Что ты имеешь в виду — туго затянется? А сейчас разве не туго? На мне все время висят репейники. Некоторые так близко, что чуть ко мне в ботинки не влезали.

— Для этого они используют местных. Только я думаю, что это часть их камуфляжа. Чтобы мы решили, что за таким важным местом надзирает всего лишь батальон быков. Если бы никто не наткнулся на с'Плез, так бы могло продолжаться вечно.

— Я тоже здесь что-то чую, Маус. И чувство это нехорошее. Что, если мы окажемся в тисках между ними и Стардастером?

Маус приложил к губам палец:

— Давай не будем переходить к легенде третьего уровня, — шепнул он одними губами. И усмехнулся: — Идешь на самоубийство? Послушай, если влипаешь в неприятности, подготовь позиции для отхода. Если я сам с ними не справлюсь, закину тебе записку. Иначе поймаю тебя здесь сегодня вечером. В любом случае это должен быть наш последний вечер здесь.

Нивен спустился в вестибюль, полностью убежденный, что Маус говорит далеко не все, что знает. Но это дело обычное. Маус — любимчик Бэкхарта. Обычный любимчик, которым Бэкхарт жертвует, не задумываясь.

Он оглянулся на голограмму. На сей раз она изображала одну из знаменитых электрических бурь разлома Гининга на Камелоте. Сквозь дождь и молнии на Нивена летела стая воздушных китов.

Для Бэкхарта работа Бюро была игрой. Сильно усложненным видом шахмат, которые Маус любил до самозабвения, и доской была вся вселенная. За минимальное преимущество он был готов пожертвовать самыми любимыми фигурами. В течение жизни целого поколения он преследовал расу сангарийцев. И медленно и неумолимо, как ледник, выигрывал.

Но цены его маленьких побед ужасали.

Чтобы добиться доступа к коммерческим архивам Медицинского Центра, пришлось подольститься к старой гримзе. Нивен так и не понял, что заставило ее сдать, но где-то среди разговора он сказал то, что было нужно. Маска смерти убралась и сменилась имитацией улыбающегося лица, а потом она из кожи вон лезла, объясняя ему систему хранения.

Информация здесь нашлась. Эльдorado, прикрытое лишь тонким слоем почвы. Больше, чем Маус мог даже мечтать. Здесь был центр обработки данных, откуда управляли всеми операциями. И охранялся он только блокировкой данных.

Администраторами сангарийцы были из рук вон плохими. В межзвездное сообщество они ворвались хищниками и никогда так и не приспособились к требованиям современной коммерции. Ориентированные на действие, они не обращали внимания на скучные детали, особенно на тех планетах, которые считали надежно лежащими у себя в кармане.

Например, на то, чтобы не дать доступа к своим данным никому, кроме тех, кому это абсолютно необходимо.

Когда-то было время, когда необходимость защиты вообще не приходила им на ум, как не приходит на ум существование некоторых оттенков дальтонику, прожившему всю жизнь в обществе

таких же дальтоники. Но они учились. Бэкхарт вырабатывал у них условный рефлекс по Павлову. Эта их слабость была излюбленной мишенью его атак.

Один секрет хранили сангарийцы. Он не был нигде записан, и защищали они его ценой собственной жизни. Необходимость его защиты была единственным, что могло объединить все Семьи, даже те, среди которых была вендетта. Любая вражда откладывалась, если нужно было сохранить тайну расположения своей Метрополии.

На Борровее сангарийские дети убили своих младших братьев и сестер, а потом совершили самоубийство, чтобы не предстать перед допросом людей, и все лишь из страха, что они могут знать что-то, что человеческие скоты сочтут для себя полезным.

Записи Медицинского Центра были великолепны. Нивен раскопал не много имен, зато нашел развединформацию, определяющую критические пункты сети распределения. Разорванные в этих местах каналы не удастся восстановить годами. Он никак не мог поверить, что люди, настолько гениальные в маркетинге, могут быть настолько неуклюжими в административной работе. Но сангарийцы были на родом, верящим только в силу. Они предоставляли мускулы, деньги, оружие, товары. А человеческим скотам доставался почти весь риск. И все шишки.

С точки зрения сангарийцев их человеческие сообщники не стоили внимания. Присоски щупальцев гигантского кальмара были просто невежественными и дешевыми животными. Их можно заменить другими столь же невежественными, жадными и дешевыми.

На всем рынке только двое-трое могли показать на Город Ангелов. Только со спины самого зверя можно было увидеть всего монстра целиком. И зверь этот жил полностью на сангарийские деньги.

Мария застала его еще за работой.

— Что это такое? — спросила она, увидев его погруженным в данные, никак с его обычной работой не связанные.

ГЛАВА ПЯТАЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», ВЗЛЕТ

— Сожалею, что вас напугала. — Улыбка волчицы не оставляла сомнения, что сангарийке сожаление вообще не свойственно. — Я Мария Элана Гонзалес. Атмосферные системы, способы вентиляции. Иногда занимаюсь гидро-

понной экологией, хотя диплома ни там, ни там не имею. Слишком была занята другими вещами.

«Именно, — подумал бен-Раби. — У этой леди другие интересы. Звездная пыль и убийства».

— Мойше бен-Раби, — ответил он на случай, если она забыла.

— Необычное имя. — Она улыбнулась своей стальной улыбкой. — Еврейское?

— Так мне говорили. Я в жизни ни разу не был в синагоге.

— Вы, случайно, не писатель? — Она чертовски хорошо знала, что он писатель. Или что считает себя писателем. — Имя звучит так литературно...

— Да, пытаюсь.

Она собирается сорвать с него маску? Нет. Не стала на это напирать. И ни одной колючки из своего арсенала в него не всадила.

— А что вас заставило записаться сюда?

— Безработица.

— У космического слесаря? Шутите. Вы, наверное, в черном списке.

— Вроде того. В чем-то. А вы зачем?

— За деньгами.

Вибрации ненависти начали проступать. Она великолепно владела собой, а бен-Раби не мог их скрыть. У него слишком болела голова для словесного фехтования или чтобы попытаться про-

шупать, какое у нее задание. Вооруженное перемирие продолжалось до самого прибытия лихтера к траулеру.

Мойше ни на секунду не забывал, что она — сангарийка и что она с удовольствием выпила бы его кровь. Просто он на время отложил эти факты в сторону.

По его вине погибли сотни из ее народа. И дети ее умирали медленной смертью. Она не может чего-нибудь не сделать. Ее заставят сангарийские традиции чести, требования Семьи.

Но она не будет действовать сразу. Она здесь на задании. Сначала она его выполнит, так что Мойше может на время расслабиться.

При всей его склонности к рефлексии и моральных принципах он не ощущал вины за то, что случилось на Сломанных Крыльях. И за последствия — тоже. Человечество и сангарийцы находились в состоянии войны, и первый выстрел сделали сангарийцы. Это была война скрытая, ведущаяся почти на личном уровне, но это не важно. Не важен и факт, что войну вели именно люди, а сангарийцы просто занимались бизнесом. Битвы — это битвы, жертвы — это жертвы, от чего бы и как бы они ни погибали.

Почти все его товарищи и современники ненавидели сангарийцев, но для него это был народ

как народ, а воевал он с ними за то, что они делали и что собой представляли.

Он фыркнул. Такое мог бы сказать, и притом верить в свои слова, самый отъявленный расист.

Его тошнило от торговли звездной пылью как таковой.

— Беда моя в том, что я ничего не люблю и ничего не ненавижу, — пробормотал он про себя.

— Что?

— Извините. Думал при включенном языке.

Ему было все безразлично. Ничто его не трогало. Обезболивающие таблетки бросили его в нирвану. Или в бездонную черную яму, куда не доходил свет эмоций. Он не мог понять, куда именно.

И ему это было все равно. На все наплевать. И он погрузился в изучение загадки, которую звали Маус.

Бен-Раби считал, что знает Мауса лучше любого другого, за исключением адмирала. Они изучили друг друга на операциях, где работали вместе. *Огонь тайной войны* расплавлял их и сплавлял в единое целое...

И все равно Маус оставался ходячей тайной. И бен-Раби не понимал его и боялся.

Маус был единственный известный ему человек, который совершил убийство голыми руками. Убийство как явление не перешло в разряд ископаемых. Но из него ушло личное участие. Убий-

ство стало механизированным делом, лишившись своей души. И это произошло так давно, что большинство гражданских не могли выдержать тех эмоций, которые испытывает человек в раже убийства.

У них закорачивало мозги, они превращались в зомби, и ничего не происходило.

Каждый мог нажать на кнопку и запустить ракету на уничтожение корабля или тысяч душ. Много маленьких перепуганных каждый так и делали. И тот же каждый на следующую ночь спал спокойно. Его дело было кнопка, а не взрыв. Для убийств такого рода открывались широкие возможности в отдаленных космических битвах с сангарийцами, пиратами Мак-Гроу или в каперских операциях мелких государств. Но убить человека лицом к лицу, руками, ножом или револьвером... это требовало слишком большого личного участия. Люди Конфедерации не любили ни к кому подходить близко. Даже чтобы отнять жизнь. Люди знали, что возникновение такой нужды — это значит, что ты слишком глубоко влез.

Люди Дня Сегодняшнего не хотели видеть лица в своих снах.

Бен-Раби был слишком во власти своих ассоциаций и не умел управлять полетом своих мыслей. Маус. Межличностные отношения. Эти две соединенные силы сталкивали его в яму страха.

Мауса он знал давно, еще по Академии. Они вместе учились и вместе развлекались играми вроде гонок на солнечных парусниках в бешеных ветрах стареющей сверхновой. Их команда была непобедимой, и они всегда вместе пожинали урожай славы. Но постоянно отказывались быть больше, чем просто приятелями. Друзья — странные создания. Они становятся обязанностью. Они превращаются в ходячий символ эмоционального долга и личной ответственности.

Он слишком сблизился с Маусом. Ему нравился этот странный коротышка. И он подозревал, что у Мауса те же проблемы. А в их профессии дружба — это помеха. Она мешает профессиональной отстраненности и может привести к беде.

Бюро им обещало, что после Сломанных Крыльев у них больше не будет совместных операций. И солгало, как всегда. Или эта операция была действительно-критичной, срочной, требующей лучших работников.

Здесь можно гадать. Адмирал способен сказать, сделать и обещать что угодно, лишь бы работа была сделана.

Спешка бывала всегда, но на это жаловаться не приходится. Поспешность — неотъемлемая черта структуры современного общества. Изменения происходят так быстро, что политические, опера-

тивные и эмоциональные правила устаревают за сутки. Решения и акции, чтобы быть действенными, должны быть внезапными.

И система постоянно тряслась под громовыми ударами опрометчиво принятых ошибочных решений.

Сейчас бен-Раби был участником одной из немногих старых и стабильных программ Бюро. Наложить лапу на звездных рыб было задачей номер один еще до его рождения. И он подозревал, что останется таковой и долго после его смерти.

Он боялся умереть от скуки. Очень мало было надежд, что его и Мауса отзовут раньше. Присутствие сангарийки изменило все правила.

Он оставил все надежды получить от задания удовольствие.

Как-то, когда-то, из-за сангарийки или из-за чего другого, ему или Маусу придется серьезно пострадать.

По шаттлу пронесся звон, и корабль вздрогнул. Бен-Раби бросил терзаться мрачными мыслями.

Лихтер ткнулся в материнский корабль, как поросенок в брюхо свиньи. Вслед за толпой Мойше пошел на борт звездолета. Он старался держаться поближе к бледной девушке-сейнеру. Не удастся ли продолжить с того места, на котором прервались?

Он подумал, чем же она его так привлекла. Неужели только тем, что проявила заботу?

Всех провели в большой общий зал, где их ждали несколько типов явно из высшего командования. «Еще одна лекция, — подумал Мойше. — Еще несколько тычков от скуки».

И оказался наполовину прав.

Не успели они устроиться, как один из высоких должностных типов заговорил:

— Я — Эдуард Шуте, командир вашего корабля. Добро пожаловать на борт служебного корабля номер три от траулера «Данион», принадлежащего к флоту Пейна. — Очевидно, этим церемониальная часть и ограничивалась. Командир продолжал: — Мы законтрактовали вас в качестве срочной замены техников «Даниона», погибших при нападении акул. Откровенно говоря, звездоловы не любят посторонних и не доверяют им — в основном потому, что посторонние нам дают достаточно для этого оснований. Но ради «Даниона» мы постараемся добросовестно с вами сотрудничать до тех пор, пока не получим пополнения из наших яслей. В ответ мы просим только добросовестного сотрудничества с вашей стороны.

Бен-Раби снова почувствовал легкое щекотание, будто пером. Полуправды порхали вокруг, как сорвавшиеся с цепи бабочки. У этого человека была

какая-то задняя мысль. Он широко и высоко ставил дымовую завесу, и за ней было что-то, что может представлять интерес для него и Мауса. Мойше мысленно поставил на этом месте птичку.

Ясли сейнеров были единственными в своем роде. Наземники мало что о них знали. Их использовали как романтическое место действия в головизионных драмах.

Естественно, что эти спектакли имели мало отношения к реальности.

Ясли сейнеров были спрятаны среди мертвых планетоидов где-то в глубоком космосе. Там жили старики и дети звездоловов, уча и учась. Лишь здоровые сейнеры зрелого возраста уходили с флотами в космос и рисковали в опасностях вроде той, что постигла «Данион».

В отличие от родителей в Конфедерации звездоловы отдавали своих детей суррогатным родителям из любви. Они не считали молодых обузой, которая лишь мешает наслаждаться моментами быстротечной жизни.

Бен-Раби слишком мало видел своего отца, чтобы выработать к нему какое-то эмоциональное отношение. А что он мог думать о своей матери? Она была той, кем была, и не могла быть никем другим. Дитя своего общества, сформированное средой высокого давления. Годы и предубеждения

разъели соединявшую их тонкую пуповину, и теперь они принадлежали к разным племенам. Выросший между ними барьер было не пробить даже соединенными усилиями обеих сторон.

Навещать ее — это было только зря терять время отпуска, но ведь был еще и ребенок.

Как там Грета? О Господи, он же теперь черт знает сколько о ней ничего не услышит!

И почему его так ужасало поведение собственной матери? Он мог это понять, еще когда уходил. Он вышел из этого мира навсегда. Вся Старая Земля была орущим крысиным рассадником, забитым людьми, ищущими новых ощущений и пороков как забвения мрачной реальности своей ограниченной и мелочной жизни.

— Свет! — приказал командир корабля. Бен-Раби очнулся от воспоминаний. В центре потемневшего зала возникла голограмма, будто по заклинанию не уверенного в себе волшебника, помигала секунду и вдруг рывком застыла внушающей благоговение формой. — Звезды, которые вы здесь видите, переданы сюда с астрогационного учебного модуля второго уровня. Наши головизионные техники восстановили изображение корабля по моделям, используемым при синтезе отображения контроля состояния в центре инженерного управления на

борт «Даниона». Перед вами «Данион», который станет вашим домом на ближайший год.

В произносимое имя «Данион» он вкладывал все, что это слово для него значило: дом, страна, убежище, работа.

На фоне звезд возник корабль. Это был странный предмет, вызвавший у Мойше ассоциацию с клубком осьминогов. Нет. Скорее это было как система городских трубопроводов и кабелей, если убрать дома, улицы и землю, а то, что останется, заставить вертеться на фоне звезд. Широко тянулись переплетения труб. Там и сям присутствовали шары, конусы, кубы, а временами — широкие серебристые поля, развернутые будто для того, чтобы ловить звездный ветер. Между километровыми рукавами магистралей простирались широкие сети. Вся эта сумасшедшая конструкция была усыпана бородами тысяч антенн всех возможных типов. Все вместе впечатляло своим размером и отталкивало причудливостью.

В теории корабль для глубокого космоса не обязан иметь правильной формы корпус. И большинство малых специализированных кораблей такой формы не имели. Корабль вообще не был обязан иметь какую-нибудь определенную форму, хотя сложные соотношения между двигателями, гасителями инерции, редукторами эффекта увели-

чения массы, темпоральными регуляторами и системами искусственной гравитации требовали, чтобы размер в направлении движения чуть более чем вдвое превышал размер в перпендикулярном направлении для корабля, предназначенного для полета с околосветовыми или сверхсветовыми скоростями. Но сейчас это был первый увиденный бен-Раби по-настоящему асимметричный большой корабль. Летящие стальные джунгли. Человечество предпочитало обтекаемые корабли еще тогда, когда межзвездные путешествия были всего лишь мечтой. И даже теперь конструкторы предпочитали заключать все внутрь оболочки, способной генерировать общий защитный экран.

Даже самое смелое воображение гоняющихся за новизной голостудий никогда не создавало корабля так переплетенного и перепутанного, как эта масса пряжи, с которой поиграл котенок.

Удивился не только бен-Раби. Молчание взорвалось незамедлительно.

— Какого черта они не дают этой хреновине рассыпаться? — недоуменно спросил кто-то.

— Что я хотел бы знать, так это как вы умудрились построить нечто подобное без того, чтобы головизионщики всей вселенной не слетелись, как мухи на мед?

Кто-то более технически подкованный задал вопрос:

— Командир, какой системой вы пользуетесь для синхронизации двигателей? На корабле такой величины двигателей должны быть сотни. Даже при использовании сверхпроводников и импульсных лазеров такие системы будут ограничены скоростью света. Запоздывание наиболее удаленных...

Бен-Раби потерял нить разговора. Очередной сюрприз налетел и двинул его под дых кованым сапогом. Он находился на борту такого же корабля, какой они с Маусом видели с поверхности Карсона. Обычный межзвездный корабль устаревшего типа, используемого теперь только свободными торговцами приграничья. И на голограмме появился точно такой же корабль; подходивший к траулеру. А сюрприз был в соотношении их размеров. Служебный корабль стал иголкой, падающей в океан металлолома. На голограмме он уменьшался, а «Данион» раздувался до эпических размеров.

Мойше даже не мог прикинуть его истинные размеры. Самые скромные предположения потрясали. Траулер был никак не меньше тридцати километров в поперечнике, двадцати в высоту и шестидесяти в длину. Неимоверно. На Старой Земле есть страны меньше этого корабля.

А из центрального переплетения корабля отходили эти серебристые паруса и сети.

Он что, на солнечных ветрах летает?

Не может быть. Звездные рыбы держатся вдали от звезд, что с обитаемыми планетами, что без них. Они пасутся далеко в Великой Тьме, где их не отыскать. —

Он никак не мог воспринять этот корабль как настоящий.

Его нормальные мозговые шестеренки заскочили на пару делений. До того, как объявился этот корабль, он считал, что может воспринять любую новизну и странность. Изменения во вселенной в порядке вещей, и новизна не должна подавлять.

Но это задание обещало слишком много нового и неизвестного. Он был погружен, как *tabula rasa**, в абсолютно незнакомую вселенную.

Ничто, созданное Человеком, не имеет права быть таким дьявольски огромным.

Снова зажегся свет и поглотил гаснущую голограмму. Бен-Раби огляделся. Не только у него челюсть отвисла, как переспелая груша, готовая упасть. Несмотря на предупреждение, все верили, что находятся уже на борту траулера. Разница культур мешала им поверить, что у звездоловов есть что-то лучшее.

* Чистая доска (*лат.*).

Мойше начинал понимать, как плохо он подготовлен к заданию.

Свою домашнюю работу он выполнил. Он проглотил все, что Бюро знало о звездоловах. Он изучал домыслы наряду с фактами. Он знал все, что было известно.

Известно было слишком мало.

— Это все, что вам нужно знать о внешнем виде «Даниона», — объявил командир корабля. — Его внутренности вы будете видеть куда чаще, и вам придется хорошо их узнать. Мы хотим, чтобы наши деньги окупались.

«У них есть право этого требовать», — подумал Мойше. Они платили вдвое против обычной ставки космонавта, а ее уж никак не назовешь скудной.

Командир говорил дальше, повторяя теперь инструкции офицера безопасности. Потом он перепоручил наземников матросам, которые разведали их по каютам. Нервозность бен-Раби несколько поуспокоилась. Эта процедура повторялась на каждом военном корабле Флота.

У него оказалась отдельная каюта. Приставленный к нему сейнер помог ему устроиться. По неохотным ответам матроса Мойше заключил, что на корабле, возможно, придется пробыть несколько дней. Флот Пейна занимался тралением далеко от Карсона.

Как только человек вышел и бен-Раби превратил голую каюту в спартанскую келью, он лег поспать. Разумеется, после поиска жучков и скрытых камер. Но сон не приходил. Его мозг еще должен был переварить все сюрпризы. Кто-то постучал. Наверное, Маус. Этот человек никогда не звонил в звонок. По этой причуде его можно было узнать.

И в самом деле Маус.

— Привет! — сказал он. — Меня зовут Масато Ивасаки. О, вы тоже в системе распределения жидкостей?

Он протянул руку, и Мойше ее пожал.

— Бен-Раби. Мойше. Рад познакомиться.

«Дурацкая игра, — подумал он. — Но приходится в нее играть, если хочешь, чтобы люди верили, будто вы только познакомились».

— А вы, случайно, не играете в шахматы? — спросил Маус. — Я ищу кого-нибудь, с кем можно сыграть. — Он был запойным шахматистом. «Доведет его это когда-нибудь до беды, — подумал бен-Раби. — Агент не может позволить себе иметь постоянные привычки. Но кто он такой, чтобы наводить критику?» — Я прошел по коридору туда и обратно, но никого не нашел.

Можно было не сомневаться, что он так и сделал. Маус работал тщательно.

— Играю, но плохо. И давно уже не играл.

Часа этак четыре. Из-за игры они чуть не опоздали в космопорт. Маус нервничал перед взлетом, и ему надо было успокоиться. У бен-Раби были свои причины.

Маус прошелся по каюте, выискивая жучков. Бен-Раби закрыл дверь.

— Не думаю, что они есть. Пока что. Я ничего не нашел.

Маус пожал плечами:

— И что ты думаешь?

— Хреново. Только с голоду за такую работу. Мы летим на мифической сверхновой бомбе.

— Эта баба? Ага. Беда в чистом виде. Еще я заметил пару людей Мак-Гроу. Ты думаешь, она с командой?

Он плюхнулся на вторую койку.

— Вряд ли. По собственному выбору — нет. Она одиночка по натуре.

— Выглядит не очень хорошо, — задумчиво протянул Маус. — Мало информации. У меня ощущение, как у слепого в комнате смеха. Лучше ездить поосторожнее, пока не узнаем местные правила движения. — Он поднял глаза вверх. — И как надуть здешних туземцев.

Бен-Раби сел на свою койку. Несколько минут они молчали, пытаясь представить себе будущее.

И не видели никакого преимущества, за которое можно ухватиться.

— Три недели, — сказал Маус. — С этим я справлюсь. Потом целый год отпуска. Я не буду знать, что делать.

— Погоди заказывать гостиницу. Мария... эта сангарийка... это плохое предзнаменование, Маус. Не думаю, что это само собой рассосется.

— С этим я справлюсь. Ты ведь не думаешь, что я собираюсь здесь торчать целый год?

— Ты помнишь, что говорил этот тип в Блейксити? Это может быть до конца нашей жизни. Причем очень короткой.

— Ба! Просто волну гнал.

— Ты готов поставить на это свою жизнь?

Голова Мойше напомнила о себе страшным резким ударом. Он не знал, сможет ли вынести такую боль. И эта непреодолимая потребность...

— Что с тобой?

— Голова разболелась. Наверное, атмосферное давление изменилось.

А как ему, черт побери, работать, когда все тело болит, а ум вообще готов соскочить с нарезки? Можно было позавидовать древним артистам меча, которым приходилось беспокоиться только о том, чтобы клинок был острым.

— Лучше нам подстраховать свои ставки, Мойше. И начать планировать на долгий срок — на всякий случай.

— Я думал, ты с этим справишься.

Маус пожал плечами:

— Надо быть готовым ко всему. Я тут пошатался вокруг. Эти сейнеры насчет хобби чокнутые не хуже нас. У них клуб нумизматов, и клуб филателистов, и архаистские группы по периодам... в общем, все как надо. Так вот я о чем думал: почему нам не организовать шахматный клуб для наземников? И будет повод нам встречаться.

— А у тебя будет повод поиграть.

— И это тоже. Понимаешь, многие сейнеры тоже играют. Может быть, мы подцепим несколько, с которыми можно будет и пообщаться.

Он подмигнул и усмехнулся. Вероятно, сейнеры, с которыми он собрался общаться, были женского пола.

Мойше не мог постичь Мауса. Маус почти всегда имел довольный вид. И это сбивало с толку. У этого человека груз одержимости был потяжелее, чем у него. А человек, чьей профессией был томагавк, должен был, по мнению бен-Раби, иметь коэффициент довольства близкий к нулю.

Бен-Раби вообще никогда людей не понимал. Казалось, что все остальные живут по другим правилам.

Маус пожал плечами:

— Держишь пальцы крестом? Думаешь, Бэкхарт нас вытащит? Я бы против него не поставил. — Бен-Раби никогда не знал, какое он занимает место в обширных и извилистых планах адмирала. — Ладно, я здесь уже слишком долго просидел. Нет смысла привлекать к себе внимание с самого начала. Я видел, как эта девица давала тебе таблетки. В чем дело? Голова?

— Ага. Может быть, даже моя обычная мигрень. Голова такая, будто ею в футбол играют.

Маус подошел к двери.

— Так сыграем партию сегодня вечером?

— Разумеется, если вы не против играть с любителем.

Бен-Раби смотрел ему вслед, чувствуя себя дураком. Вокруг не было никого, кто мог бы услышать их прощальные слова.

Система общего оповещения объявила обед для пассажиров. Маус обернулся:

— Как вы насчет обеда?

Бен-Раби кивнул. Хотя секунду назад болело невыносимо, сейчас трассер не подавал признаков жизни.

На них явно пытались произвести впечатление. Еда была великолепна. Такой обед на Флоте подавали, когда на борту бывали почетные гражданс-

кие гости. Все, конечно, было из гидропонных баков и утилизаторов, но в высшей степени вкусно. С каждым глотком бен-Раби вспоминал об ужасах кают-компаний через шесть месяцев полета, когда кончаются все запасы свежего и замороженного. С некоторой точки зрения задание начинало казаться перспективным.

Он поискал глазами эту девушку, Эми, но нигде ее не увидел.

Потянулись ленивые дни. На переходе делать было практически нечего. Он почти все время сидел в своей каюте, бездельничая, возясь с «Иерусалимом» и стараясь не слишком предаваться воспоминаниям. Иногда заходил Маус и еще некоторые люди, с которыми он познакомился — поиграть в шахматы или просто поболтать.

Наземники начали осваиваться и знакомиться. Свободные одиночки находили себе пары. Маус, вообще не склонный к целомудрию, нашел себе девушку на второй день. И она уже хотела к нему перебраться.

Всем, кроме семейных пар, были выделены отдельные каюты. Места хватало. Корабль был рассчитан на перевозку тысячи человек.

Маус немедленно стал среди наземников лидером и заводилой. Идея шахматного клуба процветала.

Одним из тех, кто в него вступил, был тот сейнер, который старался напугать их в Блейк-сити.

Его звали Ярл Киндервоорт. Он не скрывал, что занимает высокий пост в полиции «Даниона». Бен-Раби снова поразился размерам траулера. Корабль настолько огромный, что имеет собственные регулярные полицейские силы, с сыщиками и оперативниками в штатском... просто невероятно.

Они называли себя Внутренней Безопасностью. В том, что бен-Раби узнал об их структуре, он не видел ничего напоминающего подразделение безопасности в Службе. Функции, несомненно, присутствовали, наспех разработанные в ответ на прибытие посторонних, но само ведомство выглядело как полицейское управление столичного города.

Шахматный клуб Мауса послужил вдохновляющим примером. Открылись еще полдюжины других, каждый с архаистическим уклоном.

В век, когда не было ничего постоянного утренняя росы, люди, которым требовалось что-то постоянное, обращались к прошлому.

Ко всему движению архаистов бен-Раби относился с продуманным презрением. Он видел в нем убежище для слабых, для моральной трусости и нежелания взглянуть в лицо Дня Сегодняшнего без стратегических убежищ в дне вчерашнем, куда можно сбежать от мучительных требований Сегодня.

Архаизм бывал до чертиков забавен. Бен-Раби помнил, как по головидению показывали пузатого мужика, шагающего по Нью-Йорку в одежде ассирийского солдата на битву с легионами фараона из Нью-Джерси.

А бывал и дьявольски мрачен. Иногда они начинали верить всерьез. Он до сих пор вздрагивал, вспоминая рейд на храм Ацтекских Ревивалистов в Мехико-сити.

Как-то он попросил Мауса посмотреть рабочий вариант своего романа. Он все-таки сумел протолкнуть его до несчастливого конца.

Маус долго морщился и наконец сказал:

— По-моему, все как надо. Я же ничего не понимаю в необъективном искусстве.

— Значит, не получилось. Лучше мне все переделать, чтобы было как следует. Понимаешь, тебя должно зацепить, даже если ты не понимаешь, о чем тут, черт побери, идет речь.

— Ну, Мойше, меня вполне зацепило.

Его тон был гораздо информативнее слов. Он ясно выражал мнение Мауса, что бен-Раби зря тратит время.

Мойше чуть не заплакал. Для него этот роман значил очень много.

ГЛАВА ШЕСТАЯ:
3047 Н.Э.
БЫЛЫЕ ДНИ. ПУНА-КОМАНДНАЯ

Он терпеливо ждал очереди перед отделом санобработки. Когда она подошла, он прошел в кабину «Р». До него никто этого не сделал — под литерой «Р» была пришпилена табличка **НЕ РАБОТАЕТ**.

Она болталась здесь уже больше двадцати лет, старая, грязная и перекошенная. На Луне-Командной каждый знал, что дверь кабины «Р» не ведет в стандартную камеру санобработки.

Люди, а иногда и не люди, не обращавшие внимания на этот знак, были агентами, возвращающимися с заданий.

Он закрыл за собой дверь, разложил вещи на конторке и разделся. Потом голым прошел через следующую дверь. От излучения встроенного в дверную раму сканера закололо кожу, и волосы на теле поднялись дыбом. Он задержал дыхание и закрыл глаза.

В него ударили жалящие иголки струй, убивая бактерий и смывая въевшуюся грязь. Ультразвуковые колебания разбивали длинные спирали молекул вирусов.

Брызги сменились туманом. Он начал глубоко дышать.

Что-то щелкнуло. Он вошел в следующую дверь. И оказался в комнате точно такой же, как и первая. Единственным предметом мебели была здесь конторка. Там лежала аккуратно сложенная одежда и тщательно разложенные личные вещи. Он оделся, рассовал вещи по карманам и хмыкнул. Его понизили. Судя по шевронам, он оказался ракетчиком второго класса. С боевого крейсера «Ашурбанипал», как гласила эмблема.

Об этом корабле он никогда не слышал.

Вытащив из выданного ему бумажника пустое удостоверение личности, он прижал большой палец к месту для фотографии. Через десять секунд там проявилась его фотография и идентификационные данные.

— Корнелий Уодлоу Перчевский? — произнес он, не веря своим глазам. — Все хуже и хуже.

Он пробежал номера и даты, запоминая, потом прикрепил удостоверение к груди. Натянув кепку с козырьком, которую носили космонавты на планетах, он объявил:

— Корнелий Перчевский на аудиенцию к королю.

Пол под ним стал погружаться.

Опускаясь, он слышал, как работает душ в камере санобработки. Через минуту он вышел из

киоска в комнате отдыха несколькими уровнями ниже. Войдя в главный транспортный тоннель, он направился к автобусной остановке. Еще через шесть часов он сообщил обыкновенного вида женщине за простым столом в простой комнате за ничем не примечательной дверью:

— Корнелий У. Перчевский. Я на прием к доктору.

Она посмотрела журнал приема:

— Вы опоздали на пятнадцать минут, Перчевский. Но проходите. В белую дверь.

Он прошел в дверь, гадая, знает ли эта женщина, что она — ширма. Наверное, нет. Игры режима безопасности были серьезнее всего там, где казались наименее нужными.

В кабинете доктора он почувствовал себя Алисой, нырнувшей через кроличью нору в другой мир.

«Такой же сумасшедший, как Страна чудес, — подумалось ему. — Здесь черное — это белое. Верх — низ. Внутри — значит снаружи. Гек стал Джимом, и никто из них незнаком с Твенom...» Он хмыкнул.

— Мистер Перчевский?

Он сразу пришел в себя.

— Да, сэр?

— Я так понимаю, что вы явились для отчета?

— Да, сэр. С чего мне начать, сэр?

— С устной формы. Потом будете отдыхать. Завтра будет письменная форма. Сравнение я поставлю где-нибудь на неделе. Мы все еще вылавливаем блох в новой программе перекрестного допроса.

Глядя на человека без лица, Перчевский стал рассказывать. Самой примечательной чертой допрашивающего были сморщенные, в голубых венах, изношенные руки. Он был старым, его инквизитор...

Обычно человек без лица старым не был. Как правило, это был молодой эксперт, психолог-юрист. Старики в Бюро были бывшие оперативники, штабисты на высоких должностях, лица, принимающие решения, но не технические работники.

Почти всех стариков он знал. Вопросы он выслушивал внимательно, но никак не мог узнать вопрошающий голос. Он был изменен технически. Он снова стал рассматривать руки. Они тоже не давали ответа.

Он заволновался. Что-то где-то пошло не так. Иначе не стали бы задействовать главный калибр.

Процедура отчета и депрограммирования шла месяц. Допросы и перекрестные проверки его ответов сопоставлялись так тщательно и так часто, что когда его наконец отпустили, у него уже не было чувства, что задание было частью его жизни.

Будто у него удалили какой-то орган по молекуле и осталось только непонятное чувство пустоты.

Через пять недель после прибытия на Луну-Командную ему выдали розовую пластиковую карточку, во всех отношениях идентичную белой, которую выдали после санобработки. Выдали ему также конверт с отпускными документами, деньги, банковские книжки и удостоверение со всеми аксессуарами, которые полагается иметь человеку, дабы существовать в электронной вселенной. Включая адрес.

Неулыбчивая амазонка открыла дверь и выпустила его на свободу.

Он вышел в транспортные тоннели Луны-Командной. Обратно из зазеркалья. И сел в автобус, как любой космонавт в увольнении.

Комната была точно такой, как он ее оставил, — только они переместили ее на тысячу километров с прежнего места. Он плюхнулся на кровать и не вставал почти два дня.

Корнелий Перчевский был одинок. Друзей у него было немного — профессия не позволяла. Еще пять дней он провел в своей комнате один, осваиваясь с книгами, коллекциями и памятными безделушками, которые можно было считать следом во времени его настоящей личности. Эта личность, подобно протей, медленно возвращалась к своей

естественной форме. Он начал проявлять интерес к тем немногим вещам, которые были объединяющим полем для его настоящего и прошлого.

Достав пишущую машинку и блокноты, он несколько часов тюкал по клавишам. Из истерзанного чрева его души рвался наружу крохотный эмбрион боли. Перчевский отстучал свой агентурный номер, добавил код клиента и заложил листы в факсовый аппарат.

Через год или два, если повезет, на одном из его счетов материализуется пара кредитов. Он снова лег и стал смотреть в потолок. Через некоторое время он заключил, что достаточно уже провел времени наедине с собой. Процесс выздоровления начался. Он снова мог видеть людей. Он поднялся, подошел к зеркалу и стал рассматривать собственное лицо.

Процесс депластификации закончился. Он всегда занимал меньше времени, чем залечивание внутренних повреждений. И эти повреждения, кажется, никогда не исцелялись до конца.

Он выбрал из шкафа гражданский костюм, оделся.

К общественной жизни он вернулся, выйдя в небольшой магазинчик. Автобус был полон. Он ощущал давление всех этих личностей, обступивших со всех сторон... Не слишком ли рано он вы-

шел? Каждое новое восстановление длилось чуть дольше и было чуть менее эффективно.

— Уолтер Кларк! — воскликнула владелица магазина. — Где тебя черти носили? Ты уже полгода не заглядывал! И выглядишь так, будто выскочил из ада.

— Как жизнь, Макс? — Его лицо раскрылось в улыбке. Господи, до чего же хорошо, что кто-то рад его видеть! — Я только что из госпиталя.

— Опять из госпиталя? Почему же ты мне не позвонил? И что случилось? Какой-нибудь экспансионист из каменного века опять ткнул тебя копьем?

— Нет, на этот раз вирус. С виду была настоящая лейкемия, и они даже понятия не имели, где я мог его подхватить. Есть у тебя для меня что-нибудь новенькое?

— Сначала сядь, Уолтер. Потому что действительно у меня для тебя кое-что есть. Когда это появилось, я пыталась тебе позвонить, но твой ящик твердил только, что тебя нет. Тебе надо приспособить к нему ретранслятор. А сейчас давай я тебе кофе налью.

— Макс, я на тебе женюсь.

— Не выйдет. Мне слишком хорошо одной. И вообще, зачем разрушать отличную дружбу?

Она поставила перед ним кофе.

— Ох ты! Настоящий. Макс, я тебя люблю.

— Кенийский.

— Иногда бывает полезно близкое соседство Старой Земли. Кое-что хорошее оттуда можно добыть.

— Кофе и оперетту. А вот и коллекция. Лучшее уже ушло — сам знаешь, как это бывает. Я же не знала, когда ты появишься, и не могла держать это вечно.

Перчевский отпил кофе. Закрыв глаза, он медленно гнал молекулы своего родного мира по вкусовым сосочкам.

— Понимаю. Я и не ждал, что ты будешь что-нибудь держать, если есть другой покупатель.

Он открыл старинный альбом с марками.

— А ты не в сторону Улантского Марша подавался, Уолтер?

— Улант? Да нет, я был в другой стороне. А что?

— Слухи ходят, и мне любопытно стало. Ты же знаешь, как оно на Луне-Командной. Говорят, что Улант перевооружается. Сенаторы быют копытом. Высшее Командование заверяет, что это чушь. Но у меня тут бывает пара хмырей из руководства Корпораций, и они говорят, что Служба просто темнит, а на самом деле что-то там происходит. И недавно тут проходило много тяжелых кораблей. И все они шли от Рукава к Маршу.

— Ничего этого не слышал, Макс. Я еще не смотрел головизор, как вернулся. И так отстал, что уже, боюсь, никогда не догоню. Вот эта гамбургская... заметки на всю страницу. Что они значат?

— Их оставил Джимми Игл. Сразу почти, как мне досталась коллекция. Здесь много подделок. Фальшивые гашения. Большинство марок хорошие. Он пометил копии. Так ты вообще никаких новостей не знаешь?

— Макс, когда я вернулся из Иллвинда, я был так болен, что ничего не видел. И мне было все равно. Я понятия не имею, зачем мы держим посольство на этой дыре. Или зачем меня туда послали. Единственный раз я там видел местных жителей — двух взломщиков, которых мы поймали за попыткой открыть сейф посла. Миссия военной помощи им нужна, как Старой Земле второй Джошуа Джа. У них вполне адекватные методы убийства друг друга.

— Так ты даже не знаешь, чего учудил Джа?

— Нет, а что? Это я хотел бы услышать.

Джошуа Джа был одним из самых вредных типов в политике Старой Земли. Репортеры головидения прозвали его клоун-принцем Сенегала. Головизионные каналы использовали его угрозы и напыщенные жесты для добавки юмора в выпуски новостей, которые иначе были бы слишком мрачны.

Самопровозглашенный император Экваториальной Африки для своих подданных и соседей предметом для юмора не был. Его свихнувшиеся проекты и эдикты всегда оплачивались кровью.

— Пока тебя не было, он вторгся в Мавританскую Гегемонию.

Перчевский расхохотался:

— Шайка психов вломила в чужой дурдом.

Старая Земля входила в Конфедерацию без права голоса. Но и Конфедерация, и правительство планеты избегали вмешательства в местные дела. Правительство — потому что никакой власти у него не было. Конфедерация — потому что затраты на исправление положения дел на родной планете рассматривались как неприемлемые.

Земля была одним из немногих миров Конфедерации, где существовало множество национальных государств. И единственным, на котором их число доходило до невероятных двухсот двадцати девяти.

Юрисдикция правительства планеты действовала только в тех странах, где соглашались признавать его декреты.

Несколькими столетиями раньше на Земле было только два государства: Мировое Содружество и Соединенная Азия. Соединенная Азия в течение всей своей краткой и бурной истории была бессильна; Мировое Содружество могло бы создать планетное

государство, если бы не коллапс в Момент Падения, названный так потому, что в этот момент времени мощность производства белка в агропромышленном комплексе упала ниже требований абсолютного минимума выживания населения.

— Ты еще самого интересного не знаешь, Уолтер. За первую неделю мавританцы перестреляли половину собственных военно-воздушных сил. А империя потеряла в болотах целую танковую бригаду, потому что Джа приказал идти по прямой всю дорогу до Тимбукту. У головизионщиков был великий день. А на этой сиренево-коричневый фон. У нас есть на нее сертификат Фонда.

Перчевский поднял марку и посмотрел на ее реверс.

— У меня уже такая есть. Я просто смотрю.

— Ну, в общем, мавританцы оказались не такими неуклюжими, как имперцы. И осадили Дакар.

— А что делал Совет?

— Ржал до колик. Решили не мешать падению Джа. Дошли сведения, что другие страны не будут принимать беженцев из Империи. Джа и его банда слишком уронили репутацию Старой Земли.

— Старый Джош? Ты смеешься. Как можно уронить то, что лежит на самом дне?

— Ты высмотрел что-нибудь, что ты хочешь?

— Тебя, любовь моя.

— Остряк.

— В среду вечером?

— А что у тебя на уме?

— Партия в криббедж.

— Я тебе позвоню. Если в этом будет хоть какой-то толк. Если ты не будешь в каком-нибудь уютном месте с названием вроде Чаша Унигаса:

— На самом деле я думал насчет поехать на археологические раскопки в Леи.

— Странно, что ты их вспомнил. Еще кофе?

— С удовольствием. А что?

— В прошлом месяце они вскрыли новый зал.

В отличном состоянии.

— Он открыт?

— Туда провели прозрачную трубу. Можно пройти и посмотреть, но ни к чему нельзя приблизиться.

— Тогда позвони мне. Если хочешь поехать посмотреть.

— Извини, Уолтер. — В магазин вошел еще один покупатель. — Чем могу служить, сэр?

— Что у вас есть по Франции двадцать первого века?

Перчевский ушел с головой в клочки бумаги, рассказывающие историю далекой и бурной эпохи. Наконец он выбрал себе семь марок для своей коллекции и расплатился со счета Уолтера Кларка.

— Макс, спасибо тебе за кофе. И придержи для меня эту берлинскую, ладно? Я тебе дам знать, как только надумаю. В среду удобно?

— Ладно, Уолтер. Я тебе завтра позвоню.

— Если меня не будет, оставь сообщение.

— Оставляю.

Он снова влез в автобус и вернулся в свою квартиру за двести километров.

«Дурак ты, — сказал он сам себе. — Проехать такой путь ради часа посплетничать».

Но ему, черт побери, стало лучше.

В прошлом он ездил куда дальше. Он сомневался, что Макс имеет хоть тень понятия, что она для него значит. Она была одной из немногих стабильных реалий его жизни. Она была вехой, на которую он выходил из диких джунглей Бюроленда.

Свои новые марки он вставил в альбомы с тщательностью хирурга. Достав блокнот, он вычеркнул их номера по каталогу из своего списка желаемых, отметив дату покупки и цену, уплаченную за каждую. Итог он внес в общий гроссбух, потом отметил тот факт, что в альбомах заполнено еще две страницы.

Вести подробные записи его вынуждало что-то, сидящее внутри него, какое-то непреодолимое побуждение оставить доказательство, что он взаимодействует со вселенной, пусть даже посредством

начертания цифр. Были у него и другие блокноты, в которых он вел другие записи. События своей жизни он учитывал подробно.

И ничто из этого никогда не выходило за пределы его квартиры.

Интересно, что думают надзиратели из Бюро по поводу его списков и записок? Он точно знал, что они их проверяют всегда, когда он отсутствует.

Перчевский кончил заниматься своей бухгалтерией. Потом оглядел стерильную комнату, и она вдруг показалась ему очень тесной и одинокой.

Он попробовал включить головизор и нашел канал новостей Луны-Командной. Поймал на низкой частоте. Там не было ничего, кроме бесконечного парада сообщений гражданской службы, хотя однажды комментатор упомянул о слухах о приближающемся значительном событии, касающемся даже Флота. Ожидалось что-то крупное, но природу этого пока трудно было определить. Режим секретности соблюдался необычно строго.

— А как же, — проворчал Перчевский в сторону голокуба. — Начальник штаба объявит победителей этого года в чемпионате Флота по нардам.

Луна-Командная была сердцем и мозгом Конфедерации. Здесь располагалась штаб-квартира Служб, которые были для Конфедерации костями и сухожилиями. Это была ось человеческого пред-

приятия, объединенного только общностью вооруженных сил. И единственным волнующим событием за всю жизнь Перчевского было открытие доисторической базы пришельцев на обратной стороне Луны.

Военные не правили Конфедерацией. Но единственным препятствием на пути к военному правлению было джентльменское соглашение генералов и адмиралов придерживаться демократических форм. Верховное Командование запросто могло бы делать что захочет и когда захочет, если бы отказалось от этого обычая. На окраинах, подальше от глаз сенаторов, оно часто так и делало. Очень мало санкций мог применить к нему гражданский сектор.

Перчевский в раздражении выключил головизор. Он посмотрел лунный календарь в поисках лучшей точки обзора, надел китель и снова сел на общественный транспорт. На скоростном электрическом поезде он добрался за шестьсот километров до купола туристской обсерватории, выходявшего на кратер Тихо. Здесь аттракционом был не сам кратер. Люди со ста тридцати четырех планет и более чем сотни доминионов, протекторатов, ассоциированных государств и внешних колоний Конфедерации слетались сюда не затем, чтобы глазеть на дыру в почве. Союзники и данники тоже кратером не интересовались.

И Перчевскому он был не нужен.

Купол обсерватории Тихо предлагал потрясающий вид Старой Земли. Его родины. Мира, где он не бывал уже восемь лет.

Тихо и другие купола — это была как раз та степень близости к своим биологическим корням, которая была нужна туристам. Перчевский откинулся на спинку глубокого кресла и пропускал мимо ушей записанную скороговорку комментатора.

— ...где зародилась раса людей... возможно, также планета, откуда произошли сангарийцы... первое успешное приземление на внеземной объект двадцатого июля 1969 года по старому летосчислению... Нейл Армстронг... подъем Мирового Содружества после третьей мировой войны... Момент Провала, июль две тысячи сто девяносто четвертого года, привел к коллапсу. Корабли Рейнхардта вывозили беженцев из Содружества в межзвездные колонии с две тысячи сто восемьдесят седьмого до окончания лунных войн в две тысячи двести двадцать шестом. Иерусалимский Договор две тысячи двести двадцать восьмого года породил беспорядочные экспедиции и хаотическое заселение, которое теперь мы называем Первой Экспансией... Расточительство ресурсов и идеология расизма породили реакционный изоляционизм, который продолжался в двадцать четвертом и двадцать пя-

том столетиях. Космические полеты, даже на Луну, прекратились. Контакт с внешними мирами не возобновлялся до две тысячи шестьсот тринадцатого года, когда вице-адмирал Такэда Йосимура привел флот Новой Земли к Луне. Вскоре после этого Такэда встретил корабли Палисарского Директората.

В старых архивах Луны-Командной обнаружались данные по местонахождению десятков населенных миров. Вторичные колонии Директората постоянно подвергались сильному давлению со стороны Токе. Директорат и Новая Земля заключили ксенофобический альянс и приступили к поиску других союзников-людей.

Такова была концепция, если не фактическая история создания Конфедерации. Нашим прежним врагам, Токе, мы должны быть благодарны за акушерскую помощь в ее рождении. Неуклонная решимость Звездных Лордов и Касты Воинов заставила человечество сплотиться. Конфликт длился достаточно долго, чтобы Конфедерация стала реальностью. Ее военный центр разместился здесь, в катакомбах Луны-Командной.

С тех пор Конфедерация и Луна-Командная неуклонно растут...

Перчевский перестал слушать. Все это он и так знал.

И знал, что ему придется услышать это снова. Купола обзора были Меккой, требовавшей регулярного хаджа. Он глядел на Старую Землю и думал, как там его родители. Ни от кого из них он уже давно не имел вестей. По дороге домой он спал. День выдался длинным.

Его ждали два сообщения. Первое — от Макс. Она хотела посмотреть раскопки на обратной стороне. Другое — от его работодателей. Распечатка гласила:

ВЕЧЕР СТАРШЕГО ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА В СРЕДУ
В 20:00 ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН
ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИИ 864-
6400-312.

Он вздохнул и отстучал номер на кнопках. Макс это не понравится. Выяснив, в чем дело, он набрал ее номер.

— Макс? Уолтер. Ага. Спасибо, что позвонила. Тут, понимаешь, у меня затруднение. Только что позвонили от моего босса. Вечер для сотрудников завтра. Пропустить не могу. Знаю. Самому жаль. Слушай, а хочешь со мной? Будут все важные шишки. Ожидается, что начальник штаба Флота сделает какое-то сногшибательное заявление. Нет. Вряд ли насчет Улантского Марша. Если хочешь

знать мое мнение, это просто дымовая завеса. В клубе Командования. Встретимся там? Ладно. Пока.

Он лег обратно на кровать и подумал, что там за новости могут быть и почему ему приказано явиться. Он из старших оперативников, это да, но уж никак не из высших работников штаба.

И еще он думал, сколько еще времени пройдет, пока его отзовут и усадят за письменный стол. Не похоже было, что его каникулы продлятся долго, потому что наверху не любили, чтобы люди в ожидании назначения болтались без дела.

Потом он снова подумал о родителях.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН»,
СОПРИКОСНОВЕНИЕ

Писать он не мог. Слишком много было свободного времени. Ему всегда работалось лучше, когда минуты летели быстро, толкаясь друг с другом.

Что-то у него было не так в голове. Скелеты вылезали из всех шкафов. Особенно насчет Элис. Неколебимые стены Тира тресали и крошились.

Уже много лет он об Элис не думал. Почему же сейчас? Спешное психопрограммирование перед заданием? Или психическое здоровье начинает осыпаться по краям?

У него было два плохих дня. Были моменты, когда он не знал, где он и почему, а иногда — даже кто он.

Иногда он чувствовал, что его судьбой правят дьяволы-хранители. Фатумы, преследующие его, как неутомимые гонимые, и их единственная радость — зло.

Корабль вышел из гипера без предупреждения.

— Пассажиры, оставайтесь в своих каютах. Пристегнитесь и приготовьтесь к ускорению. Мы вступаем в бой с эсминцем Конфедерации, который нас преследует.

— В бой? — спросил Мойше. — Что за черт? Маус? Что творится? До вступления Юппа в игру еще две недели!

Маус качнул головой, предостерегая. Вокруг были люди, их разговор слышали. Сангарийка явно была в черной ярости.

— Колеса внутри колес, — шепнул бен-Раби. — Бэкхарт нас подставляет.

— Будем надеяться, что мы не стали вдруг ненужными, — ответил Маус. — А что происходит?

— Черт побери! Я думал, ты знаешь. Бэкхарт? Или просто Юпп увидел шанс? Может быть, разразилась война на границе?

— Что? Это чушь. Улантиды не полезут. Нет, это точно Старик.

— Лучше пристегнись и читай молитвы, которые знаешь.

Служа во Флоте, бен-Раби видел несколько битв. Они отбили ему вкус к войнам в космосе. Поражения всегда бывали слишком полными и окончательными.

Когда он пристегивался, корабль тряхнуло. Он узнал старт большой ракеты. На корабле явно было оружие, для его класса необычное.

Кончатся когда-нибудь неприятные сюрпризы?

На несколько секунд его ум полностью развалился до абсолютного хаоса. И казалось, что какая-то его крохотная часть смотрит на этот хаос со стороны.

Процесс обратной сборки занял время от сигнала отбоя тревоги и до звонка в дверь.

В каюту вошел человек из команды корабля.

— Мистер бен-Раби? Не будете ли вы так добры пройти с нами?

Он был вежлив, как паук, приглашающий муху.

Явно впереди ждали неприятности.

За человеком стояло полдюжины других с пистолетами. Бен-Раби вышел с ними в коридор.

Другая такая группа конвоировала стоического Мауса.

Как они узнали?

Арестом руководил сам Киндервоорт. У него был вид человека, который так и порывается объяснять. И спрашивать. Мойше надеялся, что он не будет действовать примитивно.

Маус, кажется, этого боялся. Но люди томагавка жили по закону Ветхого Завета: око за око; взявший меч...

— Попались, ребята.

Киндервоорт улыбнулся, показав слишком много зубов. У него был неправильный прикус.

Бен-Раби этот человек был неприятен без видимой причины. К ситуации это не имело отношения. Скорее ненависть с первого взгляда.

Лицо у Киндервоорта было бесцветным и несвежим. Кожа была натянута туго, как на барабане, между высокими скулами и выступающим подбородком. Между ними лежали темные впадины. При подходящем освещении он напоминал череп.

Бен-Раби автоматически не любил людей с таким кладбищенским видом.

— А вот и вы! — объявил командир корабля, когда они вошли, теснясь, в темный кабинет. Мебель в нем была из искусственного, тонированного под черное, дерева, отделанного в старинных стилях. Стены и потолок были декорированы под бревна, придавая кабинету сходство с каютой ка-

питана водного корабля. Были здесь и воспроизведения древних корабельных ламп, компас, секстант, навигационные карты, репродукции в рамках, изображающие каравеллы, клиперы и фрегат «Созвездие». — Все было тихо, Ярл?

— Разумеется, сэр. Фанатики в Бюро не служат. Позвольте мне представить вам капитан-лейтенантов Флота Конфедерации Масато Игараши Шторма и Томаса Акинаса Мак-Кленнона. Капитаны, перед вами командир корабля Эдуард Шуто.

Бен-Раби поджал губы. Он и раньше боялся, что настоящей фамилией Мауса может быть Шторм. Маус подозрительно отсутствовал в последний год обучения в Академии. А это был год знаменитой войны Шторма — Хоксблада на Теневой Линии.

Мойше побывал в Черном Мире после этой войны. В то время там был некто Масато Игараши Шторм, но их пути не пересеклись. Потом Масато принял командование армией наемников, когда сангарийцы убили его отца, братьев и почти всех офицеров семьи.

Киндервоорт явно выразил ему благоволение, хотя имя Мак-Кленнон прозвучало слегка незнакомо, будто это был кто-то, кого он знал в далекой невинной молодости.

Он куда меньше ощущал себя Томасом Акинасом Мак-Кленноном, чем Мойше бен-Раби, Гун-

дакаром Нивеном, Эриком Эрлом Холленкампом, Уолтером Кларком или... Сколькими же людьми он успел побывать?

— Садитесь, джентльмены, — предложил Шуто. — И чувствуйте себя свободно.

Бен-Раби упал в кресло и бросил взгляд на своего напарника, Мауса, который тоже казался ошеломленным. Одно то, что известно было его секретное имя, значило уже очень много... И самым страшным было предположение, что кто-то внедрился в Бюро достаточно глубоко, чтобы получить доступ к его главной системе данных. Это означало крота, внедренного на поколения.

— Вы беспокоитесь о своих друзьях с Флота? — спросил Киндервоорт. — Не стоит. С ними все в порядке. Они вышли из боя и удрали. То есть очень быстро. Наверное, сообразили, что нет смысла устраивать праздник стрельбы, если ничего с этого нельзя получить даже в случае выигрыша.

Он хихикнул, и Шуто вслед за ним.

Должно быть, глубоко внедренный крот. Ничто другое не могло объяснить их постоянный успех в уходе от сил Конфедерации.

Киндервоорт устроился в кресле напротив бен-Раби. И наклонился вперед с нахмуренным лицом. Мойше избегал смотреть на эту маску смерти, глядя на Шуто. Командир корабля откинулся на

спинку мягкого удобного кресла и полужакрыв глаза.

А Киндервоорт сказал:

— Но ведь мы беспокоимся не о фон Драхове или адмирале Бэкхарте, правда? — Он снова хихикнул и придвинулся к Маусу. — Из-за чего мы хотели вас видеть — это трассеры, которые вам встроили. Подкинули нам ходячие инстелы. Остроумно.

У них точно был крот.

Мойше думал, что он — единственный в мире человек-инстел. Бэкхарт кипятком писал и стонал так, будто платил за это из своего кармана. После этого установка запасного прибора казалась маловероятной.

На самом деле он не интересовался, зачем с ним послали Мауса. Бэкхарт дал назначение на задание. Старику никто вопросов не задавал. Тем более в такой форме, которая могла быть воспринята как возмущение.

Маус выглядел как гальванизированный труп. Распухший. Иногда ему тоже полезно приложить мордой об стол.

А как случилось, что у него ничего не болело?

Зная Бэкхарта, можно предположить, что головная боль была запрограммирована психолога-

ми — чтобы отвлечь внимание от Мауса. А Маус об этом знал?

Им будет о чем поговорить.

Часовой механизм Бэкхарта часто бывал смазан неведением его пружинок и колесиков. Только сам мастер знал все секреты своей механики.

Может быть, еще что-нибудь?

Глупый вопрос.

Сама натура Бэкхарта требовала хитростей и ярких отвлекающих дымовых завес, скрывающих правду, скользкую, как намащенные змеи. Но как бы ни были извилисты ходы его планов, в них была своя точность и логика. Они разрабатывались лучшими компьютерами Луны-Командной. Он прогонял через имитационные модели даже самые смехотворные варианты.

Учел ли Бэкхарт в своей схеме крота?

Вдруг Мойше интуитивно понял, что они с Маусом вовсе и не партнеры. Они — путешественники, идущие параллельными, но все же разными курсами. Они были запрограммированы скрывать информацию друг от друга не меньше, чем от своих целей. И с самого начала они были обречены на засвечивание.

Бэкхарт знал про крота.

Он хотел, чтобы их поймали. Он хотел, чтобы они провели год на службе у сейнеров.

Мойше взбесился. Целый год, украденный из жизни!

— Полностью биологическая штука? — спросил Киндервоорт.

— Что?

— Этот инстел. Замечательная игрушка. Наши детекторы и не пискнули, когда вы проходили мимо. Конечно, в долгосрочной перспективе это несущественно.

Доволен он был, как верблюд. И Шуто вместе с ним радовался в своем пластиковом под старину капитанском кресле.

— А каким чертом вы узнали мое имя? — спросил бен-Раби. Кажется, они были в настроении поговорить. Вдруг скажут что-нибудь такое, что даст компьютерам возможность выловить крота.

Киндервоорт сделал вид, что не слышал вопроса.

— Мы начали следить за гиперволнами сразу, как вышли на орбиту у Карсона. Хотели посмотреть, не перехватим ли что-нибудь от эсминца фон Драхова. Вообразите же наше удивление, когда мы обнаружили передачу с борта корабля.

— Это вам просто повезло, Ярл, — заметил капитан.

— Мы знали, что они проявятся, так что это не везение. Повезло лишь, что они начали передачу с

корабля достаточно малого, чтобы их можно было здесь отловить.

Откуда же они узнали?

Мойше вспомнил толстозадую шлюпку торговцев, которая не взлетела по расписанию. Уж не торговцы ли были курьерами у крота? «Черный мираж». Отметим этот корабль. Когда-нибудь кто-нибудь поговорит с его командой.

Значит, между сейнерами и свободными торговцами есть связь? И те и другие определенно отказывались перестать огорчать политических заправил Конфедерации.

— Входите, доктор Дюморье, — позвал Шуто. — Давайте с этим закончим.

Киндервоорт бросился за спину Мойше и схватил его за плечи. Бен-Раби не сопротивлялся. Он ничего не мог сделать.

Доктор вплыл в комнату. Он потыкал, пощупал и сбрызнул шею Мойше анестезирующим аэрозолем. Из своей медицинской сумки он вынул зловещего вида древний лазерный скальпель. Потом, повторяя слова всех докторов с тех времен, когда инки делали друг другу трепанацию острыми камнями, сказал:

— Это одна минута. Вы ничего не почувствуете.

— То же самое мне говорили, когда его вставляли, — буркнул бен-Раби. Он не мог сдаться, не выразив хоть какого-то протеста.

— Мы только снимем узелки амбры, — пояснил Киндервоорт. — А как вы думаете, удобно ли будет продать их Флоту обратно на следующем аукционе?

Шуто удовлетворенно кивнул:

— Наверное. Идея хорошая.

Мойше хотел, чтобы они прекратили. Его подмывало закричать: «Непрофессионально себя ведете!»

А они и не были профессионалами. Очевидно, в службе безопасности траулеров не было людей, ориентированных на операции разведки и контрразведки.

В предложении Киндервоорта была своя справедливость. Бен-Раби и Маус, как и все остальные агенты на борту, преследовали одну и ту же цель — доступ к одному из стад огромных ночных монстров, которые выделяли критический элемент того узла, который извлекли из шеи бен-Раби. Сейнеры называли его амброй. Это имя восходило к «болезненным выделениям» китов Старой Земли, которые когда-то использовали парфюмеры. Сейчас это слово могло иметь любой смысл, который в него вкладывали. У левиафанов глубин претензий по

авторскому праву не было — их уже много столетий как истребили.

Другими популярными названиями были звездный янтарь, космическое золото и небесные алмазы. Но под любым именем амбра была стандартом богатства современной эпохи.

В грубых терминах ее название было кратким и точным. Это были твердые экскременты звездных рыб. Кал.

И этот кал оплодотворял целую цивилизацию. Без него Конфедерация не могла бы существовать. Без него не было бы быстрой связи от звезды к звезде. Скорость и надежность связи в конечном счете определяла пределы роста любой империи.

Бен-Раби не понимал физику инстелной связи. Он знал о ней то же, что и все: между катодом из амбры и анодом из кристалла Билао генерируется тахионная искра. Эту искру можно заставить нести телеграфное сообщение. Ни амбра, ни кристаллы Билао синтезу не поддаются.

Месторождения кристаллов находились глубоко в мантиях планет примерно размера Земли, вращающихся вокруг суперхолодных звезд. Единственной такой планетой в пределах Конфедерации была Сьерра. Добыча кристаллов с глубин более тридцати километров обходилась невероятно дорого.

Но амбра была куда дороже. У сейнеров была монополия. Они были капиталистами свободного рынка чистой воды. Каждый узел уходил к тому, кто предлагал наибольшую цену.

Спрос на амбру всегда превышал предложение. Несмотря на требуемые гигантские капиталовложения, оптимисты создавали соответствующую аппаратуру и программы в надежде как-то достать узелок амбры.

Все траулерные флоты сейнеров в самые урожайные годы добывали меньше сорока тысяч узлов. Большая часть из них уходила на замену уже сгоревших. Сейнеры продавали свой продукт на аукционах, которые проводились на мирах, объявляемых на это время нейтральными и находящимися под прицелом всей огневой мощи флотов. Участники подчинялись установленным сейнерами правилам. С теми, кто их нарушал, звездолеты могли отказаться иметь дело.

Одна только амбра могла быть причиной того наплыва оперативников на Карсон, когда «Данион» объявил о наборе техников. Агенты налетели, как стервятники, рассчитывая поживиться на трупе флота Пейна, когда он станет жертвой предательства.

«Таковы мы и есть, — подумал бен-Раби. — Мы с Маусом — стервятники... нет. На самом деле

нет. Скорее мы — хищники. Соколы, спущенные с руки Бэхарта. Наша дичь — информация. Мы должны принести любой кусочек ее, который может выдать местонахождение стада звездных рыб».

Мойше старался поверить, что Конфедерация должна контролировать сбор и распределение амбры. Очень старался.

Иногда ему приходилось самому себя обманывать, иначе он задавал себе слишком много вопросов. Его начинали волновать такие не относящиеся к делу категории, как Добро и Зло.

Душа его, застенчиво соскальзывая в аморальность, только бормотала «Я хочу». В ней была боль, которую он не мог понять и которая хлестала его хуже, чем его язва.

Бен-Раби боялся безумия. Он много чего последнее время боялся. И не все, чего боялся, мог понять.

— Ну вот. Один есть.

Доктор бросил узел на блестящий нержавеющий поднос. Плюх! Знак восклицания, означающий конец этапа задания. Доктор начал зашивать рану.

— Очень будет больно, когда кончится анестезия?

— Не слишком. Шея будет слегка одеревенелой, и касаться ее будет больно. Если будет беспокоить, зайдите ко мне.

Доктор повернулся к Маусу. Маус слегка подергался, прежде чем сдаться. «Совість потребова-ла», — подумал Мойше. Ему необходимо было устроить спектакль. Доктора были еще одним пунктиком у Мауса. Ему они были совершенно не нужны, как объяснял он каждому, кто был согласен слушать.

Бен-Раби подозревал, что именно поэтому Бэкхарт никогда не менял личность Мауса при подготовке к заданиям.

— Мы шпионов не любим, — ляпнул вдруг командир корабля. Это прозвучало одновременно и спонтанно, и не по делу. Как нелогичное заключение из всего происходящего.

«Мы», — подумал Мойше. — Эти люди всегда говорят «мы».

Червь внутри него вдруг ожил, и Мойше неловко заерзал. Чем-то вдруг Шуто задел его за живое. Странно.

Он попытался разобраться в этом ощущении, понять, чего же он хочет, но это чувство выскользнуло из пальцев, как мокрая рыба.

Почти через минуту Шуто продолжил свое замечание.

— Но «Даниону» для выживания нужен ваш опыт. И мы достаточно любим свой корабль, чтобы дать вам еще один шанс. — Он заговорил не

так отстраненно: — Вот что, ребята. Мы сохраним вам жизнь. Но работать вам придется до упаду, до того, чтобы вы забыли, зачем вас сюда послали. А когда мы с вами закончим, мы отошлем вас домой, и знать вы будете не больше, чем в тот день, когда вы завербовались.

И, ребята, не создавайте нам дополнительных хлопот. Будьте довольны тем, что вы ничего не знаете. Вы нам нужны позарез, но не особенно на это напиратьте. «Данион» — корабль большой, и парой человек больше или меньше особой разницы не составит. Доктор, вы закончили?

— Кончаю накладывать шов, сэр. Одна минута.

— Капитан Мак-Кленнон, капитан Штурм, идите по своим каютам. И постарайтесь какое-то время меня не раздражать.

Бен-Раби встал, потрогал небольшую наклейку за ухом. Онемение начинало проходить, сменяясь легким жжением. Оно напомнило ему о куда больших порезах на душе и на теле.

Доктор закончил с Маусом.

— Вот и все, капитан. Постарайтесь не напрягаться. Я предложил бы вам в течение нескольких дней предоставить активную роль вашим подругам.

Он говорил с мягким сарказмом, за которым могла скрываться зависть.

— У тебя уже есть репутация, Маус, — сказал бен-Раби.

Маус не ответил. Он был не в настроении балагурить.

Они прошли обратную дорогу без конвоя, стремясь в свои каюты, как раненый зверь в убежище логова. Проходя мимо каюты бен-Раби, Маус спросил:

— И что же мы теперь будем делать, Мойше? Бен-Раби пожал плечами:

— Не знаю. Я надеялся, ты что-нибудь придумаешь. Поедем покататься. Нас запатовали.

— Это пока. — Маус стал чуть выше. — У нас в запасе год. Они же не смогут сторожиться вечно?

— Эти? Наверное, смогут. — Но даже фальшивое ободрение должно было прозвучать утешительно. — Впрочем, кто знает. Что-то может измениться.

— Посмотри-ка на это.

Сангарийка смотрела на них из дверей своей каюты. Она улыбнулась и помахала рукой.

— Злорадствует, — бросил бен-Раби. — Думаешь, она знает, что случилось? Думаешь, она могла нас провалить?

Бен-Раби пожал плечами и посмотрел на женщину. Их взгляды зазвенели, как столкнувшиеся клинки. Улыбка ее стала шире.

— Да. Уверен, что помогла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:
3047 Н.Э.
БЫЛЫЕ ДНИ, СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Надеясь, что Мария не сообразит, какие данные у него на руках, Нивен сказал:

— Я смотрю, куда направляются люди, покидающие Сломанные Крылья. Если статистически значимые количества улетают на определенные планеты, мы можем посмотреть, о чем они начинают мечтать в условиях купола и что их привлекает на конкретных типах планет. Если дело в среде, то мы нашли путь снятия негативных моментов жизни в куполе. — Он надеялся, что говорит достаточно лекторским тоном. И подкрутил еще на одно деление: — «Убичи» специализируется по работе в неблагоприятной обстановке, на разработках с высоким выходом. В некоторых наших проектах текучесть кадров стала серьезной проблемой из-за расходов на обучение и перевозку. В интересах корпорации, чтобы наши работники были довольны. — «Вполне правдоподобно», — поздравил он сам себя. — А что вы здесь делаете?

— Вас ишу. У нас назначено свидание.

— Но ведь только... О Господи! Который час? Моя прекрасная леди, простите меня. Я напал на

кое-что интересное и заработался. Дайте мне еще минутку, ладно? Я закончу, позвоню моему секретарю, и мы пойдем. — Он усмехнулся: — Я обязан доложиться. Образование не выбило из него Старой Земли. Вы не поверите, как он мне выдал вчера вечером!

Он снова прикипел глазами к ее улыбке. Она опять заставляла его таять.

Маус на звонок не ответил. Нивен бы удивился, если бы было иначе. Звонок был просто поводом убрать данные с глаз Марии и выиграть время, чтобы построить приемлемое нагромождение лжи на том фундаменте, что он только что изложил.

Но прикрытия не понадобилось. Мария не задала ни одного вопроса, кроме одного:

— А что мы будем делать?

Он чуть не ляпнул грубую правду.

— За работой я об этом не подумал, но вчера, мы, кажется, все обошли. Город Ангелов — это не город развлечений. — И он галантно добавил: — Я счастлив уже просто быть в вашем обществе. Выбирайте вы.

Она рассмеялась:

— А говорят, на Старой Земле больше нет романтиков. Что, если нам просто пойти прогуляться? Я очень не против долгой прогулки.

— Э-хм... — У него затряслись руки.

Он покинул родину рано, но уроки детства на Старой Земле забываются не скоро. Люди, которые не успели их усвоить, умирали быстро. Не ходить по улицам, не имея за спиной шайки друзей, — один из самых главных уроков родного мира.

Здесь не Старая Земля. Смерть не поселилась на улицах, как у себя дома. Но и здесь шныряли лазутчики, и они могли в любую минуту сделать свой ход в игре.

— Почему вы улыбаетесь?

— Это не улыбка, леди. Это называется «маска страха». Я со Старой Земли. Вы себе представляете, что для меня значит идти по улице, не имея за спиной хотя бы пятидесяти ребят поддержки?

— Я забыла. Но здесь нечего бояться, Гун.

— Вы это знаете. Я это знаю — головой. Но внутри меня сидит пещерный человек и вопит, что мы оба лжем.

— Если это и в самом деле так трудно...

— Нет, не расстраивайтесь. Я же не сказал, что не согласен попытаться. Мне надо только к этому привыкнуть. Ладно, я заставляю себя изо всех сил. Просто я хотел вас предупредить, что если я буду слегка дерганный и настороженный, то это не ваша вина.

— Вы успокойтесь, вот увидите. Это самый скучный и безопасный город во всем Рукаве.

Через несколько часов, когда настала ранняя ночь Сломанных Крыльев, Нивен проворчал:

— Так что это ты говорила в Медцентре насчет самых безопасных улиц во всей Галактике?

Темнота переулка давила. Его испуганные глаза выискивали движение в тени у домов. Только что лазерный луч ударил в сантиметре от его щеки. Он все еще ощущал его жар.

— У меня не только руки, но и ноги трясутся, леди.

Мария поправила руками волосы. Их припало лучом, пока они спасались бегством. От острого запаха паленого волоса у Нивена вздрогнули ноздри. В свете дальних уличных фонарей лицо Марии бледно отсвечивало. Она тоже дрожала. И явно была слишком разозлена, чтобы отвечать.

— У тебя ревнивый приятель?

Она потрясла головой, резко вздохнула.

— Здесь не Старая Земля. Здесь так не поступают.

Нивен бросился на четвереньки и пополз к выходу из переулка.

Силовые действия не были его специальностью, но он прошел общий курс подготовки оперативного работника. Если надо было, он мог устроить спектакль.

Сейчас надо было что-то делать. Переулок был ловушкой. А стрелявший мог быть не один. И сейчас капкан мог захлопнуться.

Лазерный луч резанул кирпичи над его головой. Он откатился в сторону, проворчав: «Ночной прицел, так его и этак!» Но он засек стрелка. Луч пришел с крыши гаража на той стороне переулка.

— Хреноватый выстрел, — отметил про себя Нивен. — Здесь и пятидесяти метров не будет.

Если удастся рывком переброситься через мостовую...

С позиции стрелка донеслось удивленное восклицание, и сразу же вопль страха и боли, захлебнувшийся хрипом. С крыши склада свалилось тело и плюхнулось на мостовую.

Нивен тут же оказался рядом с ним и вжался спиной в стену склада, рассматривая труп.

В слабом свете дальних фонарей лежал хромой из вестибюля «Маркоса». У него была перебита трахея.

У каждого человека своя подпись. И профессиональный убийца оставляет свою мрачную подпись на теле жертв. Этот почерк Нивен знал. Он посмотрел вверх.

Зачем бы Маусу за ним следить?

Хотя он и не возражал. Сейчас по крайней мере.

Подошла Мария, посмотрела и отвела глаза.

— У тебя, кажется, есть ангел-хранитель.

— У кого-то из нас.

Он уставился на нее. Что-то щелкнуло. Ничего определенного, только он чуть насторожился. Она не спросила, почему кто-то пытается его убить. Гражданский спросил бы это в первую очередь.

Он поискал глазами оружие убийцы; не нашел.

— Я хочу слезить на эту крышу.

— Зачем? Не стоит ли нам убраться отсюда?

Еще щелчок. Гражданские всегда кричат: «Полиция!» Если они не со Старой Земли, конечно.

— Вообще-то да. Если бы с ним кто-нибудь был, нас бы уже известили.

Только куда идти? Не в гостиницу. Не в номер, где он официально остановился — теперь, когда война объявлена. И не на резервную квартиру. Он не знал, что организовал Маус, а обходить все тайники, таща за собой Марию, тоже нельзя.

Угроза смерти пробудила в нем профессионала. Подняла барьеры, которые отгородят его от всей вселенной, пока он не отделит врагов от друзей и нейтралов.

— Можем пойти ко мне, — предложила Мария.

На ум Нивену хлынули воспоминания о бесчисленных шпионских и детективных историях. Все подстроено? Три промаха с пятидесяти метров — слишком даже для неопытного убийцы. Но ему не хотелось верить, что Мария в этом участву-

ет. В ней была такая магнетическая, животная женственность...

Верь или не верь, но отвергать такую вероятность — это надо быть кретином. Игра пошла на жизнь и на смерть.

Он не рискнул выдать свои подозрения.

— Ладно, — сказал он и оглянулся со страхом, без всякого труда изобразив дрожь и замешательство. — Но мне нужно сначала кое-что сделать.

Их глаза встретились, и он уже знал. Он не хотел, чтобы так было, но это было правдой. Она была противником. И сейчас она искала такой повод быть рядом с ним, который не вызовет у него подозрений.

Актриса из нее была неважная. В минуту напряжения она не контролировала язык тела, и он выдавал ее мысли.

Нивен с болью ощутил, что его предали, хотя знал ее едва ли день.

Ему всегда было нужно быть желанным. Не за то, кто он и что он, а просто желанным, как человеческое существо.

Человеческое. А человек ли она? Без сложных анализов это сказать нельзя. Генетики уверенно утверждали, что человечество и сангарийцы имеют общих доисторических предков.

Может быть, она даже сангарийский резидент. Прошлый резидент тоже был женщиной.

— Где ты остановилась? — спросил он.

Она решила не давить. И объяснила, как найти ее квартиру.

— Ты не обязана этого делать, — сказал он ей и тут же про себя выругался. Этими словами он неявно признал, что именно он был целью снайпера. Но теперь приходится рисковать. Может быть, он убедит ее в отсутствии у него подозрений. — Это может быть опасно.

— Ничего страшного. Мне никогда в жизни не приходилось ничего такого видеть. — Ее лицо озарилось возбужденным интересом. — Во что это я влезла, Гун?

Время темнеть.

— Лапонька, понятия не имею. В самом деле не имею. Тут на меня насакивают уже второй раз, и каждый раз никто не считает нужным объяснять, что им нужно. До того они пытались прямо в «Маркосе». В тот самый день, как мы прилетели. Мы даже еще здесь никого не знали. Но все время за мной следят, и... если ты со Старой Земли, ты такие штуки нюхом чуешь.

— Может быть, им нужен не ты, а твой друг?

— Джон? Хм, об этом я не подумал. Может быть. Я же на самом деле ничего о нем не знаю.

Его послала корпорация. Ну, в общем, что бы тут ни было, а я собираюсь это выяснить.

Он надеялся, что сообщил достаточно искаженную правду, чтобы оставить ее в сомнениях. Многое теперь зависело от того, удалось или нет противной стороне утаить жучки от Мауса.

— А ты как, доберешься? Или, наверное, мне проводить тебя домой?

— Справлюсь.

— Да, может быть, без меня безопаснее. Ладно, до встречи.

Он взглянул на мертвеца, потом оглядел улицу. Ни души.

Занятно, как люди чувствуют собирающуюся грозу и сидят по домам, где ничем не рискуют и в свидетели не попадают. Пусть здесь район складов, но какое-то уличное движение должно быть? Черт побери, где патрули безопасности? Где полицейские машины?

Точно такие расклады он видал на Старой Земле, когда банды хватались за пушки по малейшему поводу. Гражданские и блюстители закона сразу прятались поглубже, пока не рассеивался запах дыма.

У первой закладки Мауса не было, и сообщения он тоже не оставил. Наспех нацарапанную записку Нивен нашел на второй. Там было сказано, что Мария — сангарийский резидент. И еще,

вроде бы добавил Маус, он удирает от дюжины громил, которые наскочили на него после инцидента у складов.

Нивен написал ответ, сообщая, где он будет. Закладка была большая, и потому он смог оставить записки, сделанные в Медцентре. Их нужно доставить любым способом. Может быть, через шефа рекрутского управления Флота на Сломанных Крыльях. Он же начальник пункта связи Бюро в Городе Ангелов.

Нивен пошел бродить, убивая время, чтобы дать Марии возможность сделать шаг, который высветит намерения местной сангарийской организации. Примерно через час к нему прицепился хвост.

Хвостом оказался громила с сонным лицом, прикидывающийся опустившимся бродягой. Не слишком сообразительный уроженец внешних миров, решил Нивен. Город Ангелов был слишком молод и слишком упорядочен, чтобы в нем мог существовать притон даже на одного бродягу.

Человек не приближался. Они надеялись, что он выведет их на Мауса. Профессиональные характеристики своего хвоста Нивен изучал более из любопытства, чем по необходимости. Человек этот был профессионалом, но не в этой области. Это был стрелок или порученец, притянутый лишь потому, что никого другого не было времени ис-

кать. Стряхнуть его было как нечего делать. Нивен сдвинул мысли о нем на второй план.

Сейчас он брел к дому Марии. Нервы его успокоились. Он уже знал, что будет делать.

Но полностью он не расслабился. Они могут поймать Мауса, тогда за его жизнь и медяка не дашь. Но пока Маус не у них в лапах, они его не тронут.

Он стряхнул хвоста, нашел платный коммуникатор, поднял с постели начальника пункта в Городе Ангелов и объяснил, где спрятана информация из Медцентра. При этом воспользовался словесным шифром, который противнику нужно будет расшифровывать несколько часов, если даже он подслушивает.

До дома Марии он добрался, когда рассвет уже окрашивал купол. Молекулярный слой пластика посверкивал красным. По мере изменения угла падения солнечного света пластик пройдет стадии от прозрачности и до радужного сияния всеми цветами спектра.

Нивен устал, но был все еще бодр и оживлен, поскольку отлично собой владел.

Мария ответила на стук сразу же.

— Где ты был? — налетела она на него. — Я чуть с ума не сошла, волнуясь!

Она поглядела в коридор второго этажа поверх его плеча. Высматривает Мауса? Или своих ребят?

— Кто-то за мной увязался. Я не знал, что делать, и потому бродил, пока ему не надоело. Или я его стряхнул.

— Гун, я ничего не понимаю. Зачем...

— Дорогая, понятия не имею. А я долго ломал голову. Могу предположить только одно: кто-то из конкурентов «Убичи» думает, что моя цель — не только данные исследований... — Он остановился, притворившись, что ему вдруг пришла в голову новая мысль: — Слушай, мне же ни разу не сказали, зачем им эти данные. Я только сейчас сообразил... может быть, это проект, которым они кому-то наступили на мозоль.

Будь он тем, за кого себя выдавал, такая возможность могла бы быть реальной. «Убичи» держала свои вооруженные силы. Приграничные корпорации играли жестко.

На секунду в глазах Марии проявилась неуверенность.

«Бюро просчиталось», — подумал он. Он мог бы убедить ее, если бы он выглядел, как социальный психолог. Его легенду можно было проследить до самого его рождения. В таких вопросах Бюро работало тщательно, особенно отдел Бэкхарта. Но у Нивена был вид, как у громилы со Старой

Земли. И это был гроб для любой рекомендации, которую такой человек мог бы представить.

— Мам, что там?

В комнату вошла, спотыкаясь, черноволосая девочка лет семи-восьми. Она протирала кулачками заспанные глазки. Для своего возраста она была маленькой — миниатюрный портрет своей матери, только без груди.

— Бренди, это мой друг доктор Нивен. Я тебе о нем говорила.

— А!

«Без особого энтузиазма», — подумал Нивен. По ее интонации было ясно, что она видит в нем угрозу своему миру.

Она была красивой девочкой. Как с рекламы игрушек.

Нивен не мог придумать комплимент, который не был бы слишком банальным.

— Привет, Бренди. Можешь называть меня Гун. Это сокращение от Гундакар.

— Гундакар? Что это еще за имя?

— Со Старой Земли.

— А! — Она поджала губы. — Мама назвала вас доктором. Майкл болен.

Он повернулся к Марии. Женщина все еще стояла в дверях.

— Мой сын. Младший брат Бренди. У него какой-то вирус. Похоже на грипп.

— Я не в этом смысле доктор, Бренди. Но если я чем-нибудь могу помочь...

— Вы знаете интересные истории? Те, что я придумываю, Майклу не нравятся. А мамы никогда нет.

Она бросила на мать прокурорский взгляд.

«Хороша, — подумал Нивен. — Лучше Марии».

— А какие истории? Про пиратов? Про старые времена? Ричард Хоксблад и Гней Юлий Штурм? Ты знаешь, как они воевали как раз здесь, на Сломанных Крыльях?

Он бросил это как бы между прочим, ожидая реакции. Война на Теневой Линии, последняя великая война наемников, случилась в Черном Мире вскоре после стычки на Сломанных Крыльях.

Сангарийским интересам война на Теневой Линии нанесла серьезный удар. Но пара Семей начала восстанавливать свою деятельность еще раньше, чем затихла ударная волна от Черного Мира. Когда их накрыли, это стоило им контроля над многими законными корпорациями и жизнью нескольких предводителей Семей. Катастрофа была столь глубокой и обширной, что стала сангарийской легендой. Девочка только пожала плечами — явно для нее Черный Мир ничего не значил.

— Попробуйте про пиратов.

Она явно потеряла интерес.

Значит, она ничего не слышала о Теневой Лии. Какую же Семью представляет Мария? Одну из мелких, которые теснятся возле Первых Семей, потеряв лицо на Черном Море? Явно не одну из тех, которые работали здесь.

— Просто куклка, — сказал он Марии. — Ты не думала сделать из нее модель?

— Нет, не выйдет. Садись и отдыхай, а я приготавлию тебе что-нибудь поесть. Потом я перенесу сюда Майкла, а ты будешь спать на кровати детей.

Бренди принесла кофе. Настоящий.

Он понял, что хотела сказать Мария о Бренди. Раньше он этого не заметил, потому что она не смотрела в его сторону.

Один глаз у девочки сильно косил и казался слепым. На ее вызывающий взгляд он не отреагировал никак. Девочка очень болезненно относилась к своему дефекту, это бросалось в глаза. Наверное, это с ней недавно.

Когда Бренди вышла в кухню, а Мария еще не вернулась в комнату, Нивен обвел всю обстановку профессиональным взглядом. Придет время, когда ему надо будет точно указать в отчете, где какая лежала пылинка.

Квартира была тесной, что типично для жилых кварталов купольных городов. Обставлена она была потрепанной подержанной мебелью. Так, как было бы естественно для бедных людей. И Мария совершенно явно не была одержима порядком в квартире. По углам у потолка висела паутина. На стульях и на полу валялся мусор.

Эта неряшливость не имела отношения к бедности или недостатку времени; это была привычка. Дома у сангарийцев есть слуги-скоты, которые за ними прибирают.

Мария делила кров с целыми племенами тараканов. На пластиковых стенах были потеки грязи. Занавески порваны и засалены.

Точно такое место, куда занятая и бедная женщина приходит после работы отдыхать. Она была искусна, эта Мария: свои этнические пассивы она превратила в активы.

Но чтобы бедная женщина угощала настоящим кофе? Который доставлялся только со Старой или Новой Земли? Он не стал обращать на это ее внимание. То, что он узнал настоящий продукт, было бы информацией. Большинство жителей Старой Земли его бы не узнали, потому что каждая унция уходила на экспорт. Сейчас они вели тонкий фехтовальный бой, и рапирами были небольшие тесты.

Одним из законов его профессии было не выдавать ничего конкретного. И она тоже ничего ему не выдавала. Слишком мало, чтобы ее понять.

А кто может понять ум сангарийца? Адмирал занимался этим десятилетия. И очень мало продвинулся.

Хотя он, как и Маус, хотел не понять. Он хотел уничтожить. И понимание было лишь оружием в его арсенале.

Несколько минут они просидели в молчании. Он смотрел на Марию поверх чашки. А она его рассматривала. Он гадал, какие странные мысли проходят в ее нечеловеческом мозгу.

— Я схожу посмотрю, как там Майкл, Гун.

Он прошел с ней до двери спальни. Это была крохотная комнатка, где стояли две ветхих кровати — одна для Марии, другая для детей. Мария села на край той, где лежал бледный пятилетний ребенок. Мальчик настороженно смотрел на Нивена.

— Майкл, это мой друг, доктор Нивен. Он немного у нас поживет.

— Привет, Майк!

— Не Майк, а Майкл, — сказал ребенок сердитым, хотя и слабым голосом. — Майкл. В честь моего прадеда.

Мария вздрогнула. Майкл лучился гордостью. Нивен сумел себя не выдать.

— Хорошо. Майкл.

Он ошибался. Ошибка чуть не стала фатальной. Эти сангарийцы отлично знают Теневую Линию.

Существовал только один сангариец с человеческим именем Майкл. Майкл Ди. Тот, который развязал эту войну. Тот, кто был гордостью и горем своей расы.

— Бренди мне сказала, что ты любишь рассказы о пиратах. Я знал одного пирата. Только он тогда не был пиратом. Он стал им теперь. Я вырос и пошел в школу, а он вырос и стал пиратом.

— Я боюсь, сейчас не надо, Гун. — Мария совершенно искренне обеспокоилась. — Я думаю, лучше мне позвать врача.

Нивен, к своему удивлению, обнаружил, что тоже беспокоится.

— Ты хочешь, чтобы я вызвал такси?

Что он, черт побери, делает? Мальчишка — сангариец. Цель жизни Нивена — привести этот биологический вид к окончательному решению. Малыши вырастают во взрослых.

— Нет, не надо. Тут над нами живет врач из госпиталя. Я ее не очень хорошо знаю...

— Давай зови ее, женщина. Я здесь справлюсь.

Она поглядела пристально, и что-то в ней на мгновение смягчилось. Скрытая женщина, прячу-

шаяся за той, которую она хотела изобразить, на секунду выглянула. Мария поцеловала его в щеку.

— Спасибо, Гун. — И когда он притянул ее ближе: — Потом. Я вернусь, как только смогу.

Ему нужен был не поцелуй. В этот момент он прицепил ей сзади к воротнику миниатюрный передатчик-хамелеон.

За ней закрылась входная дверь. Нивен вставил себе приемник в ухо, притворившись, что почесался. Хитро улыбаясь, он тронул себя там, где она его погладила. Могла она ему тоже вставить передатчик?

Не было причины ей выходить за врачом. У нее было достаточное медицинское образование — если в легенде была хоть доля правды.

Он снова улыбнулся. Тактик из Марии был неважный.

— Вы мамин любовник?

Это его удивило. Маленькие девочки таких вопросов не задают.

— Нет пока.

— Ей нужен любовник. Как по-вашему, она симпатичная?

— По-моему, она красавица.

Ему было неловко. Он не знал, как общаться с детьми. Единственным известным ему ребенком был Хорст-Иоганн, сын Юппа.

— Может быть, ей снова нужно выйти замуж. Вы женаты?

Мария дошла до платного коммуникатора и теперь кого-то информировала. Следить за ее репликами разговора и пытаться восстановить ответы невидимого собеседника и одновременно разговаривать с Бренди оказалось невозможным. Он слышал, как Мария просила как следует проверить его легенду. Это значило, что этот раунд за ним. Она усомнилась. Или хотела усомниться, что одно и то же.

— Нет. Так и не встретил той, которая мне нужна.

Ребенок был смелым. Знала ли она, что она — не человек? Возможно. По тому немногому, что он слышал, у сангарийцев не было детства в человеческом смысле. Их дети не были ни от чего защищены. С ними обращались, как с маленькими взрослыми, и требовали от них соответственного поведения.

— Только я не знаю, нравиться ли вы мне.

И к тому же честная. Он решил проверить Майкла. Ребенок смотрел на него широкими настороженными глазами.

Он был серьезно болен. Иначе Мария не рискнула бы звать врача-человека. Мало какой риск был для подпольщиков-сангарийцев выше. Иногда врачи могли заметить тонкие межвидовые различия.

Мария с врачом вернулась раньше, чем разговор Нивена с Бренди вышел за грань его возможностей.

А врач, как он заключил, была «прирученной». Она работала с уверенностью и быстротой, которые ее выдавали.

Нивен шепнул Марии:

— Бренди занялась сватовством.

Мария рассмеялась:

— Все время ищет мне мужа. Никак не хочет перестать.

— Кажется, я не выдержал экзамена.

— Не важно. Я второй раз в эту ловушку не попадусь.

— А зачем ты их сюда привезла?

На Старой Земле родители обычно передавали детей в воспитательные учреждения сразу после рождения. Детство Нивена было необычно тем, что он значительную его часть провел с матерью. С ней у него до сих пор был контакт, а вот отца и след потерялся много лет назад.

Сдача своих детей была в обычае и на замиренных внешних планетах. Своими биологическими родителями воспитывались меньше четверти всех детей в Конфедерации.

Мария была шокирована. Ее сангарийское чувство Семьи возмутилось. Но этого она ему сказать не могла.

— Я забыла. Там, откуда ты родом, поступают по-другому. Да, иногда это удобно. Но эти дети мои.

— Не надо объяснять. Назовем это одним из различий между внутренними мирами и границей. Я к ним постепенно привыкаю.

Докторша вернулась из спальни.

— Мария, я дала ему антибиотик широкого спектра и антивирус. Ничего серьезного. Пусть побольше лежит и побольше пьет, и за температурой следите — она будет подниматься. Если слишком высоко поднимется, дайте ему аспирин. Термометр вам нужен?

Мария кивнула. Она была просто портретом встревоженной красавицы.

«Отличная работа, леди, — подумал Нивен. — Ты слишком бедна, чтобы позволить себе термометр. А гостей угощаешь настоящим кофе». Он улыбнулся. Она проходит интернатуру по хемопсихиатрии и при этом вынуждена приглашать врача со стороны... У нее что, тайное стремление к смерти?

— Рада была познакомиться, доктор Нивен, — сказала докторша.

— Я тоже.

Он смотрел, как она шла к двери. Не было гордости в ее походке.

— Хочешь поспать, Гун? — спросила Мария.

— Не против.

Но позволят ли это его нервы в самом сердце вражеской территории?

Позволили. Как только он разделся до белья, плюхнулся на кровать Марии и сказал Майклу: «Спокойной ночи, капитан», — свет вырубился.

Он проснулся однажды, когда Мария скользнула в кровать рядом с ним. Он что-то буркнул спросонья и снова отрубился намертво.

Потом он медленно проснулся. Постепенно до него дошло, что короткий день Сломанных Крыльев пролетел незаметно и теперь снова ночь. Он не мог понять, где он, пока не повернулся и не уперся в женщину.

С этого простого движения начались три неистовых дня.

Мария оказалась ненасытной. Единственное подходящее к ней слово было «голод». Он никогда не встречал женщины, которой так был бы нужен мужчина.

Нивен сам себя удивил. Их любовь была дикой, такой яростной, что скорее напоминала битву. Как если бы «И будет проклят вовеки тот, кто первым крикнет «Хватит!».

Казалось, они ничего не делали, только спали и совокуплялись, идя в атаку за атакой в этой войне полов. Внешний мир уже не имел значения.

Но в этом был метод. Была рациональность. Изю всех сил стараясь удовлетворить Марию, которая изю всех сил старалась его отвлечь, Нивен оправдывал себя тем, что помнил, кто она. Он все время убеждал себя, что так выводит из строя руководство противника.

И он знал, что Марией тоже движет не только страсть.

Черт, но какое упоительное время провели они на этих смятых простынях поля битвы!

В промежутках Нивен иногда думал, что стало с Маусом. Что ж, у Мауса наверняка развязаны руки, чего он всегда и хотел.

Бренди, поняв, что происходит, увела брата в первую же ночь. Они были наверху, у докторши. Майкл, которому стало лучше, иногда заглядывал, бродил по комнате, ничего почти не говоря, и снова уходил. Бренди не показалась ни разу.

— Что это мы делаем? — однажды пробормотал Нивен себе под нос. Они были смертельными врагами. Это был первый закон, закон крови, по которому им полагалось жить и умирать. И они отвергли его или сублимировали его в виде любви...

Он с ужасом думал о конце задания. Отчет... Ему придется отвечать на вопросы. Ему придется давать объяснения.

Нивен храпел. Голова Марии лежала у него на плече.

Дом встряхнулся, как вылезшая из воды собака. Окно треснуло. Загremели по полу кухни столовые приборы. Эхо взрыва отдалось по всей округе. Нивен рывком сел.

— «Д-14», — буркнул он спросонья.

— Что? Что это было?

— Взрыв.

Они оделись почти наперегонки. На треснувшем окне играли отсветы дальнего пожара. Мария выглянула наружу:

— О все святые!

— Что там?

— Склад...

— А?

— Я сейчас вернусь... Что это?

Откуда-то снизу донесся вопль, и сразу за ним — крики и стоны. Нивен узнал этот вопль. Это был Маус в сознании убийцы.

Раньше он заметил игольчатый пистолет, выступавший на тумбочке из-под ее белья. И успел к нему первым.

Дверь влетела внутрь, и в нее ворвался истрепанный, оборванный, окровавленный Маус. Он был так нацелен на действие, что казался три метра ростом.

— Легче, — сказал Нивен, показывая игольчатый пистолет. — Все под контролем, Маус.

Маус был невредим. Вся кровь на нем была чужой.

— Все сделал! — каркнул он охрипшим горлом. — Отправил сообщение. Надо валить эту суку и убираться.

Это было их работой, но... Нивен не мог допустить убийство этой женщины. То, что она — сангарийка, казалось неважным.

— Нет. Нет необходимости. На этот раз — нет.

Маус на глазах понизился. Действие сменилось мыслью. Он посмотрел на оружие Нивена, на женщину.

— Ладно, ты здесь босс, док. Но кое-что я на этом хочу нажить. Где эти чертовы дети?

— Наверху. Но детей я тебе тоже не дам убить.

— Даже и подумать не могу, док. Я бы щенка не утопил. Ты же знаешь старого Джона. Так ты ее свяжи, ладно? Чтобы она за нами не пошла.

Он вышел в дверь, пятясь.

Улицы терзал вой сирен. Рокот собравшейся толпы начинал проникать в комнату.

— Прости, что так все кончилось, Мария. Но дело есть дело.

— Я почти поверила... — Она глядела на него и показалась на секунду маленькой и беззащитной.

Ему пришлось напомнить себе, что это — сангарийка, что она превратится в мгновенную смерть, стоит ему чуть проявить неосторожность.

— Кажется, ты успокаиваешь свою совесть. Я не стала бы, повернись игра по-другому. Ты нам уже слишком много принес вреда.

«Не слишком умно говорить такое тому, кто наставил на тебя пистолет», — подумал Нивен. И пожал плечами:

— Может быть. Только это не совесть. Другая слабость. Наверное, нужно быть человеком, чтобы это понять.

И он предоставил ей гадать, что он имел в виду.

Вернулся Маус с детьми и докторшей. По дороге он где-то раздобыл оружие.

— Свяжи этих троих тоже, док.

Докторша была напугана куда сильнее Бренди и Майкла. Люди на периферии Бизнеса считали операции организации и против нее куда смертоноснее, чем они были на самом деле.

— Что это ты делаешь, Гун? — спросила Бренди спокойным, лишенным эмоций голосом. Будто ей привычно было находиться под дулом пистолета.

— Бизнес, дорогая.

— А! — И она бросила на мать презрительный взгляд.

— Это Стардастер, — сказала ей Мария.

— И ты ему поверила?

Нивен разорвал простыни на ленты, связал докторшу, потом девочку, потом Майкла.

— Я же тебе говорил, что был знаком с пиратами, капитан.

— Отлично, — сказал Маус. — Теперь дай мне свой пистолет, док.

— Зачем?

— Потому что он мне нужен.

Озадаченный Нивен передал ему пистолет. Маус выбросил его в коридор.

Нивен покачал головой:

— Давай отсюда двигаться. Они не вечно будут в растерянности.

— Сперва еще одно. — Маус сунул свой пистолет под мышку. Вытащив из сумки докторши шприц, он наполнил его из ампулы, которая была у него в кармане. — Это для вашего прадеда, детки. И для всех его братьев и сестер, племянниц и племянников.

— Что это ты делаешь? — спросил Нивен.

— Просто бизнес, док. Платить той же монетой — честная игра, правда? Мы чуть расширим наш рынок. — Он закатал рукав Майкла.

Мария поняла моментально.

— Пиао, нет! Не трогай моих детей! Убей меня, если хочешь, только...

Маус ответил ей зажатой улыбкой:

— Просто бизнес, леди. Заткни ей пасть, док. И поскорее. Нам надо вытащить все барахло раньше, чем Флот допрет, где мы отрезали инстелную связь.

Нивен вдруг понял, что собрался сделать Маус.

— Эй! Нельзя же... — Он хотел остановить это, возразить, запретить, но смешался при упоминания Флота. — Звездная пыль?

Маус кивнул со злобной улыбкой. Рука его была вблизи оружия.

— Ох ты!

Как может быть человек таким жестоким? Это же самый худший вид убийства!

Марии пришлось заткнуть рот. Ее крики могли привлечь внимание...

Полуоглушенный, Нивен заткнул ей рот кляпом. Тело под его пальцами казалось ледяным. Он чувствовал, как кипят в ней гнев и ненависть. Ее затрясло. Он подумал, что у нее эпилептический припадок.

Маус сделал детям укол. И все та же злобная улыбка играла у него на губах. Он был счастлив своей жестокостью.

Откуда в нем столько ненависти?

— Давай, док. Они уже едут. Слышишь?

Шум толпы и сирены уступили место грохоту десантных модулей, вторгшихся в атмосферу. Атмосфера выла, протестуя.

Юпп' шел к своей цели.

Кто-то сунул голову в дверь. Маус выстрелил, промахнулся, прыгнул в коридор и выстрелил снова.

— Док, ты идешь, наконец?

— Мне очень жаль, Мария. Действительно жаль. Но таков ход вещей.

Он на ходу споткнулся об игольчатый пистолет, перепрыгнул через свежий труп и бросился за Маусом к пожарному выходу.

Позже, наблюдая из толпы, как силы вторжения вливаются в шлюзы города, Нивен спросил:

— А что это за фигня насчет убраться, пока Флот нас не нашел?

— Считается, что мы с тобой — Стардастер и Пиао, ты забыл?

— Но ведь они будут знать, когда...

— Еще не сразу. Смотри.

Вторгшиеся в город космические пехотинцы были одеты в полевое снаряжение, но это не был мундир Службы. Нивен такого никогда не видел.

Маус тщательно выбрал место ожидания. Человек, нагруженный сознанием собственной значимости, шел прямо к ним.

— Мистер Пиао? — Он старался не смотреть на Нивена. В его манере поведения смешалось уважение, отвращение и страх. — У вас есть материал для моих офицеров?

— Что есть, то есть, полковник. — Маус протянул ему толстый пакет. — Мои поздравления. Ваши люди не хуже наших.

Полковник побагровел, рот его распахнулся, но он успел себя сдержать.

— И более того, мистер Пиао. Как вам когда-нибудь доведется узнать.

— Все возможно для того, кто верит. — Полковник пролистал пачку бумаг и начал раздавать собравшимся за ним офицерам. — Поплывем, док. Дальше они справятся.

Нивен не пропустил настороженности в глазах пехотинцев.

— Что это за чертовщина тут произошла?

— А, они тоже думают, что мы — Пиао и Стардастер. Они считают, что мы договорились с Лунной-Командной, чтобы опрокинуть сангарийцев и захватить их сеть.

— А зачем вся эта дымовая завеса?

— Нужно поддерживать жизнь легенды о Стардастере, по крайней мере пока Юпп не нанесет удар. Иначе они могут эвакуировать свои фабрики. Кстати, я хотел сказать, что ты проделал классную работу, когда все это раскопал. Старик будет от тебя в восторге.

Нивен на это не среагировал.

— Слишком все это для меня по-византийски. А сангарийцы потом должны догадаться, что это была космопехота? И потом сообразить, что мы не сказали ничего о фабриках, потому что это отрезало бы поставки нам?

— Это что! Вот погоди, пока Старик вставит тебя в по-настоящему хитрую схему.

— Мистер Пиао? — спросил подошедший сержант.

— Да.

— Не соблаговолите ли следовать за мной, сэр? Ваш транспорт.

Их окружили космические пехотинцы. «Предосторожность против попытки убийства», — подумал Нивен. Награды за их головы никто не отменял.

Из города доносились звуки отдельных стычек. Считая, что налет совершили люди Стардастера, приспешники сангарийцев будут драться насмерть. О жестокости Стардастера по отношению к коллаборационистам ходили легенды.

Пехотинцы отвели их к бронетранспортеру, выделенному специально для них. Он загрохотал по дороге к порту.

— Знаешь, Маус, у меня такое чувство, что адмирал добавил еще пару-тройку поворотов сюжета — просто для интереса. Что будет, когда Стардастер узнает, что его имя кто-то использовал?

У Мауса было прекрасное и общительное настроение. Он прекрасно завершил день. Он вырезал свое имя на самой душе сангарийцев и разгромил их дом преступления.

— Скажу тебе один секрет, док. Если ты мне обещаешь, что даже Старик не будет знать, что ты его знаешь. — Он бросил на Нивена испытующий взгляд.

— Ладно, даю слово. Так что?

— Ты и в самом деле Стардастер.

— Как?

— Стардастер. А я — Пиао. Все это придумал Старик. Стардастер — это любой, на кого он покажет пальцем и скажет: «Ты!»

— Ну, черт. Спасибо, что сказал, Маус. А то я был напуган до чертиков, что этот сукин сын выползет из леса и перережет мне глотку. После отчета мне полагается годичный отпуск. И, черт меня побери, как только кончатся допросы, я...

— Не раскатывай губу, док. По крайней мере пока работаешь на Старика.

23 октября 3047 года. Капитан первого ранга Юпп фон Драхов, командующий четвертым специальным экспедиционным корпусом с приданным к нему тяжелым осадным крейсером, пользуясь фактором внезапности, провел акцию против сангарийских

фабрик, скрытых во внутреннем поясе астероидов звезды дельта Шеола — белого карлика в звездном скоплении так называемых Адских Звезд. Уничтожение было быстрым, эффективным и полным. Одновременно с этим агенты полиции Конфедерации и местные полицейские силы уничтожили сеть распространения наркотика, базировавшуюся на Сломанных Крыльях.

Адмирал Бэкхарт одержал полную и решительную победу в этом раунде борьбы со старейшим и самым опасным противником.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН»,
БОРТ «ДАНИОНА»

Бен-Раби стал протискиваться в свою каюту, все еще глядя на сангарийку.

— Надо было мне завалить ее на Сломанных Крыльях, — проворчал Маус. — Тебе надо было...

Он так и не простил Мойше его слабости, из-за которой сангарийка осталась в живых.

— Терпеть не могу убийств на всякий случай, Маус.

— Да? Тогда оглянись и подумай еще немного. Сколько мерзостей она уже могла натворить?

— Ладно. Тогда в этом есть свой извращенный смысл. Если представить себе, что этот призрак Сломанных Крыльев будет тебе являться.

— Будет. И уже является. Может быть, я это урегулирую...

Бен-Раби покачал головой:

— Не здесь. И не сейчас. Не после того, что с нами только что было.

— Я же не имел в виду прямо сейчас. Я не идиот, Мойше. Это будет выглядеть несчастным случаем.

— Брось, Маус.

Маус был недоступен жалости.

«Мне бы тоже следовало быть каменным, — подумал Мойше. — Но нет у меня того дара ненавидеть».

— Ей бы лучше действовать быстро, когда мы снова сядем на твердую землю, — буркнул Маус. — Второй раз я ей уйти не дам... Хочется мне думать, что мы найдем Метрополию сангарийцев, пока я еще жив.

Бен-Раби ощутил укол зависти. Маус знал, как ков его Грааль. И его ноги твердо стояли на пути к этому Граалю, хоть это была чаша, полная крови.

— Ради тебя я тоже на это надеюсь. — Мойше тихо и горько рассмеялся. Иногда ему приходилось это делать, чтобы не заплакать. — Пока.

Он вошел в каюту.

У него была надежда, что за год, который им придется провести в этой клетке, Маус смягчится, но боялся, что расчета на это мало. Мария не даст времени. Память о ее детях будет ее подстегивать...

Ненависть Мауса была старой и сильной и куда глубже, чем обычно могла развиваться в культуре Конфедерации. Если он в самом деле из Штормов, это все объясняет. Штормы из Железного Легиона смотрели на вещи с библейской старомодностью.

Семья была уничтожена кознями сангарийцев во время войны на Теневой Линии. Но даже не обязательно Маусу быть Штормом. Его ненависть вполне могла питаться звездной пылью.

«Убийственный восторг и сон, что жжет дотла», — так назвал Чижевский этот наркотик за секунду до того, как собственная наркомания ввела его в огромный и бесконечный сон смерти. Этот наркотик был главной чумой эпохи и касался жизни почти каждого человека. Он унес больше жизней, чем Улантская война.

Звездная пыль была мечтой торговца. Привыкание возникало немедленно. Один приход — и

клиент на мертвом крючке. Наркоман не мог сократить дозу. Тем более не мог бросить. Не мог заменить пыль каким-нибудь менее страшным наркотиком.

Для небогатого жителя внутреннего мира наркомания кончалась плохо: самоубийством, гибелью при попытке раздобыть денег на очередную дозу или смертью в постоянной схватке между наркоманами, у которых есть, и наркоманами, у которых нет. А часто конец приходил медленно, мучительно, с дикими криками в больничных палатах, где персонал ничего не мог сделать, только смотреть и защищать мир, держа наркомана под замком и пытаясь одеть свое сердце каменной броней:

Мерзкие стороны звездно-пылевой наркомании абсолютно не трогали совести сангарийцев. У них был продукт, который надо продавать, и стеллары, которые нужно пускать в оборот.

Они не были жестоки по природе. Просто они в людях видели только скотов, которых надлежит использовать. Разве скотовод, мясник и покупатель жестоки к говядине? Сангарийцы ставили своих клиентов все же выше скота — скорее рассматривали их как европейцы эпохи возрождения — африканских негров. Полуразумные обезьяны.

Бен-Раби думал о своем напарнике, лежа на койке и глядя в потолок. Маус утверждал, что все

его задания были направлены против сангарийцев. До сих пор так и было, и Маус преследовал их с яростным усердием, с жестокими мелкими действиями — такими, как инъекция детям Марии. Но что он делал здесь, сейчас, работая против звездоловов? Это не просчитывалось.

Слушая сообщения о рейде фон Драхова, Маус взмывал душой в облака, будто и сам был наркоманом.

Сангарийцы были демонами эры Конфедерации. Они с легкостью выдавали себя за людей. Их Метрополия, родная планета, была где-то вне Рукава. Ходили слухи, что они могут размножаться лишь под своим родным солнцем. Сангарийцы почти ничего не производили. Они предпочитали пиратские рейды, торговлю наркотиками, рабами и оружием.

Конфедерация их не выносила. Их главной жертвой был человек. Другие расы считали их всего лишь докучной помехой.

Кто-то тихо постучался в его каюту.

— Войдите! — ответил он. — А, Маус. Я так и думал, что это ты.

Это была их первая встреча с Маусом после допроса у Киндервоорта.

— Весть разошлась, — сообщил Маус. — Все уже знают, что мы злобные, коварные, плохие,

порочные, мерзкие, грубые, невоспитанные и не-симпатичные шпионы. — Он засмеялся.

— Вести разнесла сангарийка, как я понимаю?

— Может быть. А не хочешь выйти и посмотреть, что творится? Можно позабавиться. Черт побери, можно подумать, что мы редки, как динозавры, и воняем, как скунсы.

— А мы не воняем? В моральном смысле?

— Ах, Мойше! Да что это с тобой случилось в последнее время? Эх ты! Надо бы тебе увидеть, как наши конкуренты хихикают в рукав. Но последними будем смеяться мы. Они уже тоже на пути туда же. Ребята Киндервоорта отловили сегодня утром несколько лазутчиков корпораций — точно так же, как поймали нас. Они знали, где искать. Похоже на то, что они знали всех, кроме Штрехлышвайтер.

— Маус, у них есть крот на Луне-Командной. И глубоко.

— Это именно то, что я решил. Единственный ответ на все вопросы. Мойше, надо бы тебе видеть поведение этих ребяташек. Будто они на сто голов выше нас. Бедняжки невинные. Знаешь эту Уильямс? Я ее шокировал до чертиков. Спросил, какова ее цена. Она не поняла. Это истинная невинность.

— Ах, молодость! Маус, где наша невинность и идеализм? Помнишь, как было в Академии? Мы собирались спасти вселенную!

— Кто-то нашел нам цену. — Маус помрачнел и плюхнулся на соседнюю койку. — Нет, это не совсем правда. Мы же именно это и делаем. Просто средства для этой работы оказались не те, что мы думали. Мы не понимали, что все, что получаешь, на что-то вымениваешь, и всегда, когда мы меняем порядок вещей на тот, который, по-нашему, должен быть, мы делаем это за чей-то чужой счёт... Черт, ты и меня в это втравил!

— Во что?

— Заставил думать. Мойше, что с тобой случилось? Ты всегда был парень задумчивый, но таким я тебя никогда не видел. С самого старта с Карсона...

Внутренняя оборона бен-Раби сыграла «в ружье». Он не мог позволить себе открыться. По двум причинам: во-первых, этого вообще нельзя сейчас делать, и во-вторых — потому что сам точно не знал, что с ним происходит. И он скрыл стены Festung Selbst* за дымовой завесой полуправды.

— Просто я расстроен. Может, потому что накрылся мой отпуск. Может быть, из-за матери... У меня был полный мешок вещей, которые я хотел отвезти домой. Марки и монеты, которые я нашел в Корпоративной Зоне. Кое-что я привез и со Сломанных Крыльев. Резьба по кости с Трегоргарта,

* Крепость собственной сущности (нем.).

и бабочки с Новой Земли, которые в другом месте стоили бы состояния...

— Темнишь, мой друг. Темнишь. — Маус остро смотрел на него из-под опущенных бровей. — Я тебя не так плохо знаю, Мойше бен-Раби. И знаю, когда тебя что-то на самом деле достало до печенок. Ты лучше что-нибудь с этим сделай, а то, если будешь держать это в себе, оно сгрызет тебя заживо.

В одном Маус был прав. Они хорошо узнали друг друга. Слишком хорошо. Маус теперь видел его насквозь и хотел помочь.

— Может быть. Когда у тебя следующий шахматный турнир? Приду проиграть пару партий.

Маус поморщился. Он умел распознать дымовую завесу.

Черт, чуть не сорвался!

Маус кинул взгляд на «Иерусалим», над которым работал бен-Раби.

— Ладно, Мойше, я не хотел лезть тебе в душу. — Он встал. — Не знаю, будут ли у нас еще турниры. Киндервоорт говорил, что мы придем к «Даниону» где-то сегодня вечером. Потому-то я и зашел. Думал, тебе будет интересно знать.

Бен-Раби просиял.

— Вот и отлично! — Он сложил листы «Иерусалима», встал и начал ходить по каюте. — Ожи-

дание меня стало доставать. Приятно будет чуть поработать.

Рандеву с траулером прошло абсолютно без помпы. Ни духового оркестра, ни любопытных толп в приемном ангаре. Присутствовали единственно те сейнеры, которым было поручено показать наземникам их жилье и проинструктировать насчет рабочих обязанностей. Никто из должностных лиц их приветствовать не вышел. Мойше был разочарован.

Его проводник показал ему каюту и сказал:

— Устраивайтесь побыстрее. Сейчас у нас полночь. Я приду рано, чтобы помочь вам в первый день.

— Понял. Спасибо, Пол.

Мойше внимательно посмотрел на своего гида. Этот человек был таким же, как все сейнеры, которых он уже видел.

Человек тоже внимательно на него посмотрел, стараясь преодолеть свои предубеждения.

— Спокойной ночи, мистер бен-Раби.

— До свидания. Утром увидимся.

Но вышло по-другому. Вместо этого человека появилась Эми и взяла бен-Раби и Мауса под свое крыло.

— Будете за нами приглядывать? — спросил Маус.

Она слегка покраснела.

— В определенном смысле. Ярл сказал, что хочет держать вас вместе, чтобы легче было за вами наблюдать.

— Да вы не смущайтесь. Мы понимаем.

— Это не моя специальность, капитан Шторм. Я водопроводчик, а не контрразведчик.

— Зовите меня Маус, если нетрудно. Или мистер Ивасаки.

— Как хотите. Пусть будет Маус. Вы готовы позавтракать? — Она повернулась к Мойше.

— Я по-прежнему Мойше бен-Раби, ладно? Да, конечно. Я готов съесть три завтрака.

Работа началась сразу после выдачи инструментов и краткой инструкции о том, как находить дорогу на корабле. И ее все время было много.

Под тяжестью рабочей нагрузки следующей недели Мойше забыл о своих душевных переживаниях. Воспоминания, грызшие подбрюшье его души, исчезли из сознания. Он плыл по течению, не думая, не наблюдая, не спрашивая. Все время он был или слишком занят, или слишком утомлен. Сейнеры сдержали обещание заставить наземников работать.

Тот выверт сознания, который представлял перед ним в образе пистолета, иногда его беспокоил, но лишь слегка, когда он задумывался во время замены негодных труб или поврежденных расходомеров. Он отлавливал это видение, играл с ним, наворачивал вокруг него грезы наяву. Это помогло убить время.

Тяжелая и непрерывная работа снова вернула ему ощущение жизни.

— Что-то здесь странное происходит, Маус, — шепнул он однажды, когда Эми не слышала.

— Что именно?

— Корабль совсем не так поврежден, как нас хотят заставить думать. Оглядишься.

— Мне трудно сказать. Я никогда не служил в летном составе. Все, что я знаю о кораблях, — это что ты на него залезаешь, а потом слезаешь где-нибудь в другом месте.

— Сухой остаток таков, что здесь действительно много повреждений, но ничего, что могло бы вывести из строя корабль такого размера. И они могли бы справиться с этим сами. Потратили бы на это пару лет.

— Значит?

— Значит, мы здесь по какой-то другой причине. Моя интуиция принимает к этому еще с самого Карсона.

— Зачем им привлекать посторонних, если в этом нет абсолютной необходимости?

— Не знаю. Единственная причина избыточного комплектования экипажа — это иметь дополнительный персонал для замены боевых потерь. Но для корабля такого размера ни двести человек, ни даже тысяча ничего не значат. И с кем будут

воевать сейнеры? С Конфедерацией? Уж тогда точно без такой мощной пятой колонны на борту.

— Давай не будем торопиться. Докопаемся. Как бы они ни надеялись, они не смогут скрывать все и все время.

— Хватит. Эми идет.

«Странно, — подумал он. — Мауса абсолютно не заинтересовал вопрос о мотивах звездоловов».

Первая неделя бен-Раби не обошлась и без колючек. Каждая встреча с сангарийкой была кризисом. И отсутствие той уверенности в цели, которая делала реакции Мауса предсказуемыми, уязвляло Мойше сомнениями в собственной полноценности.

Она не пыталась его провоцировать. Она знала, что он будет только смотреть на нее задушевно и переживать ту боль, которую ей причинил.

На перекрестке коридоров она появилась лишь на секунду позже Эми.

— Черт! — выругался Мойше. — Опять она!

— Держи меня, Мойше.

— Ладно, напарник. Будешь у меня еще одной головной болью.

— А, опять Крыса! — Сангарийка стояла, уперев руки в бока, провоцируя его на действие. За ней стояли несколько идеалистически настроенных ребят. Она им скормила упрощенный антишпионский комплект для дураков. — Что за неприятный сюрприз!

Зарезал уже кого-нибудь, шпион? Тут полно неконфедератов; ты должен быть счастлив, как кабан по колено в помоях.

«Интересная метафора», — отметил Мойше. Наверняка выбрала специально для парней с Трегоргарта. Юнцы озадаченно переглянулись. Они вполне разделяли ее взгляды и сами были народом грубым, но их общество научило их, что слишком много хамства может привести к гибели. Трегоргарт был планетой суровой.

— Так можешь начать с меня. Ты же знаешь, что я думаю о вашей фашистской военной диктатуре. Или кишка тонка?

Она отлично знала, что нет, но рассчитывала, что он не станет действовать при свидетелях — или что она его завалит, если он попробует. Она себя обманывает, подумал бен-Раби. Она считает Мауса одним из тех, кто бьет только в спину. А он умел много больше. Два десятилетия обучения и несколько тысяч лет боевого опыта сделали из него совершенную живую машину убийства.

Мойше не знал ни одного вида оружия или системы рукопашного боя, которыми Маус не владел бы лучше кого бы то ни было жившего когда-либо на свете. Если не выхватить револьверы, то мало что могла бы сделать она со всей своей шайкой, выйди Маус из себя.

Бен-Раби ошущал, как Мауса просто корежит показать ей, что почем. Но его партнер владел собой. Это тоже входило в его подготовку.

Бен-Раби пришлось и самому слегка взять себя под контроль. Поведение этой женщины уменьшило его сочувствие.

Она играла в куда более опасную игру, чем сама думала. Если она не отступит, игра повернется против нее.

Бен-Раби был уверен, что она действует по тщательно разработанному плану. Сама ее уверенность ее выдавала.

Но она была уязвимой. И ее ахиллесовой пятой была ее ненависть. Бен-Раби знал наверняка, что Маус этим воспользуется...

— Мисс Гонзалес! — вступила в разговор Эми. — Вы уже закончили? У нас есть работа. И я предложила бы вам вернуться к вашей, пока еще нет повода справляться о причине вашего отсутствия у вашего начальника.

Сангарийка отступила. Она не была готова рисковать своим заданием.

— Дураком себя чувствую, — сказал вполголоса бен-Раби.

— Я тоже, — ответил Маус, опустив глаза. — Я не смогу все время это терпеть, Мойше.

И тогда Эми им сказала:

— Я рада, что вы сдержались. Тут только драки нам не хватало.

Она интересовала бен-Раби. Он часто на нее смотрел, когда она не видела. Сейчас он был рад, что она не побежала за полицейскими. Она была не из таких, и у Мойше в глубине сознания уже начали возникать относительно нее замыслы.

Когда Эми пошла добывать какой-то специальный ключ, Маус, склонившись над схемой, пестрящей черными крестами, указывающими точки неисправностей, сказал сквозь зубы:

— Становится трудновато, Мойше. Я понимаю, что она делает, но... Она старается заставить нас изъять самих себя из игры.

— Держись.

— Когда-нибудь ночью я...

Неутомимый Маус. После работы бен-Раби еле хватало сил поесть и плюхнуться в койку. А Маус куда-то ходил, вертелся среди людей, заводил знакомства (в основном среди женщин) и находил новые интересы. Он, как губка, впитывал каждый бит информации, который ему попадался.

Последнее, что его заинтересовало, был среднеамериканский футбол, популярный среди сеи-неров. Их прибытие как раз пришлось на начало сезона. Интерес Мауса давал ему повод шнырять вокруг.

Мойше боялся. Когда станет привычным, что Маус все время бежит по кораблю, он может организовать фатальную встречу с Марией где-нибудь подальше от невзыскательных зрителей партера.

Мойше колебался, не следует ли ему поймать Марию и заставить ее понять.

Он помнил Сломанные Крылья.

Ее главной целью был он. Она хотела добраться до него через Мауса. Рана, которую нанес ей он, была более личной, более уязвляющей самолюбие, чем то, что сделал Маус. По ее разумению, в том, что случилось с ее детьми, виноват был он. Он мог это предотвратить.

Ему придется посматривать, что у него за спиной. Маус был не единственным, кто мог бы организовать инцидент.

— Она одна? — спросил Маус. — Они любят работать с сильной поддержкой.

— Я пока никого не высмотрел. Может быть, они рискуют. Что мне интересно, это зачем она здесь? Все остальные уже что-то попытались сделать. А она только и делает, что мерзко себя ведет.

— Она ждет.

— Чего?

Маус пожал плечами:

— Боюсь, мы это узнаем на собственной шкуре.

— Есть мысль, — сказал Мойше. — Только сейчас ко мне пришла. Способ ее предупредить.

— Как?

— Завтра выходной. Помнишь, они обещали один день в неделю? Завтра будет первый.

— И?..

— Эти ребята. Ты же знаешь трегоргартцев. Они вызывают каждого на турнир с выбыванием в боевых искусствах. Как ты думаешь, ты с ними справишься? Так, чтобы никого не поломать?

Маус задумался:

— Не знаю, не разучился ли я бить вполсилы.

— Ребятам это тоже будет полезно.

Вдали от дома трегоргартцы несколько распустились. Родная планета выучила их, что человек, не вступающий в драку из-за косого взгляда, — трус. После пары хороших взбучек они быстро цивилизовались.

— Даст им повод еще раз задуматься, давать ли ей себя в это дело втягивать, — рассуждал бен-Раби. — И надо им знать, что у нее свои цели.

— Они отступят, если будут знать, что я опасен?

— Надеюсь. Ее главный рычаг влияния на них — секс. Один из них каждое утро выскакивает из ее каюты.

— Кто из чьей каюты выскакивает?

Это вернулась Эми.

— Так, сплетни, — ответил Мойше. — Одна из девушек поставила это дело на конвейер.

— Наземники! Правду говорят, что вы совсем безнравственны.

Мойше воздержался от замечания, что сейнеры, кажется, так же свободны в этом смысле, как и его народ. Чопорность Эми была личной чертой, а не свойством ее культуры. Она была единственным известным ему звездоловом, который нес всякую чушь насчет морали.

Но Маус не промолчал.

— А когда вы потеряли свое, Мисс Нравственность?

— А? Свое — что?

— Свое сокровище. Вы не более чисты, чем воздух Старой Земли.

Она покраснелась, стала брызгать слюной, что-то бормотать насчет того, что все наземники одинаковы.

— Это вы правы. Все мы — сатиры и нимфы, вся наша шайка. — Маус облизнул губы, подмигнул и спросил: — А что вы делаете сегодня вечером?

Бен-Раби усмехнулся. Маус ее дразнил, как делал уже всю неделю, но она этого не понимала. Когда он действительно хотел женщину, подход у него был куда тоньше.

У нее что-то внутри шелкнуло, как бывало всегда, когда Маус вынуждал ее переходить к обороне. На поверхность выступала другая, куда более холодная личность, которая проносила ее мимо скользкого места.

— Ложусь спать. Одна. Вы уже решили, где резать эту водоводную магистраль? — И еще одна быстрая перемена темы: — Ах да. Ярл велел вам сказать, чтобы наточили зубы. Он приведет несколько человек с вами поиграть. К тебе тоже относится, Мойше.

Маус стал чемпионом служебного корабля-3 по шахматам. Сейнеров это расшевелило. Они очень любили эту игру и с охотой принимали вызов.

— А я почему? Я же плохо играю.

— Лучше, чем ты думаешь. И вообще, мы любим, чтобы каждый выяснил свое место в борьбе.

Ее твердая холодность испарилась так же быстро, как появилась.

— Я хотел сходить в Двадцать Третий Западный. Если мне позволят. — Этот повод он взял с потолка, чтобы защитить свое самолюбие. Он не любил постоянно проигрывать, даже в играх. — Я слышал, что там у одного парня есть старые английские монеты. Викторианские.

Лицо Эми выразило недоумение.

Маус рассмеялся:

— Вы не знали? Мы оба сумасшедшие коллекционеры. В основном монет и марок, потому что их легко таскать с собой.

Нахмуренная Эми напомнила бен-Раби Элис. У них было очень много общего в выражениях лица.

— Кажется, вы вообще во всем сумасшедшие. Шахматы. Архаизм. Коллекции. Футбол и женщины.

— Это уже только он, — отмежеввался бен-Раби.

— А как насчет людей?

— Разве женщины не люди? — возразил Маус.

Она лишь покачала головой. Она была звездоловом, а звездоловам этого не понять. Для них даже архаизм был всего лишь хобби. Наземники погружались во все, что угодно, лишь бы не привязываться к людям. Люди делают больно. И растущая близость между Маусом и бен-Раби, и явная дружба, которая возникала между другими чужаками, Эми приводила в недоумение. Она не могла понять, как им недостает глубины во времени.

Критическое различие между конфедератами и звездоловами заключалось в отношении к постоянству. Идея близких отношений, которые могут быть разорваны быстро и безболезненно так же легко, как возникли, звездолову была абсолютно чужда. Но они жили в замкнутой и статичной культуре, где в своей жизни бывали знакомы со строго

ограниченным числом людей. Дружеские отношения подразумевались пожизненными.

Бен-Раби настороженно ожидал завтрашнего дня. Изоляция наземника в дальней жилой ячейке снижала культурные трения в течение всей недели. Но Киндервоорт, у которого идея с чужаками была любимым детищем, собирался сделать выходной день гигантским сборищем, и на путях наземников встретится поток сейнсров. Все еще пытается, чтобы каждому нашлось место в обществе, предположил Мойше. Киндервоорт был мыслящим, замечательным полицейским. Может быть, этот человек ему еще понравится.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: 3047 Н.Э. БЫЛЫЕ ДНИ. ПРАЗДНОВАНИЕ ПОБЕДЫ

-Макс! Ну, ты и красавица!
— Тебя это удивляет, Уолтер?

— Ох! Я не имел в виду... просто я никогда не видал тебя так одетой.

— Это еще что! Кстати, я замечаю, что ты тоже несколько переменился, капитан. — Она со зна-

чением посмотрела на двойные протуберанцы на его высоком воротнике. — Кажется, ты говорил, что ты дипломат?

— Флотский атташе. Ты же это знаешь.

— Нет, я не знала. Флотский атташе. Это то же самое, что главный шпион? Бюро разведки Флота? Перчевский покраснел.

— Не все. Только некоторые...

— Не обращай на меня внимания, Уолтер. Я просто думала вслух. Это объясняет кое-какие загадки вокруг тебя.

— Загадки? Вокруг меня? Брось, Макс, во мне загадок не больше, чем в бревне. Вот мы и пришли.

Десантник принял его идентификационную табличку и вложил в щель, глядя на экран, который им не был виден.

— Благодарю вас, сэр. С вами мисс Треверс, сэр?

— Да.

Часовой снова посмотрел на экран:

— Благодарю вас, сэр. Сэр, мэм, желаю приятно провести вечер.

— Мэм? — переспросила Макс. — Я такая на вид старая?

— Брось, Макс.

— А меня он проверять не будет?

— Он тебя уже проверил. Все в порядке. У тебя нет бомбы в сумочке.

— Спасибо тебе. Чему вас только в Академии учат? Почему офицеры не бывают так вежливы, как этот симпатичный молодой солдат?

— Ты же только что жаловалась... Макс, у тебя сегодня настроение возражать. В чем дело?

В гардеробной он сдал своей военной плащ капралу-десантнику и помог Макс снять накидку.

— Я чуть боюсь, Уолтер. Я никогда близко не подходила к клубу Командования. Понятия не имею, как разговаривать с сенаторами и адмиралами.

— Знаешь, что я тебе скажу, Макс?

— Что?

— Я тоже здесь никогда не был. Так что мы вместе теряем девственность. Но вот что я тебе еще скажу. Адмиралы и сенаторы тоже иногда наступают на собственные шнурки, как и мы, и все они будут лапать твою ногу под столом, точь-в-точь как я.

— Мужчины или женщины?

Она взяла его под руку, и они вошли в Большой Бальный Зал. Она вцепилась крепче.

— Как ты сегодня выглядишь — и те, и эти.

Он остановился. Стен не было. По всему периметру комнаты, скрадывая ее размеры, разместились движущиеся голограммы. Портреты самых мощных кораблей Флота были со всех сторон, только снизу не было. Перчевский автоматически ог-

лядел звездное небо, но не нашел ни одного знакомого созвездия.

Макс вцепилась в него почти до боли:

— Я как будто падаю, Уолтер.

Локальное притяжение было снижено до нормального лунного, чтобы усилить эффект глубокого космоса.

— Кто-то действительно постарался, — буркнул Перчевский.

— Капитан-лейтенант? Мэм? — Еще один вежливый десантник. — Позвольте проводить вас к вашим местам?

Народу в зал набилось много.

— Разумеется. Сколько здесь сегодня человек, капрал?

Ему начинало становиться тревожно. Он все еще не знал, почему его сюда вызвали.

— Около двух тысяч, сэр. Сюда, сэр. — Десантник подтянул стул для Макс.

— Но... — Перчевский посмотрел на лица своих соседей по столу, и его челюсть отказалась вернуться на место.

Некоторых он знал лично. Начальника штаба Флота и директора разведки Флота он узнал по головизионным изображениям в новостях.

Макс тоже их узнала. Она придвинулась к нему и шепнула:

— Кто же ты такой на самом деле, Уолтер?

Она была так поражена, что не могла поднять глаза на важных шишек.

Перчевский был поражен не меньше.

— Сам начинаю интересоваться.

— Томас?

Только один человек упрямо называл его этим именем. Перчевский заставил себя поднять глаза и встретил взгляд своего шефа.

— Да, сэр? — Он бросил косой взгляд на Мауса, который уже с интересом разглядывал Макс, временно шепча что-то на ухо своей спутнице.

— Как жизнь, Макс? — спросил Маус.

— И ты тоже здесь, Ямамото?

— Томас, начальник штаба Флота и директор Бюро хотят быть тебе представлены.

— Да, сэр.

Он избегал взгляда адмирала, рассматривая места, которые до сих пор пустовали. Обходя вокруг стола, он пожимал руки важным шишкам, пока Бэкхарт произносил слова представления.

— Вот этот человек, — сказал Бэкхарт. — Он сделал все это возможным.

— Поздравляю вас, капитан-лейтенант, — сказал Перчевскому начальник штаба. — И благодарю вас. Я думаю, вы получите мечи с бриллиантами. Не говоря уже о премии.

Перчевский не мог скрыть замешательства.

«Они говорят о той операции, — понял он. — Мечи с бриллиантами к Лунному Кресту? Еще пара побрякушек. За эту медаль плюс пятьдесят пфеннигов можно купить чашку дешевого соевого кофе. А без медали — за пол конмарки».

— Спасибо, сэр. Но я бы предпочел отпуск, сэр. Собственная дерзость удивила его даже больше горечи в собственном голосе.

Директор Бюро впилась взглядом в Бэкхарта:

— Опять ваши фокусы с людьми, адмирал?

— Простите, мэм?

Перчевский ухмыльнулся. Ради того, чтобы попасть сюда и увидеть это выражение на лице адмирала, стоило выполнить задание.

— Этот человек явно не имеет ни малейшего понятия, что он здесь делает.

Перчевский подлил масла в огонь, кивнув из-за спины своего шефа.

В присутствии своего начальника Перчевскому приходилось находиться редко, но ему и этого хватало. Адмирал пробуждал в нем непреодолимое упрямство.

— Это скоро станет ясно, — сказал Бэкхарт. — Я просто думал, что это будет приятным сюрпризом. Возвращайся к своей даме, Томас. Я вижу, она знакома с Маусом.

Уходя, Перчевский слышал, как директор Бюро приказала:

— И проследите, чтобы им дали отпуск. Вся человеческая раса вашего темпа не выдержит.

— Да, мэм.

Перчевский вздрогнул. Да, он получит отпуск. И он за это заплатит. Адмирал взыщет с него с процентами.

— Что это все вообще значит? — спросила Макс. — У тебя был такой вид, будто они сейчас позовут расстрельную команду.

— Они хотят дать мне медаль. Знаешь, я насчет медалей думаю... Мне кажется, это не награда.

— За выздоровление от вируса? — Макс саркастически усмехнулась.

Высокое начальство вдруг замолчало. Люди стали вставать. Маус прекратил игру в пальчики, которую вел со своей спутницей. Перчевский обернулся:

— Юпп!

Фон Драхов выглядел постаревшим и усталым. С последней их встречи лицо его слегка обрюзгло.

— Привет, Том!

Больше он пока ни с кем не поздоровался.

Голограммы исчезли. Перчевский увидел скрывавшихся за ними корреспондентов и операторов.

— Начинаю понимать, — буркнул он.

— Что? — спросила Макс.

— Леди, вам предстоит увидеть всю мощь пропагандистского аппарата Луны-Командной в действии.

Фон Драхов плюхнулся на пустой стул.

— Маус! — сказал он вместо приветствия. — Том, ты видел Хорста-Иоганна?

— Извини, Юпп. Еще не имел даже шанса, — ответил Перчевский. — Как слетали?

— Как ведьма на помеле. Все впритык. А потом меня дернули сюда, не дав даже возможности... — Он посмотрел на ранг сидящих с ним за одним столом, откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Кто это? — шепнула Макс.

— Юпп фон Драхов. Мы с ним одноклассники по Академии.

— Он сейчас занимался тем же, что и ты?

— Да, в некотором смысле.

Флотские стюарды начали подавать обед. Это была еда в стиле шведского стола, когда можно выбрать себе с подноса блюда с различных миров Конфедерации.

— Как хочешь, но не пропусти январское вино, — сказал Перчевский. — На таких мероприятиях его всегда не хватает.

— А ты говорил, что никогда здесь не бывал.

— Маус бывал.

— Маус?

— Ямамото.

— О? Ты и его знаешь?

— Мы с ним тоже одноклассники.

Голокамеры завизжали и скрылись за новой голограммой.

Это уже не была анимация. Это было ускоренное воспроизведение событий, показанных внутри дисплейного аквариума военного корабля.

Дружественные зеленые отметки приближались к здоровенному астероидному обломку, кружащемуся вокруг белого карлика. Со всех сторон блестели другие белые карлики. Перчевский почти ощущал жар и удары солнечного ветра.

— Адские Звезды, — сказал он про себя. — Так вот где это было.

Астероид начал искриться. Большие красные блики взлетели с него под прикрытием бури красных точек.

За ними погнались быстрые зеленые торпеды. Астероид сверкал.

— О Господи! — выдохнул Перчевский.

— Что такое?

— Это был арсенал.

Макс не поняла. Она была флотской в нескольких поколениях, но сама никогда не служила.

— Что там происходит, Уолтер или как там тебя зовут?

— Это там, где был Юпп. Нам показывают записи боя с дисплея.

Корабли Конфедерации начали штурм. Корабль Юппа внес свою долю огня.

Гости восторженно вскрикивали, глядя на воспоминания о смерти сангарийской станции.

Быстрые лодки, пытающиеся спасти детей, не могли уйти от кровожадных гончих Флота.

И защита станции не могла выдержать мощи, обрушенной на нее тяжелым осадным крейсером. Но сангарийцы дрались, как кошка, загнанная в угол собаками, и у команды фон Драхова остались шрамы.

А здесь и теперь профессионалы Флота комментировали действие, как зрители футбольного матча. Перчевский уставился в свою тарелку тяжелым взглядом.

А фон Драхова, как он заметил, это трогало меньше, чем его.

Стюард все подносил и подносил блюда. Перчевскому пришлось напомнить Макс, чтобы пила свое вино. Вино с планеты Январь было лучшим и редчайшим в Конфедерации.

Сангарийцы сопротивлялись, несмотря на подавляющее превосходство атакующих. Казалось невозможным, что они еще живы, тем более что ведут ответный огонь.

Пленных не брать. Общий приказ для всех офицеров, участвующих в деле против сангарийцев.

«Ну и кровожадны же мы», — подумал Перчевский. Оглядевшись вокруг, он увидел, что все его соседи наслаждаются спектаклем, хотя и не знают его смысла.

У Мауса был такой вид, будто он балансирует на грани оргазма.

Как ненавидит этот человек!

Десантные модули космической пехоты прибыли как раз к десерту.

Стерильное воспроизведение с дисплея сменили записи ручной камеры. Десантники в задымленных рухнувших коридорах преследовали сангарийцев и их наемников. Бой шел рукопашный и жестокий.

Операторы камер с явным удовольствием давали крупные планы разорванных тел и развороченных оборонительных сооружений.

Штурмовая группа прорвалась через воздушный шлюз.

Вокруг на километры в ярком свете раскинулась самая большая ферма с искусственной средой, которую Перчевский в своей жизни видел.

— Поля ситлака, — грохнул чей-то голос.

Голограммы кончились, зажегся свет. На директора Бюро был направлен прожектор. Она поднялась с места.

— Леди и джентльмены, товарищи по оружию! Вот почему мы сегодня здесь собрались. Из-за операции в скоплении Адских Звезд, в ходе которой была уничтожена самая большая за всю нашу историю фабрика звездной пыли. Рейд был проведен двенадцать дней назад. Полицейские силы по всему рукаву вылавливают людей, которые обрабатывали и распространяли наркотик, произведенный на этом астероиде.

Дальше была речь, прославляющая Флот, которую Перчевский старался не слушать. На тему «Возблагодарим Господа за бдительность и решительность Бюро». Начальник штаба сказал то же самое другими словами и восславил фон Драхова и людей эскадры, которые действовали на основании добытой Бюро информации. «Как» и «почему» не рассматривались. Детали нельзя разглашать из соображений секретности. Выполнившие задание агенты будут награждены.

— Так ты, значит, дипломат? — шепнула Макс.

Перчевский пожал плечами. Его удивило выражение ее лица, близкое к обожанию.

— У меня был младший братишка, Уолтер. Он подсел на звездную пыль.

— А!

Он посмотрел на часы и был удивлен, что время тянется не так уж медленно.

Начальник Штаба настоял на том, чтобы представить капитана первого ранга Юппа фон Драхова миллиардам граждан Конфедерации. Юпп неохотно принял свою награду.

— Мгновенная слава, — буркнул Перчевский. — Мгновенное богатство. И через полгода уже никто его имени помнить не будет.

— Чего ты такой кислый? — спросила Макс. — Ты же должен ножками сучить от восторга. Посмотри, что ты сделал.

— Что я сделал, я знаю. Я там был. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Например, о той марке авиапочты «Полярный рейс», которую ты мне уже два года обещаешь.

— Ты же кучу премиальных получишь. Не знаешь сколько?

— Понятия не имею. Я до сегодняшнего вечера не знал о рейде.

— Ты же сможешь купить весь мой магазин.

— Может быть.

Ему случалось уже получать премиальные. По общепринятым меркам он был человеком богатым; но сам этого не чувствовал. Деньги не так уж много для него значили. Он мог купить что хотел и когда хотел, так что экономических проблем в его жизни не было.

— Тебя это не трогает?

— Нет.

— А меня — да. Когда мы едем на раскопки на Обратную Сторону?

— Не знаю. Наверное, они меня приставят к работе.

Он принял решение. Он съездит домой. Туда, где родился. В последний раз. Может быть, там, среди миллиарда людей, каждому из которых грубоко плевать на сангарийцев, пиратов Мак-Гроу, Улантский Марш и вообще на все, что вне их мира, он сможет уйти от себя.

И заодно освежить память о том, что послало его когда-то в ту жизнь, которая теперь стала отвратительной. Может быть, он вспомнит, из чего приходилось выбирать.

Головизионное шоу потихоньку свернулось. Начались частные мероприятия, в ходе которых им с Маусом вручили их медали и денежные премии.

Макс терпеливо ждала, пока все кончится.

— Тебе надо было уйти домой, — сказал он ей после всех церемоний. — Нельзя же всю жизнь меня ждать.

— А мне хотелось, — ответила она. — Я же пришла с тобой, с тобой и уйду.

Она стиснула его руку.

— Черт побери! — только и сказал он, и настроение его взлетело до небес.

Он осаждал ее годами. Она его дразнила, заманивала улыбками и легкими прикосновениями, но никогда не уступала. Дружеское свидание время от времени — это было все, чего он добился.

Этот вечер Макс сделала настоящим праздником награждения.

**ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН»,
БОРТ «ДАННОНА»**

Разлепив глаза и взглянув на часы, бен-Раби охнул. Уже полдень! Он зря потратил половину своего выходного.

Вылетев из койки, он бросился под душ. Через несколько минут он уже листал свой «Иерусалим», ища, где остановился.

Загудел сигнал двери.

— А, черт, только начал! Открыто!

Дверь скользнула в сторону, и ему улыбнулись Ярл Киндервоорт, Эми и еще с полдюжины незнакомых сейнеров. Каждый одет в цветной костюм какой-нибудь эпохи. Мойше расхохотался.

— У вас вид, ребята, будто сбежали из какой-то кровавой баллады. — Так и было, если не считать мрачного коротышку в костюме и с регалиями Билли Кида. — Что за черт? Король Артур у нас на борту?

— Выходной день, Мойше. — Эми улыбалась той самой улыбкой, от которой он таял. — Мы решили вытащить старого гризли из берлоги.

Как можно злиться дальше под сиянием такой улыбки? Такой теплой и обезоруживающей?

— Я хотел поработать над рукописью. — Когда-то на нее произвело впечатление, что он — автор напечатанных книг. — Да и вообще мне надеть нечего...

Тут до него дошло, что они что-то задумали. Он насторожился.

— А? — Киндервоорт приставил к уху ладонь. — Что? А, все равно, не важно. Давай, Мойше. А то мы опаздываем.

— Чуть не, чуть не, чуть не опоздали! — пропела Эми. Киндервоорт поймал Мойше за руку, выволок в коридор и потащил вперед, невзирая на протесты. Коридоры были забиты сейнерами в ярких маскарадных костюмах, и Киндервоорт вилял среди них, устремляясь насквозь через общий зал, где была столовая для наземников, через спортзал, через комнату отдыха прямо в салон. Это было

большое помещение, но сегодня Мойше показалось, что на него давят стены. Он никогда не видел здесь такой толпы.

Здесь были почти все наземники, окруженные в пять раз большим числом любопытствующих сейнеров. Общение кипело ключом, и оно было организовано. Неподалеку от дверей стоял длинный стол, на котором игралась дюжина шахматных партий, и там бен-Раби заметил Мауса и набранный им гарем.

— И когда он успевает? — тихо спросил он сам себя.

Киндервоорт и Эми отвели его к столу.

— Ну и ну! — сказал Маус. — Вы его выкопали. Без динамита?

— Вообще без боя, — ответил Киндервоорт и сам рассмеялся. — Чья очередь играть?

— Да погодите вы...

— Утихни, Мойше! — оборвал его Маус. — Ты взорвешься, как римская свеча, если будешь сидеть взаперти. Выйди и скажи миру «здрасьте». Пойди лучше туда к концу стола и поставь мат вон тому парню.

В углах глаз Мауса просматривалась напряженность. И в голосе она тоже слегка слышалась. Бен-Раби распознал приказ и подошел к столу.

Он не любил, когда его заставляли, но Маус был прав. Задание не окончено. А сидя в каюте, он свою работу не сделает.

Он сел напротив несмело улыбающегося юнца. Противнику достались черные. Мойше начал партию ходом королевской пешки. Сделали четыре хода.

— Мат.

Он не мог сам себе поверить. Никто ведь на детский мат не попадает.

— Отлично, Мойше! — сказала из-за его плеча Эми. — Проснись, Томми! Мойше — это тебе не тактик или стратег. Он камикадзе вроде тебя.

— Правда? — обернулся бен-Раби. Она стояла, опираясь на спинку его стула. Похожий на череп Киндервоорт и его люди скрылись.

— Так я могу судить по твоим партиям, которые я видела.

Челюсть Томми наконец вернулась на место. Он был ошеломлен быстротой разгрома.

— Будем считать это тренировочной партией, — успокоил его бен-Раби. Томми вяло улыбнулся.

— Очень благородно с вашей стороны, — промямлил он. — Я вообще-то заслужил, что получил.

Бен-Раби снова его обыграл с легкостью, но на этот раз повозился чуть дольше. Потом он стал двигаться вдоль стола вверх, обыгрывая сейнера за сейнером и одного наземника, которого уже когда-то обыграл. Звездоловы были энтузиастами; но играли еще хуже, чем он. Играли, как в шаш-

ки, гоняясь за истреблением. Он выиграл все партии.

— Перерыв, Эми! — взмолился он. — У меня мозоли на ягодицах.

— Ты очень великодушно поступил с Томми, — сказала она, отводя его туда, где стояли напитки.

— То есть?

— Дал ему второй шанс. Когда нарочно играл плохо.

— В самом деле?

Он был рад, что они его вытащили. Шум, возбуждение толпы, новые люди... Это заражало.

— Так и было. Я кое-что понимаю в игре. Томми — он энтузиаст, но несколько... — она постучала себя пальцем по виску, — ну, ты понимаешь. Он мой троюродный брат, и мне его жалко. Когда-нибудь он поймет, что ему ни у кого не выиграть. Это будет для него ударом. Единственное, что он умеет делать лучше других, — это обращаться с животными:

— С кем? — недоверчиво переспросил бен-Раби.

— С животными. В зоопарке. На Двенадцатом Южном, над центром управления парусами. У нас есть для них место — это то, что у нас не в дефиците. У нас тут и ботанические сады, и дикие леса, и куча еще всякого неэффективно используемого

пространства. Наши корабли построены для того, чтобы в них жить.

— Ты мне кое-что напомнила, — смущенно пробормотал он, вспомнив Элис. У Элис был точно такой же точеный нос, такие же высокие скулы, то же изящное тело с небольшой грудью.

— Что именно?

— Так, ничего.

Он постарался скрыть свое смущение, проглотив сразу полчашки дымящегося кофе. Ему обожгло рот, он поперхнулся и забрызгал сидящего перед ним. Забормотав извинения и смешавшись, он стал потирать губы и язык.

Эми увела его прочь, пока он не задохнулся от смущения.

Показав взмахом руки на толпу, он сказал:

— Напоминает мне съезд архаистов. То есть сумасшедший дом. Это каждую неделю так?

— Кроме предыдущей, когда готовились к вашему прибытию на борт. Ты бы посмотрел на это, когда начнется спортивный сезон.

— Откуда же берутся люди, готовые играть во все эти игры? Как Маус мне говорил...

— Люди — это не проблема. У каждого жилого куба своя команда. Они могут подбирать и браковать игроков. Тут быть героем спорта — большое дело. Особенно если попадешь в команду звезд, ко-

торую выставляют против других траулеров. Играл когда-нибудь в гандбол при нулевой гравитации?

— Играл. Может быть, по другим правилам... Мы с Маусом иногда играем.

— И кто выигрывает?

— Он. Почти всегда. У меня нет инстинкта убийцы. Я играю для развлечения.

— А он всегда так смертельно серьезен? Всегда решителен. И он, кажется, радуется жизни больше, чем ты.

Он нахмурился:

— Ты это о чем?

— Извини. Да, так о чем это я? У нас даже олимпийские игры бывают. А на верфях — игры между кораблями, и даже между флотами во время траления.

— На верфях?

— Об этом не надо. Это уже секретные вопросы.

Он не нажимал. Но, будучи агентом, поставил на этом красную птичку.

Эми отвела его к группе столов под большим плакатом УГОЛОК КОЛЛЕКЦИОНЕРА. Здесь было тише. Люди были здесь постарше и одеты не так цветисто. Мойше тут же углядел монеты, марки и какие-то мелочи из прошлого Старой Земли. Особенно были популярны коллекции монет и марок, легкие на вес связи с колыбелью человечества в ран-

ние дни космонавтики, когда масса и объем имели критическую важность.

— Ничего совсем, — услышал он, как кто-то жаловался своему соседу. Сосед рассеянно кивнул, будто слышал это уже в эн плюс первый раз. — Я же тебе говорил, Чарли, зря время потеряем. Они все гедонисты. — Говоривший метнул взгляд на группу кричаще одетых архаистов. — До следующего аукциона мы ничего нового не увидим.

Его стол привлек взгляд и интерес бен-Раби. Человек выложил коллекцию британских монет и марок.

— Простите, сэр?

— Что такое? — рявкнул тот, который жаловался. Потом распознал в Мойше человека со стороны, у которого, быть может, есть что предложить. Бен-Раби буквально видел, как в нем оживает интерес. И уже более общительным голосом человек продолжал: — Садитесь. Садитесь. Меня зовут Джордж. Вас что интересует?

— Викторианские. Вы мне скажите, откуда у звездолова...

На лице человека мелькнула улыбка заговорщика.

— Наперед знал, что ты это спросишь, друг. Мне как-то раз повезло. Купил этот сундук на дешевой распродаже на Большой Сахарной Горе. Открываю — Господи Иисусе!

И Джордж разразился повествованием, не упуская ни малейшей подробности того счастливого дня. Все коллекционеры таковы, и у каждого есть в запасе такая история.

А Мойше тем временем его изучал. Как ему удалось попасть на планету Конфедераций? И зачем? Не стоит ли на этом моменте тоже поставить красную птичку? Часто ли звездолеты тайно посещали миры тех, кто за ними охотится?

— Я не знал, найду ли здесь коллекционеров, — сказал Мойше, — но на всякий случай взял с собой свой обменный фонд. Там больше марок, чем монет. Британские, американские и немецкие. Может быть, знаешь кого-нибудь, кто хочет поменяться?

— Кого-нибудь? Да ты оглядись. Видишь, как они все стойку сделали?

«Я чемпион по идиотизму, — вдруг подумал Мойше. — Я мог бы выйти на покой, если бы продал коллекцию на рынке. Господи, да я же богат!»

Премияльные у него накапливались. Он их трагил только на хобби.

— Да садись же, друг, сколько раз тебе говорить? Пол, принеси ему кофе.

Джордж, теперь весь гостеприимство, фактически, силой заставил его сесть на стул. Мойше сдался. Эми держалась возле него.

«Наверное, ее ко мне приставили, иначе с чего бы ей так липнуть, — решил Мойше. — Ведь не мое же непобедимое обаяние ее здесь держит».

— Как я уже говорил, меня зовут Джордж. Сварливый Джордж меня прозвали. Но я на самом деле совсем не сердитый.

— Бен-Раби. Мойше бен-Раби. Я тут как раз заметил марку...

И они с Джорджем целый час обменивались байками коллекционеров.

— Спасибо, что меня сюда притащила, — потом сказал Мойше Эми.

— Отлично, я рада, что тебе понравилось.

По ее тону было слышно, что она от этого удовольствия не получила.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — напрямик ляпнул он, ощущая себя юнцом, который впервые в жизни пытается назначить свидание. — То есть я в смысле бала. Тут группа архаистов устраивает бал в стиле Крайнего Юга времен Гражданской войны...

Она улыбнулась невеселой улыбкой.

— У меня пока никаких планов нет, если ты об этом спрашиваешь. Но у тебя нет костюма.

— А это обязательно?

— Да нет, ты же знаешь архаистов. Они готовы на все, чтобы заинтересовать людей своим люби-

мым периодом. Этот уже и без того популярен. Здесь у нас есть американцы. Наши корни в основном восходят к Северной Америке. Ты меня приглашаешь?

— Да, вроде бы.

— Отлично. — Она рассмеялась. — Я зайду за тобой в восемь.

— Как? Разве не мужчина должен...

— Не тогда, когда он — наземник. Правила. Если ты будешь шататься по кораблю и искать меня, тебя арестуют.

— А! Я понял. А что теперь?

— Ничего особенного сейчас не будет. Разве что ты захочешь пойти к архаистам или поучаствовать в игре в мяч.

— Давай просто походим. Может быть, заметим что-нибудь интересное.

Они стали бродить вокруг, посмотрели несколько представлений архаистов, потом — как Маус учил уму-разуму ребят с Трегоргарта, фехтовальный турнир и бесконечные шахматные матчи. Жизнь на «Данионе» была совсем не похожа на жизнь на военном корабле в долгом патруле. Здесь не было таких жестких ограничений.

Эми представляла Мойше десяткам людей, чьи имена он тут же забывал.

— Это как прием-переросток, — заметил он. — Я их терпеть не мог еще тогда, когда в летном составе служил. Ты обязан присутствовать. Вот по этой причине я и ушел в шпионы. Шпионы не обязаны любезничать с людьми, которые им не нравятся.

Эми посмотрела на него с удивлением.

— Я пошутил.

— Твой друг все, что делает, делает хорошо?

На нее произвело сильное впечатление, как Маус разделал ребят с Трегоргарта.

— Когда его что-то заинтересует, он влезает в это с головой. Есть у него дар полностью переключаться.

— И еще девушки. Когда он успевает?

— Не знаю. Знал бы, сам бы косил их пачками.

Его ответ ее не удовлетворил. Она пыталась вытянуть из него что-нибудь еще. Зря время тратила. Он так давно служил в шпионах, что сокрытие информации стало рефлексом.

— Если хочешь узнать Мауса лучше, попытайся получить сведения из первых рук, — сказал он ей наконец.

— Я так не думаю, Мойше.

Он улыбнулся. Маус мог бы говорить о себе весь вечер, не сказав ничего, и по дороге ее три раза соблазнить.

— Может быть, и нет. Мы с ним очень разные. Я из тех, кто предпочитает наблюдать со стороны.

Эми переплела его руку со своей.

— Понаблюдай меня, наблюдатель.

— В каком смысле?

— Ты был послан наблюдать за сейнерами. Расскажи мне о нас. Какими ты нас видишь?

— Хм. Счастливыми. В мире с собой и со всей вселенной. Вот, например, как вы смеетесь. По-другому. Совсем не так, как у нас дома. Будто из самой души. А мой народ смеется будто только, чтобы разогнать мрак. Вот этот парень, который представлял комедию...

— Джек?

— Как бы его ни звали. Тот, который рассказывал историю про Мерфа, который всех знал. Он даже меня рассмешил. А знаешь почему? Потому что он находил смешное там, где я никогда и не подумал бы. Или в том, чего у меня не хватило бы дерзости осмеивать. Я — моральный трус.

— Тпру! О чем ты говоришь? И чего вдруг?

— Я просто подумал о своем шефе. Очень достойный джентльмен — когда хочет. Все знаменитости живут на Луне-Командной. Но их достоинство — это просто замаскированная напыщенность. Еще с курсантских времен у меня была фантазия — быть тайным агентом короля. Я хожу повсюду под маской

Джона Штатского и веду список. Как только какой-нибудь чиновник или продавец мне нагрубит, я записываю его имя, и за ним приходят люди короля. Я — бродячий клоун, который ходит повсюду и заставляет надутых шишек показывать свое истинное лицо. И первой моей целью будет Бюро.

— И такие чувства у тебя против людей, на которых ты работаешь?

Мойше не ответил. Его спугнул резкий тон вопроса Эми. Вдруг ее восприятие стало слишком острым, пронизательным, напряженным.

— Давай сменим тему.

Она не стала настаивать. После долгого молчания она спросила:

— А ты не хочешь вернуться к своей рукописи?

— Я тебе надоел?

— Нет! Я не это хотела сказать. Так это прозвучало? Извини. Я просто думала, что теперь тебе лучше.

Он на секунду прислушался к себе.

— В самом деле. Может быть, теперь она пойдет веселее. Не хочется этого признавать, Эми, но я отлично провел время. Спасибо.

Он позволил ей проводить себя до каюты, где немедленно набросился на рукопись. Работа пошла хорошо.

Ему показалось, что он едва успел начать, как Эми нажала кнопку сигнала.

— Проснись, Мойше! — крикнула она из коридора.

— Открыто! Что, уже пора?

Она впрыгнула внутрь, одетая очаровательной южной красавицей с бессчетными нижними юбками и оборками.

— Нормально поработал? У тебя всюду бумаги разбросаны.

У нее через руку был перекинут мундир конфедерата, а другой рукой она прижимала к боку шпагу с портупеей.

— Не то слово.

— Я кое-что одолжила... что с тобой?

На секунду он вместо нее увидел перед собой Элис. Прошрое ударило его, как цунами. Улыбка осталась у нее на лице, но исчезла из голоса.

— Мойше, что тебя преследует?

— Ничего. Это для меня костюм? Давай его сюда, я переоденусь.

— Я все время на тебя смотрю, Мойше. Что-то тебя грызет. Не надо, изрыгни это из себя. Выбрось туда, где ты сможешь его раздавить, убить, растоптать.

Вот в этом между ней и Элис была разница. Элис никогда бы не спросила. Подождала бы, пока он заговорит сам.

— А ты? — ответил он. — Хочешь рассказать мне, что преследует тебя?

«Лучшая защита — нападение», — насмешливо подумал он сам о себе.

Она не обратила внимания на его слова.

— Скажи мне одну вещь... — Она говорила мягко и заботливо, как в тот день на шаттле.

Он не дослушал.

Тень страсти
Лежала в персулке,
Которым уходил я
Из Города Любви. И юным
Было сердце, она была со мной,
И тем лишь был я целостен.

— Чижевский, — сказала она. — Да. Я тоже это читала. Из «Сестра моя — любовь». Говорят, что он написал это перед тем, как ушел в космос и потерял рассудок — если не считать, что человек, хвастающийся любовью со своей сестрой, и без того сумасшедший. И что ты хотел этим сказать, Мойше? Это старая любовь тебя тревожит? Это глупо. Тебе же не пятнадцать лет...

— И я это отлично осознаю. Умом. — «Стоял я голым и жалким в лунных садах», — процитировал он в отрыве из контекста. — Теперь я старый усталый человек, вдали от дома, без будущего, без друзей, кроме помешанного на шахматах диверсанта-архаиста, которого я никогда не вижу, кроме рабочего времени...

«Стоп! — подумал он. — Язык твой предаст тебя».

— Давай сюда костюм. Я переоденусь. Ладно?

— Как хочешь.

В эти два слова она сумела вложить очень много. Это напомнило ему профессиональную мать, которая занималась им иногда, когда природная мать гонялась за призраками исчезнувшей Земли. Она умела сказать эти слова точно так же, ясно давая понять, что ничего не выйдет из того, что он задумал. В любые слова она могла вложить тот ясный смысл, что он отдает себя в лапы дьявола или выбирает равно неприятную судьбу.

— Отлично! Потрясающий офицер, — сказала Эми, когда он вышел из ванной. — Была бы у тебя борода, был бы ты похож на Роберта Ли.

— Правда? Слушай, что сделать с этой чертовой шпагой? Как это они умудрялись ходить и не лететь мордой вперед на каждом шагу?

Она захихикала и поправила на нем шпагу.

— Чего ты смеешься?

— Подумала просто, много ли было еврейских генералов в армии Конфедерации.

— Чертова уйма... а, ты про ту Конфедерацию. Не понял. Что здесь смешного?

— Надо знать тот период.

— Ну, здесь я тебе не попутчик. Я его знаю только по курсу военной истории из Академии. Могу рассказать, почему Лонгстрит не сделал при Геттисберге того, что не сделал, но не какой веры он был. К тому же я не еврей, и ты это знаешь.

— А кто же ты, Мойше бен-Раби? Ты вообще во что-нибудь веришь?

Опять прощупывание. Зондирование. Теперь уже от своего имени. Служба безопасности рыбаков вряд ли интересуется его религией.

Он хотел резко отшутиться, но она слишком близко попала к самой причине его неудовлетворенности. Сейчас он не верил ни во что, и меньше всего в самого себя. И это занятно, потому что подобного чувства у него не было с тех пор, как он ушел из летного состава. Пока не началось это задание.

— В пророка Мерфи, — ответил он.

— Мерфи? Не поняла. Кто такой этот Мерфи? Я ждала ответа «в смерть и в налоги».

— Пророк Мерфи. Человек, который сказал: «Все, что может испортиться, — портится». Вся моя жизнь — тому свидетельство.

Она шагнула назад и медленно покачала головой.

— Никак не могу понять, кто ты такой, Мойше бен-Раби. Или нет, могу. Может быть. Может, я сделаю тебя счастливым против твоей воли.

— Превратив тыкву в карету.

Сочтя, что хватит разговоров, он взял ее под руку и повел на бал, на секунду забыв, что не знает, куда идти. Потом он увидел, что она привела электрический скутер. Сейнеры на любое расстояние старались ездить на них. На «Данионе» были места, куда пешком за день не доберешься — в буквальном смысле. Покраснев, он сел на пассажирское сиденье спиной к движению.

За всю поездку они не сказали ни слова. Мойше испытывал приливы глупой злости, которые сменялись образом пистолета. Он этого образа чертовски боялся. Он не был стрелком. Казалось, что у этого образа меньше отношения к реальности, чем у его постоянного «хочу».

На самом нижнем, подсознательном, рефлекторно подавляемом уровне он был убежден, что сходит с ума.

Время растянулось невероятно. Нежеланные мысли отказывались уходить. Руки похолодели и онемели. Настроение упало до самого дна и падало дальше...

Эми вильнула к стене коридора, припарковала скутер и включила его в зарядную сеть. Он затерялся в оранжевом стаде зверьков, припавших к электрическим соскам.

— Симпатичное зрелище, — сказал он неловко, пытаясь разрядить молчание.

— Угу. — Она остановилась поправить на нем воротник и шпагу. — Пойдем.

Ее лицо стало деланно невыразительным, как у наземницы. Напоминание о доме, за которое он не был благодарен.

Бал казался повторением утреннего собрания. Там были все те же люди.

В подходящих костюмах была лишь сотня-другая народу. Еще вдвое больше были одеты в костюмы эпох от Вавилона до завтрашнего дня, а остальные были в ежедневных спортивных костюмах.

Мойше застыл в дверях.

— Что случилось? — спросила Эми.

— Не знаю, но... У меня нет на это права, но такое чувство, будто у меня что-то отняли.

Неужели все эти викинги и пуритане и Марии-Антуанетты украли момент его славы? Его тоже архаистическая муха укусила?

— Это же и наша история тоже, — возразила ему Эми, не поняв. — Ты же сам говорил, что все мы восходим корнями к Старой Земле.

Чья-то рука коснулась левого локтя Мойше.

— Мятный ликер, сэр?

Бен-Раби обернулся к Ярлу Киндервоорту, одетому в мокасины и енотовую шапку. Индеец прямо из Кентукки, Дан Мертвая Голова.

— Эта фигня у вас получше, чем у меня, — пожаловался Киндервоорт.

— Вы про костюм?

— Да. Пошли посмотрим, что у них есть в баре, Мойше.

Эми исчезла, а тон Киндервоорта подразумевал деловой разговор. Чувствуя, что его подставили, бен-Раби позволил отвести себя к бару.

Тут его ждала очередная неприятность. Бар был стилизован под Дикий Запад, и там ошивалось полдесятка типов в черных шляпах, занятых тем, что валяли дурака, хвастаясь и устраивая потешные перестрелки. Едкий пороховой дым ходил голубыми клубами.

Из всех идиотских периодов, любимых архаистами, для Мойше Дикий Запад был самым противным. Это всё была фальсифицированная история, общепринятая фантазия без всяких исторических основ.

Первым из архаических увлечений его матери как раз и был Дикий Запад. Как раз тогда у него были трудности в Академии, и ему отчаянно был нужен хоть какой-то якорь. У матери он его не получил. У нее просто не было времени.

Плюс ко всему здесь была и сангарийка. Она была в образе Белой Дамы На Лестнице.

— Подходит, — буркнул про себя бен-Раби. Ее впечатляющие сексуальные аппетиты только выросли со времен Сломанных Крыльев.

Она увидела его с Ярлом. Забеспокоилась? Стала думать, когда он ее сдаст? Он улыбнулся ей. Пусть понервничает.

У двери возникло движение.

— Господи! — сказал бен-Раби. — Вы только посмотрите!

Маус, центр всеобщего внимания, самый популярный мальчик в классе, вошел в зал в костюме миниатюрного Генриха VIII и в сопровождении не менее чем шести прилипших к нему красавиц.

— Везет нам, что у нас не демократия, — заметил Киндервоорт. — К концу года ваш друг стал бы капитаном — прошел бы на женщинах.

Мойше оставил двусмысленность без внимания.

— В самом деле? — сухо спросил он. Его раздражали причуды Мауса. Этот человек шеголял своим успехом...

Зависть была одним из самых противных недостатков бен-Раби. Он пытался ее подавить, но Маус делал эти попытки безрезультатными.

Он повернулся к бару и увидел перед собой какую-то мерзкого вида смесь в высоком бокале.

— Мятный ликер, — пояснил Киндервоорт. — Мы стараемся, чтобы выпивка соответствовала периоду.

Он пригубил из жестяной кружки. Ковбои с пистолетами стреляли друг в друга в упор. У торца стойки волосатый викинг размахивал топором и требовал кружку меда.

— Наверняка все это из одной бутылки.

— Вполне вероятно, — признал Киндервоорт.

— Твоя подача. Чего ты хочешь, Ярл?

Киндервоорт поднял брови.

— Мойше, с тобой чертовски трудно иметь дело, ты это знаешь? Ну вот, теперь ты хмуришься. Я, оказывается, перешел на личности. Как вы умудряетесь прожить, друг друга не задевая?

— Не задеваем потому, что нас слишком много. Если только ты не Маус. Он вырос в достаточном просторе и ничего не желал. Вряд ли ты поймешь. Не сможешь, если никогда не жил на внутренних мирах.

Киндервоорт кивнул.

— Как ты посмотрел бы на то, чтобы все это бросить? Жить там, где хватает места, чтобы быть человеком? Где для выживания нет необходимости быть эмоциональным бревном?

Он сделал большой глоток, глядя на Мойше поверх кружки.

Ответа ему пришлось ждать долго.

Мойше знал, что ему предлагают. И какова цена за это.

Демоны его разума взвились и схлестнулись друг с другом в апокалиптической битве. Идеалы, верования, желания и соблазны штурмовали крепости друг друга. Он только старался, чтобы этот Армагеддон не отразился краской на его лице.

И это ему удалось. У него за спиной были десятилетия тренировки.

Он вспомнил, что Киндервоорт — из Безопасности, а контрразведчики не предлагают сделок без задней мысли.

— Отыди от меня, Сатана.

Киндервоорт расхохотался:

— Ладно, обсудим это позже. Теперь давай найди Эми. Развлекись. Это же вечер отдыха.

И исчез раньше, чем Мойше мог ответить. Эми появилась немедленно.

— Как это подло было, Эми Многоименная, дать этому вампиру сосать мою кровь!

Уход Киндервоорта поднял его настроение, и теперь он был благорасположен ко всей вселенной. Пусть себе вертится.

— А что он сделал?

— Ничего особенного. Просто предложил мне стать перебежчиком.

Она уставилась на него, явно не понимая, почему он не вопит от радости. Редко когда наземник получал возможность стать сейнером.

«В человеческой природе считать, что именно твой акр земли избран Богом, — подумал он. — И земля Эми была той, на которую он не отказался бы вступить — но не на условиях Киндервоорта. Он не особенно любит Конфедерацию и Бюро, но никогда не станет предателем».

— Пойдем танцевать? — предложила Эми. — Мы же за этим сюда и пришли?

Время медленно плыло, и Мойше начал радоваться жизни. До него стало доходить, что он проводит вечер с женщиной, которая значит для него больше, чем носительница половых органов, прикрытых шерстяным мешком, какой она для него была в момент их прибытия.

Где-то в разгаре вечера одна из кузин Эми пригласила их посидеть у кого-то в каюте. Не испытывая более напряжения и настороженности, он ответил: «А почему бы и нет? Звучит заманчиво». Через минуту он и Эми неслись в веселой толпе скутеров, дикими воплями распугивая прохожих. Компания подобралась в основном молодежная, из тех ребят, что только окончили школу, и почти таких же новичков на траулере, как Мойше. В небольшой группе и в тесной каюте они были совсем не так зажаты и сдержанны, как старшие сейнеры, с которыми он

работал. Кажется, у этих ребят был архаистский уклон в молодежную субкультуру последних десятилетий двадцатого века. По крайней мере владелец каюты был явно влюблен в этот приблизительно период — точнее Мойше не мог определить.

Лилась выпивка, в воздухе столбом стоял дым. Время летело. Тихо сидя в углу, почти все время с Эми, а иногда без нее, он смотрел на них и постепенно впадал в странное состояние, будто отделился от окружающей обстановки. Виноват в этом был больше горьковато-сладкий дым, чем алкоголь. Он был настолько густ, что вызывал опьянение даже и без того, чтобы затягиваться странными маленькими сигаретками, которые ему предлагали.

Кто-то назвал их марихуаной. Он смутно помнил это название по раннему детству, когда старшие ребята в его банде что-то такое курили. Сам он никогда этого дурмана не пробовал. Здешние ребята кашляли, ловили ртом воздух, но стойчески продолжали курить. Этот наркотик был частью культа периода. Он и сам уплывал все дальше от реальности, свободно паря, пока не погрузился в туман подавляемых иррациональных впечатлений.

Прикосновение женщины к его руке — плыви, серебряная красота — и вкус виски на языке. Танцующий свет, резкий в дальнем углу, изломы и тени рядом с ним. Пальцы его скользнули в теплую ямку на шее Эми. Она мурлыкнула, пересела с подлокот-

ника кресла к нему на колени. Секс, подумал было он... нет. Он был не настолько пьян, чтобы забыть Элис. Проснулся страх. Тени росли, манили. В сердце их таились темные твари, злобные духи из глубин прошлого явились закрепить концы и протащить его мимо берегов будущего. Магия в действии была в этой комнате. Вдруг они с Эми оказались одинокими в толпе.

Одинокими среди золотых людей, каждый из которых был моложе их на десять лет, каждый с новой с иголки невинностью — или уже чуть запятнанной, ему было все равно. Они говорили друг с другом, она чуть серьезнее, он совсем рассеян. Он не был готов ее исследовать. Но по намекам, которые она бросала, могло быть так, что прошлое его и ее окажутся сторонами одной монеты. За ней тоже был неудачный роман, и какое-то физическое, сексуальное переживание, которое она не готова была пока открыть, терзало ее сейчас. Где-то на краю сознания мелькали его собственные полуночные призраки.

Дальше. Дальше. Около полуночи, в момент просветления, когда она подала ему архаистского стиля банку пива, он впервые заметил, что она левша. Левша, наизнанку, наоборот, и он принял банку, изогнув руку, потому что сам был правой. Он поразился, что не заметил этого раньше — ему полагалось быть наблюдательным. Это его профес-

сия. Осенние эти мысли тут же исчезли, интерес его возрос, когда он заметил напряженность всех ее движений.

Она много смеялась, обычно над тем, что не смешно. В ней смыкались клыки ее собственных призраков, которых она хотела изгнать принужденным весельем. Она не хотела показывать своего дьявола, но Мойше его размытые контуры показались знакомыми. Это был кузен его собственного.

Пока двенадцать человек молча слушали песни кого-то по имени Саймон и Гарфункель или Бадди Холли, он понял, как они отлично друг другу подходят. Она просидела у него на коленях час, и ему не было неудобно. Его левая рука касалась сзади ее шеи, правая лежала на закруглении ее левого бедра, и голова ее лежала у него на левом плече, под подбородком. У волос ее был слабый, незнакомый, приятный запах.

А не слишком ли они оба для этого стары?

Тени на дверях, тени на стене. Не задавай вопросов. Он слушал, как бьется ее сердце — по три удара на два его.

Он вздрогнул — чудовище его снов подбиралось ближе. Эми пошевелилась, прижимаясь теснее. Слегка хихикнула, когда он охнул от резкого движения ее костистого зада у себя на коленях.

Люди начали расходиться по своим каютам, чтобы предаться одиночеству, или страху, или быть

вместе, пока реальность утра не выдернет их обратно в работу и в сегодня. Скоро осталось всего три пары. Мойше пробрала дрожь, когда он приподнял подбородок Эми. Она секунду противилась, потом сдалась. Поцелуй стал яростным. Тени чуть отступили.

— Пойдем, — сказала она, вскакивая и таща его за руку. Они нырнули в коридор, сели на скутер и полетели к его каюте. Она вошла вместе с ним и заперла за собой дверь. Но время еще не пришло. Ночь они проспали. Проспали обнявшись, прячась от темноты. Никто из них еще не был готов рисковать.

Когда он проснулся, ее уже не было. И как-то странно затихли все его желания и страхи.

«Что же будет у них дальше», — подумал он.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:

3047 Н.Э.

БЫЛЫЕ ДНИ, РОДНОЙ МИР

Перчевский переминался с ноги на ногу. Он слишком нервничал, чтобы сесть. Он не представлял себе, что возвращение домой вызовет столько эмоций.

Он оглядел зал. Лихтер будет заполнен под завязку. Туристы и бизнесмены — из первых почти все улантиды и токе. Они держались своими группами, запуганные ксенофобической репутацией Старой Земли, но полные решимости исследовать родной мир Человека. Токе подбадривали друг друга смелыми разговорами. Каждый их жест заявлял: «Мы — Звездные Воины Мел-Тан из Легиона Космической Пехоты Токе. Мы — Избранные из Звездных Лордов. Нас не запугать хулиганам из загнивающего мира». Но они боялись.

Токе не мог запугать ни один враг. Это показала война с ними. Только дипломатический гений, который нашел им место в Службе и принял Токе в Конфедерацию как равных, спас Касту Воинов от истребления.

«Жаль, что ничего такого мы не можем придумать для сангарийцев», — подумал Перчевский.

Но в войне с токе не было места ненависти. Это была почти циничная, безэмоциональная война за гегемонию в звездной области Палисарского Директората. Улантиды были не так воинственны, как токе. Их война с конфедерацией тоже была лишена эмоций. Обычная кровавая борьба за гегемонию.

Улантиды в основном были католиками, направляющимися в Рим, Иерусалим и Вифлеем.

ШАТТЛ «БРАВО ТАНГО РОМЕО ТРИ ОДИН» ПОДАН ПОД ПОСАДКУ ДЛЯ ПАССАЖИРОВ, НАПРАВЛЯЮЩИХСЯ К КОНСТАНЦКОМУ ОЗЕРУ. ПАССАЖИРОВ, ВЫЛЕТАЮЩИХ В КОРПОРАТИВНУЮ ЗОНУ, ПРОСЯТ ПРОЙТИ К АНГАРУ НОМЕР ДЕВЯТЬ.

— Не против бы я был с ней познакомиться, — сказал кто-то рядом с Перчевским.

— С кем это?

— С теткой, которая объявляет. Всегда готов принять ее у себя в койке.

— А, с этим голосом!

А голос был мягкий, густой и манящий. Такие голоса произносили объявления в любом терминале, где Перчевскому приходилось бывать.

Первыми пошли на посадку туристы и бизнесмены. На Луне-Командной всегда старались не раздражать гражданских по мелочам. Отдельным представителям служб рекомендовалось держаться скромно.

Существовало лишь одно ограничение власти Луны-Командной — ассигнования на операции, принимаемые голосами всенародно избранного сената.

Космические пехотинцы токе держались по-
дальше от Перчевского, который был в мундире
капитан-лейтенанта.

Потом был долгий и ленивый орбитальный по-
лет до Констанцкого озера и Женевы. Перчевский
читал, дремал, обдумывал недавно начатую книгу.
И пытался не думать о лежащей внизу планете.

Головизсионные сети не давали даже приближи-
тельного портрета убогой реальности, которую
представляла собой Старая Земля за осажденны-
ми стенами Корпоративной Зоны.

Шаттл упал в озеро. Его отвели к стоянке бук-
сиром. Перчевский вслед за штатскими вышел на
воздух своей родной планеты. После восьми лет
отсутствия он вернулся домой.

Женева не изменилась. Швейцарию не затрону-
ла гниль. Ее богатство и красота позволяли думать,
что все страшные истории о Старой Земле — просто
выдумки.

Но это была маска. Косметику на Зону навели
миллиарды внеземного происхождения, а ее не-
прикосновенность блюли стволы полиции Корпо-
раций. Ее границы находились под постоянной
осадой.

Бывали времена, когда Луне-Командной при-
ходилось посылать космическую пехоту на помощь
силам Корпораций. Предлогом для этого была за-

щита Сената Конфедерации и его учреждений, рассеянных между Женовой, Цюрихом и южным берегом Боденского озера.

Существовала когда-то теория, что богатство, притекающее в Зону в связи с расположением там центральных учреждений Конфедерации, в конце концов распространится по всей планете. Возникнет положительное торговое сальдо. А положительный пример жизни в Зоне будет действовать как противоядие от социальных язв остальной планеты. Изменения разойдутся из Швейцарии, как круги по воде.

Теория оказалась мертворожденной, как и многие другие теории социальной инженерии.

«Здесь всем на все наплевать», — подумал Перчевский, входя в свой номер в отеле. Все, чем еще жива Земля, — это триллионы межпланетного социального пособия. Может быть, надо было предоставить ее самой себе, а потом сделать что-нибудь для выживших.

Люди родной планеты все еще играли в свои игры национализма и воинственности. Любили своих Джошуа Джа. И просто отказывались делать что-нибудь реальное для самих себя, пока Конфедерации стыдно было отказать им в поддержке.

Повторялась многократно сыгранная пьеса о социальном иждивенчестве. Как всегда: гарантия

получения средств к существованию начисто отбивала охоту действовать.

Свой первый день дома Перчевский провел на экскурсии с гидом по достопримечательностям Корпоративной Зоны. В его группе было несколько местных юнцов и девиц, награжденных поездкой за успех в каком-то конкурсе.

Они его удивили. Они в разумной степени хорошо себя вели, были достаточно чисты и не слишком плохо одеты. Выборка несколько лучше средней, и не слишком непохожи на ребят из других мест. Охранника из Безопасности ни разу не пришлось звать.

Группу привели в ресторан в шале «Нуреев Текникал Индастриз» на вершине Маттергорна.

— Разрешите, капитан?

Удивленный Перчевский поднял глаза от тарелки с колбасой и кислой капустой. Напротив него стояла симпатичная девушка лет шестнадцати, высокая, светловолосая. Он сидел за столом один. Его мундир отталкивал от него всех, кроме двух космических пехотинцев токе. Они все еще пытались объяснить, что им нужно, повару, который не допускал даже мысли о том, что из его кухни может быть выдано сырое мясо. Как он подозревал, пришельцы старались держаться поближе к нему ради дополнительного чувства защищеннос-

ти. У народа Токе иерархия была строжайшей, и воины были у них наиболее почитаемой кастой.

— Да?

— Можно к вам сесть?

— Разумеется.

Он был изумлен. Она была из тех, кто выиграл экскурсию. Почти все жители Старой Земли настолько ненавидели Службы, что даже при самых лучших намерениях не могли сохранять элементарную вежливость.

«Уж не проститутка ли?» — подумал он.

Чего бы ей ни хотелось, но ей понадобилось время. Она так нервничала, что не могла есть.

И вдруг она выдала:

— Вы же со Старой Земли? То есть родом отсюда?

— Правда. А как вы узнали?

— По тому, как вы на все смотрите. Инопланетники смотрят по-другому. Будто бояться чего подцепить или еще что.

Перчевский посмотрел на других выигравших экскурсию. На их лицах читалось отвращение.

— Вашим друзьям не понравится...

— Это не мои друзья. Я до вчерашнего дня никого из них не видела. Как вы выбрались?

Слова вылетали из нее сплошным потоком; он едва успевал их воспринимать.

— Выбрался?

— Из этого всего. Из этого мира.

— Сдал экзамены в Академию. Меня приняли.

— И вас не остановили?

— Кто?

— Ваши друзья. Знакомые. Я три раза пыталась. Всегда кто-нибудь узнавал и не давал мне поехать. В последний раз меня у самого центра остановили трое и сказали, что убьют меня, если я туда пойду.

— Значит, еще есть надежда, — вполголоса сказал Перчевский своим мыслям. Теперь он знал, чего она хочет.

— Простите?

— Я хочу сказать, что пока есть еще кто-то вроде вас, Старая Земля не умерла. Благодаря вам моя поездка обрела смысл.

— Вытащите меня отсюда. Вы можете? Все, что угодно, только не такая жизнь. Я все сделаю. Все, что вы захотите.

Она именно это и имела в виду. Ее отчаянное обещание было настолько очевидным, что его это даже тронуло.

Он вспомнил собственную отчаянную тягу на волю в еще более раннем возрасте. Если выбираешь непопулярный путь, надо прорываться по нему с решимостью фанатика. Он был тронут. И глубоко.

— Я участвовала во всех конкурсах, только чтобы добраться хотя бы сюда. Я знала, что сюда поехать они мне мешать не будут, и я думала, что здесь, быть может, кого-нибудь найду...

— ...но слишком испугались, чтобы сделать что-нибудь, попав сюда.

— Тут же одни инопланетники.

— Если вы покинете Землю, никого другого не увидите. За двадцать лет я встретил всего двух-трех землян.

Он посмотрел на группу, с которой путешествовала эта девушка. Трое юнцов уловили, к чему она клонит, и это им не нравилось.

— Я знаю. Я привыкну.

— Вы уверены?

Трое юнцов подошли к его столу.

— Эта шлюха не для тебя, вояка.

Перчевский мило улыбнулся:

— Нарываешься, козел. Лучше отвали по-хорошему.

Это их поразило. Один из них рявкнул:

— Ты у меня сейчас в руку себе насрешь и в Китай понесешь, вонючка!

— Могу я быть полезен, капитан?

Космический пехотинец тоже рядом с юнцами казался великаном. У них дрогнули кадыки.

— Нет, не думаю, носитель огня. Я бы сказал, что Знамени ничего не грозит. Эти молодые люди сказали, что хотели. Они как раз собрались уходить.

Старший токе полыхнул взглядом. Ростом два с четвертью метра и весом в сто тридцать килограммов, он был для Звездного Воина жидковат. Зато его помощник был как раз таким, каких рисуют на рекламных вербовочных проспектах, расширяемых в Ложках Каст. Он спокойно стоял за спиной своего офицера, полный того нерушимого, пугающего хладнокровия, которое заставляло нервничать в присутствии Звездных Воинов даже самых закаленных людей из Служб.

— Уходите тихо, Дети Ночи, — процитировал Перчевский старую песню, используемую в качестве боевого гимна половиной всех юношеских банд планеты. — Особенно ты, говорящая голова.

Жаргон не сильно изменился. В отличие от внешних миров, Старая Земля в своей изоляции оставалась такой, как была.

Мальчишки поняли. Было время, когда он был одним из них.

И они ушли вразвалочку, показывая, что на все им наплевать. Перчевскому показалось только, что во взгляде говорившего мелькнула зависть.

— Благодарю вас, носитель огня.

Охранник из Безопасности, занятый болтовней с официанткой, инцидента не заметил.

— У нас одно Знамя, капитан-лейтенант. Мы будем рядом.

— Носитель огня?

— Да, сэр?

— Не надо бросать им вызов на их территории.

— Я здесь третий раз, капитан-лейтенант.

— Ну, тогда вы в курсе.

Он снова повернулся к девушке, которая сидела, окаменев. Оба огромных кожистых токе отошли к ближайшему пустому столу.

Девушка вдруг спросила напрямую:

— Зачем вы вернулись?

— Не знаю. Вспомнить? Что-то найти, что я здесь оставил? Вернуться к корням? Не могу сказать. Хотел увидаться с матерью. Восемь лет ее не видел.

— А! — В ее голосе звучала зависть. — А я не смогла узнать, кто мои родители. И никогда не встречала кого-нибудь, кто такое о себе знает. По крайней мере среди сверстников.

Он улыбнулся:

— А имя у вас есть? После этой сцены вам лучше держаться поближе ко мне или к пехотинцам. И надо вас как-нибудь называть иначе, чем «эй, девушка!».

— Грета. Хелсунг. Из Гамбурга. А это настоящие Звездные Воины?

Он тихо засмеялся:

— Старайтесь не задавать такие вопросы, если они вас слышат, Грета из Гамбурга. Они настоящие, как кровь в вашем теле. А я — капитан-лейтенант Перчевский. Если вы не передумаете, я вас отведу к кое-кому, когда вернемся в Женеву.

— Я не передумаю. Уж после всего, что со мной было...

Он внимательно посмотрел ей в лицо. Для нее это было слишком дух захватывающим, слишком реальным, слишком мечтой, ставшей явью. Она не могла ему до конца поверить. Он видел на ее лице мысль, что он ее использует и бросит.

Соблазн использовать был. Она была свежа и красива.

— Я говорю то, что говорю, Грета. И не бойтесь. Вы достаточно молоды, чтобы быть моей дочерью.

— Я не ребенок! Я достаточно взрослая, чтобы...

— Я это понимаю. Это я недостаточно молод. И ешьте вашу сардельку. Мясо привезли аж с самого Палисара.

— В самом деле? Быть не может! Я даже не знала, что заказываю. Просто выбрала то, чего не знаю. Чтобы было новое. Они же цены не ставят,

а это же должно быть ужасно дорого! — Она оглянулась с виноватым видом.

— Так не дайте пропасть продукту. — И он добавил: — Для людей, которые здесь едят, цены не имеют значения. Те, кому не по карману, сюда не ездят. Давайте, радуйтесь жизни.

Ее расходы на экскурсию будут оплачены — издержки возьмет на себя Луна-Командная. Службы спонсировали конкурсы, где призом были каникулы в Зоне. Какие-то вдохновенные теоретики-социологи решили вылавливать таких Грет Старой Земли, детей с авантюризмом в крови и мечтой в сердце, которых мог быть один на миллион.

Программа была успешной не менее, чем любая другая схема вербовки. Она давала заинтересованным юношам и девушкам возможность вырваться из-под давления среды. Компьютеры следили и проверяли участников конкурсов. Несомненно, кто-нибудь связался бы с Гретой, не подойди она к нему.

Он глядел на нее и благодарил небо, что хоть кому-то на Старой Земле еще не на все наплевать. И было ему хорошо.

Грета прилипла к нему на весь остаток экскурсии, вытягивая из него все подробности о внешнем мире. Ее прежним спутникам это удовольствия не доставляло, но носитель огня всегда был слишком близко, чтобы они набрались наглости.

Терроризм и запугивание были на земле популярными видами спорта. Но токе терроризировать не удавалось. Они не пугались, а проламывали головы. Их репутация не обеспечивала неприкосновенности, но заставляла местных относиться к ним с уважением.

В тот же вечер Перчевский отвел девушку в представительство Бюро.

— Потенциальный рекрут, — заявил он ночному дежурному, который узнал его по голопортрету, определившему его на пути к Земле. — Грета Хелсунг из Гамбурга. Обращайтесь с ней как следует.

— Разумеется, капитан. Не присядете ли, мисс? Мы можем начать сразу заполнять документы.

— Вот так просто? — спросил Перчевский.

— Завтра будете ночевать на Луне, мисс, — ответил дежурный. — О, капитан, вы уходите?

— У меня рейс на Монреаль в одиннадцать тридцать.

Грета смотрела на него с молчаливым призывом.

— Вы будете спонсором, капитан?

Он знал, что этого делать не надо. Это означало принять на себя юридическую и почти родительскую ответственность. Адмирал будет яриться...

— Разумеется. Где мне шлепнуть палец?

Он протянул руку с выставленным большим пальцем.

— Вот здесь. Спасибо. — Что-то зажуужало. Дежурный глянул в сторону, прочел что-то с экрана, который Перчевскому не был виден. — Ну-ну, — сказал дежурный и нажал на кнопку. Выдвинулся ящикек, и дежурный подал Перчевскому кольцо.

— Зачем?

Это было кольцо вызова. Оно должно было ему сообщить, если он срочно потребуется Бюро. И еще оно давало им возможность следить за его передвижением.

— Приказ сверху, сэр. Вы готовы, мисс Хелсунг?

— Грета, увидимся в Академии. — Он нацарапал номер на клочке бумаги. — Возьми вот это. Позвони, когда тебя устроят в казармах.

И он снова повернулся к выходу.

— Капитан! — Он обернулся. Мягкие юные руки обвили его шею, и слезы промочили мундир. — Спасибо!

— Грета, — шепнул он, — не бойся. С тобой будут обращаться хорошо.

Так и будет. С ней будут обращаться как с принцессой, пока не начнутся занятия.

— Пока. Веди себя хорошо.

За порогом его поймали четверо юнцов с экскурсии. Пришлось сломать одному руку, чтобы до них дошло, и чуть не опоздать на рейс. Переодеться в штатское он смог уже только на борту аэробуса.

Центральный директорат Северной Америки сообщил, что его мать живет все в той же зоне Сент-Луиса. Он отправился без звонка, опасаясь, что она может под каким-нибудь предлогом отказать его видеть. Хотя намерения у них обоих были самые дружественные, предыдущие его посещения заканчивались ураганом. Она никогда ему не простила, что он «пошел против своих».

Этот было путешествие домой по старому пути безнадежности.

Площадки игр его детства не изменились. Все так же громоздился мусор. Все так же кучковались банды подростков. Корявые и часто с ошибками похабные надписи покрывали все те же пластиковые стены. Когда-нибудь будущие археологи пройдут слой за слоем напыленной краски, восстанавливая аберрации необразованных умов из поколения в поколение.

Он очень старался убедить себя, что это еще не вся Старая Земля.

— Кое-где она еще хуже, — буркнул он. И тут же осудил себя за предвзятое мнение.

Конечно, большая часть терранского человечества жила по-скотски. Но не все: Были анклав-ы, где сохранилась какая-то гордость, какие-то

стремления, какое-то достоинство. Была и местная промышленность. Земля производила большую часть своих продуктов питания и товаров первой необходимости. Были художники, писатели, провидцы... Они просто терялись в гуще варварских орд. И составляли неестественно малый процент населения.

Из генетического фонда была изъята не только склонность к риску; вместе с ней исчезли таланты и интеллект.

Средний коэффициент интеллекта на Старой Земле был на двадцать пунктов ниже среднего по Конфедерации.

Своему таксисту Перчевский отвалил непомерные чаевые, и этого было достаточно, чтобы таксист принял его за босса преступного мира. Преступление было единственной профессией, которая позволяла человеку рассчитывать на какое-то уважение.

Его шифр все еще открывал двери дома. После всех этих лет. Забавно.

Еще один признак того, что случилось с родным миром. Террор был столь вездесущ, что уже никто даже и сопротивляться не пытался.

Мать была пьяна. И сразу на него напустилась:

— Ты не Гарольд. Ты кто такой? И где Гарольд? Сюда только Гарольду можно!

Он посмотрел мимо нее туда, где провел почти все свое детство. Площадь три метра на четыре, разгороженная на три комнатухи. Тогда здесь казалось просторнее, хотя дома жил еще и отец.

Он не ответил.

— Слушай, братишка... О Господи! Это ты. Какого черта ты тут делаешь? — В голосе звучала злость. — Да не стой ты столбом, чего уставился? Заходи, пока нас не сожгли!

Он протиснулся мимо нее и плюхнулся на кушетку, которая в детстве служила ему постелью.

Квартира не изменилась, а вот мать — да. К худшему.

Дело было не только в возрасте и неизбывной бедности. Она опускалась внутренне.

Начала жиреть. Стала неряшливой. Волосы не расчесывала по целым дням...

— Дай я хоть приберусь. Я только что встала.

Она исчезла за раздвижной ширмой, игравшей роль двери в спальню.

— Что ты делал все это время?

— Это мне бы тебя надо спросить. Я посылал письма.

И твердую инопланетную валюту. Ни на то, ни на другое ответов не было.

— Я как-то ни разу не собралась ответить.

Хотя бы обошлось без противных оправданий, что не было денег на писца. Он знал, что она относилась его письма читчику, на это ее хватало. Но на ответ — уже нет.

— А вообще я писала тебе два раза. Один раз после того, как ты тут был последний раз, и еще два или три года назад, когда твоего отца убили в мятеже Таннера. Мне было все равно, но я думала, что тебе надо бы знать.

— Он погиб?

— Как последний дурак. Его повесили в Крестовом Походе Реваншистов. Они устроили большую заваруху, а потом все погибли в нападении на Крепость сил безопасности.

— Я этого письма не получил. И не знал.

О мятеже Таннера и Крестовом Походе Реваншистов он даже и не слышал, поэтому спросил о них.

— Хотели все повернуть назад. Вернуть золотой век или что-то в этом роде. Объединить Землю и сделать ее центром Галактики. Многие думали, что за этим стоите вы, лунатики. Говорят, что все движение архаистов тоже вы устроили.

Детство архаизма на Старой Земле совпало по времени с его собственным. Если это делалось по плану, то план обернулся против своих создателей. Былая слава не всколыхнула к жизни родной

мир. Люди просто нашли себе еще один способ бегства от реалий настоящего.

Романтические периоды прошлого входили в моду. Мужчины любили играть в империи. Женщинам нравилась роскошь.

Мужчины погибали в группах типа «Стальной Шлем», «СС Мертвая Голова» или «Черный Сентябрь» при стычках с разными «Иргун» или «Штерн»... Самые малые и менес всего упоминаемые группы были самыми опасными.

Дамы предпочитали балы эпохи регентства, французский двор, средневековый сераль.

Поиск оригинальности в сочетании с желанием найти свое место заставляли людей обшаривать самые дальние уголки истории Земли.

Во время рейса он видел в передаче новостей в живом эфире атаку на храм культа Ацтекских Ревивалистов в Мехико. Полиция пробилась в храм, но жертв спасти не успела.

Вернулась мать. Ее наряд был смешон на женщине ее возраста. Блузка прозрачная, юбка еле доходит до середины бедер. Он сдержался и не проявил своих чувств. Несомненно, это был ее лучший костюм.

— Я таких вещей не знаю. Не моя область. Есть там несколько ребят, которые в качестве хобби пытаются спасти эту помойку от самой себя.

Ей его отношение не понравилось.

— Как тебя зовут на этот раз?

— Перчевский. Корнелий Перчевский.

Он смотрел на нее и видел перед собой Грету сорок лет спустя. Если только... если девочку примут; тогда он будет считать, что его выбор жизненного пути оправдался. Тогда он спасет кого-то от превращения в такое...

— А в чем это ты? — спросил он наконец. — Я не узнаю периода.

— Битлз и Твигги.

— А?

— Двадцатый век, семидесятые. Англо-американское движение, зародилось в Англии. Один из светлых периодов.

— Молодость и никакой философии? Что-то я слышал, хотя детально не знаком.

— Это сейчас куда как в моде. Доведено до абсурда. Полная шизофрения. Ты по-английски знаешь, нет?

— Приходится знать. Почти во всех мирах Первой Экспансии есть от него следы.

— Отчего тебе не бросить все эти глупости? Эти мерзкие инопланетники... Отлично мог бы здесь преподавать английский и жить припеваючи. Тут *каждый* хочет его выучить.

«Началось, — подумал он. — Она принялась с того места, где бросила восемь лет назад. Только хуже стало.

Зачем я вообще сюда приехал? Сам себя наказывать за то, что вырвался из этой адовой дыры?»

Потом он увидел знакомое выражение ее лица.

— Сейчас будут новости. Давай посмотрим, что где творится. — Она насвистела несколько тактов мелодии, которую он не узнал.

Выпуск был совершенно невероятным. Группа архаистов сотворила то-то. Такой-то сказал то-то. «Бомбардировщики» обыграли «Крыс» со счетом 21:19. И ни слова о фон Драхове и вообще ни о чем вне планеты, только упоминание, что баскетбольная команда России отодрала гастролирующую команду Новгорода.

— Подумаешь! — буркнул он. — На Новгороде тяжесть семьдесят три процента от земной. Для честной игры им надо было бы выставить недомерков.

Мать вспыхнула. Она ненавидела иностранцев почти так же, как инопланетников, но русские были хотя бы добрыми землянами, у которых хватило ума оставаться на родине...

Он успокоил ее, снова подумав, нет ли у него мазохистской жилки.

Попытается ли она понять, если он начнет объяснять, как сильно он застрял в середине? Что инопланетники не любят землян с той же силой, с которой те их не выносят? Что ему приходится каждый раз примирять обе эти позиции в себе и в каждом своем знакомом?

Но он знал, что она ему не поможет. И рецепт ее он знал. Брось все это, вернись домой. В запущенность и безнадежность...

— Мать, я тот, кто я есть. И я не изменюсь, ты зря время тратишь на уговоры. Почему бы нам куда-нибудь не выбраться? Эта квартира на меня давит.

— Чем это таким? Ладно. Хорошо. Она несколько старовата. И у меня есть пара кредитов сверх социальной страховки на переезд. Но она такая *большая*... Мне нравится, когда вокруг меня столько места. На новом месте так уже не будет.

Перчевский мысленно застонал. Начинался сеанс самокритики мамыши Маркс, когда она осознается во всех своих грехах как объекта социального страхования. Потом перейдет к тому, какая она плохая мать, и примет на себя всю ответственность за то, что он сбился с пути.

Он грустно покачал головой. Могла бы за восемь лет подобрать новую песню.

— Брось, мать. В прошлый раз мы все это уже проходили. Давай куда-нибудь пойдём. Что-нибудь посмотрим. Что-нибудь сделаем.

Она пришла в смятение. Она возмутилась. На улице темнеет. Только богатые земляне, которым по карману броня, выходят после заката.

— Вот, — сказал он, — открывая сумку. — У меня теперь свой дом. Привез тебе показать пару голограмм.

Изображения дома до нее дошли.

— Томми! Как красиво! Великолепно! Так ты и в самом деле хорошо устроен, да?

— Вполне прилично.

— Но ты несчастлив. Мать не обманешь, нет!

«А, черт, — подумал он. — Я уже вырос вдвое старше, и не надо мне этого».

— Ты бы могла в нем жить, если бы захотела.

Она сразу стала подозрительной.

— А это не где-то в чужом месте, нет? Горы эти не похожи на Скалистые горы или Сьерру.

— Это на планете под названием Приют.

— О Боже мой! Не говори так! Ох! Сердце... я тебе говорила, мне врачи сказали, что сердце у меня слабое?

— Каждый раз, когда тебе нужен был повод...

Он пресекся. Не будет он начинать перепалку.

— Не будем ссориться, Томми. Мы должны быть друзьями. Ох! Кстати, о друзьях. Патрика на прошлой неделе убили. Вышел после темноты. Очень печально. Никто даже и представить себе не может, что его заставило.

— Патрика?

— Рыжий парень, с которым вы дружили до того, как ты... как ты поступил в Академию. Кажется, Медих была его фамилия. Он жил с матерью.

Не помнил он Патрика. Рыжего, Медиха или как-нибудь по-другому.

Он был чужой здесь. Даже воспоминания пропали. Он изменился. Мальчишка, который жил здесь с этой женщиной, умер. А он — самозванец, притворяющийся ее сыном.

И она браво играла в эту игру, притворяясь его матерью. Он точно знал, что она предпочла бы заняться сейчас чем-нибудь другим. Она ведь ждала какого-то Гарольда?

Может быть, поэтому они старались удержать людей от отъезда. Уехавшие становились другими.

— Мама... — Его горло сжалось при этом слове.

— Что?

— Я... я думаю, мне лучше уйти. Не знаю, чего я здесь искал. Но это не здесь. Это не ты. Может быть, этого вообще нет на свете. — Слова выходили из него, спотыкаясь и наступая друг другу на

пятки. — От моего присутствия ты не слишком счастлива. Так что я лучше пойду.

Он попытался прочесть выражение ее лица. На нем разочарование боролось с облегчением — так ему показалось.

— Когда я там, я землянин, мать. Но уже не землянин, когда возвращаюсь. Я чувствую это, когда я здесь. Наверное, мне стоит перестать помнить это место как свой дом.

— Здесь и есть твой дом.

— Нет. Больше нет. Это просто мир, где я родился. А это — место, где я жил.

— А я — просто кто-то, кого ты знал в те времена?

— Нет. Ты — мать. И всегда ею будешь.

Молчание длилось больше минуты.

Наконец Перчевский сказал:

— А ты даже подумать не хочешь переехать ко мне?

— Я бы не могла. Просто не могла бы. Я могу жить, лишь где живу, и быть лишь тем, что я есть. Как бы это ни было бесполезно.

— Мама... ты не обязана здесь стареть. У нас есть процессы омоложения...

И в ее вопросе наконец проявился подлинный интерес:

— Вы восстановили тайну лабораторий бессмертия?

— Нет. Они исчезли навеки. Все эти процессы только обновляют тело, дегенерации нервов они остановить не могут. Известны они уже столетие.

— А как вышло, что о них никто не знает?

— Здесь? На этой перенаселенной Земле, где каждый только и думает, как настрогать побольше детей? Хотя кое-кто, наверное, знает. Может быть, кто-то и пользуется. Это не очень большой секрет. Но ведь здесь никто даже и слушать не хочет о том, что делается вне планеты. Каждый — участник огромного заговора слепоты.

— Это нечестно...

— Это мой мир. По праву рождения я могу, если захочу, показать пальцем и назвать имена. Так ты поедешь со мной?

Он подумал о Грете. И эта мысль его взбесила.

— Нет.

— Значит, я улетаю утром. И нет смысла нам резать друг друга ножами любви.

— Как поэтично! — Она вздохнула. — Милый мой Томми! Пиши мне. Я знаю, что почти никогда не отвечаю, но эти письма... от них легче. Я люблю слушать обо всех этих местах.

Перчевский улыбнулся:

— Это в генах. Спасибо. Конечно, буду писать. Ты же для меня женщина номер один во всей вселенной.

**ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН»,
БОРТ «ДАНИОНА»**

-Алджо! Алджо! Хене ильяс! — бормотал про себя бен-Раби над узлом с отсоединенными трубопроводами. — Ильяс им гиало бар!

— Что за ерунда? — удивился Маус.

— Стих-бессмыслица. Потти Уэлкин. Из «Тёни голубого доминиона». Там дальше: «Нуне! Нуне! Скаттарак...»

— Никогда о ней не слышал. Как ты думаешь, нам резать эту трубу?

— Лучше поставим новый штуцер. Это стих политического протеста. Не из лучших стихов автора. Сатира на Конфедерацию. Так, по его мнению, звучит политическая речь.

— А чего ты это вспомнил?

— Так, захотелось. Так я сам себя сегодня утром ощущаю. Как стих без смысла и рифмы, в котором каждый пытается угадать смысл. И я в том числе. Вот, сделал. Что у нас дальше?

Рядом с Маусом Эми копалась у себя в планшете. И подняла на Мойше вопросительный взгляд.

— Трещина в штуцере линии подачи топлива за километр отсюда.

— Уф!

Бен-Раби бросил свою сумку с инструментами в электрокар и сел туда же, свесив ноги. Маус устроился рядом, и Эми взяла с места рывком, от которого по всему электрокару звякнули запчасти. Она всю неделю была зла и необщительна.

Мойше был точно так же насторожен и растерян. Он считал причиной ее расстройства, что он не попытался ее соблазнить.

Маус три дня молчал. Сейчас он прошептал:

— Что между вами произошло?

— Ничего.

— Брось, Мойше. Я тебя слишком хорошо знаю.

— На самом деле ничего. В этом-то и беда. —

Он пожал плечами и попытался сменить тему: — Никак не могу поверить, что мы на корабле. Такое чувство, что мы вернулись в тоннели Луны-Командной.

— А что ты хотел сказать этим стихом?

— Что сказал. Люди пытаются меня понять. Чтобы использовать.

Корабль и в самом деле был очень похож на Луну-Командную со всеми этими длинными переходами, соединяющими узлы, которые должны были быть огромными, чтобы функционировать.

— Я не понял.

— А кто понимает? Хотя погоди. Вот, например, Череп пытался уговорить меня перейти на их сторону...

— И что? Меня он тоже уговаривал. Он всех уговаривал. Кажется, это часть их плана. Я только ему сказал, что не соответствую его цене. Не знаю ничего, что могло бы быть ему полезным. Так что такого? Это часть спектакля. Мы такое уже проходили не раз.

Бен-Раби подумал, что в этот раз есть различие. Раньше у него никогда не было соблазна.

— А чего она на меня напирает? — Он дернул головой в сторону Эми.

Маус устало рассмеялся и грустно покачал головой:

— Мойше, Мойше, Мойше. По-твоему, это обязательно часть плана? Здорово же припекла тебя сангарийка. Может быть, ты ей просто нравишься. Они не все вампиры.

— Но все они делают больно, — почти про себя пробормотал Мойше.

— Как? А! Слушай, а ты ни разу не подумал, что у нее могут быть точно такие же чувства?

Бен-Раби остановился. Может быть, Маус прав. Он умел разбираться в женщинах, и сейчас его мнение совпало с впечатлением самого бен-Раби.

Хотелось бы ему приобрести этот легкий, менее обязывающий стиль отношений. Маус это умел и расставался с девушками, не обижая их.

— Кстати, о женщинах. И о ней. — Сангарийка улыбнулась своей железной улыбкой, пройдя мимо них со своей рабочей командой. — Что с ней делать?

После демонстрации Мауса в выходной день она уже на рожон не лезла, но своего замысла не оставила.

— Просто ждать. Мы заставляем ее нервничать. Ты думаешь, старый Череп про нее знает? Мы можем заработать несколько очков, тормознув ее, когда она начнет действовать.

— Это мысль, — сказал Маус и задумался. Когда электрокар остановился, он предложил: — А чего бы тебе сегодня вечером не прийти поиграть?

Мойше понял, что его партнер все еще очень занят попытками выполнить задание.

Эми воткнула вилку электрокара в зарядную сеть.

— Эта женщина — кто она?

— Какая женщина? — спросил Маус искренним тоном.

Бен-Раби осмотрел местность. Вид был такой, будто здесь недавно бесилось стадо слонов. Коридор подвергся действию вакуума, и замерзшие жидкости разорвали трубы.

— Мы здесь неделю провозимся, Эми. Почему мы не привезли ни одной трубы на замену?

— Контроль повреждений после ленча вышлет группу, и они привезут все, что нам нужно. Сейчас нас интересует только вот этот трубопровод к реактивному двигателю. Его нужно открыть до обеда. Ты не ответил на мой вопрос, Мойше.

— На какой?

— Кто эта женщина?

Бен-Раби пожал плечами:

— Кажется, Мария Гонзалес.

— Я знаю, как ее зовут. Я хочу знать, что происходит между вами тремя.

Бен-Раби повторил свой жест.

— Наверное, она терпеть не может шпионов. Нас многие вычеркнули из списка на новогодние поздравления.

Избегая ее взгляда, он подал Маусу ключ.

— На кого она работает?

Вопрос застал Мойше врасплох, но он был в хорошей форме.

— На Пауля Крауса из атмосферных систем. Он тебе может рассказать все, что ты хочешь знать.

Маус хихикнул.

У Эми задергался мускул на щеке.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Отвечай мне.

— Спокойнее, Эми, — сказал Маус. — Слешком светишься.

— Что?

— Небольшой профессиональный совет, не более того. Не дави. Это на людей плохо действует. Они зажимаются или начинают играть с тобой в игры, уводя за своей ложью. Хороший агент никогда не давит, кроме случаев крайней необходимости. У тебя ее нет. Никто никуда целый год отсюда не денется. Так что проще всего дать кусочкам падать, как они хотят, и потом сложить их вместе. — Он выбрал тон старого зубра, дающего совет новичку. — Вот возьмем нашу ситуацию. Дай мне двадцатисантиметровый латунный штуцер, Мойше. Ты знаешь, что мы — люди Флота. Мы знаем, что ты работаешь на Киндерворта. Ладно...

— Я — что?

— Не скромничай. Паяльную лампу, Мойше. И найди припой. Ты выдаешь себя десять раз на дню, Эми. На эту удочку с гаечным ключом для левой руки не попался бы самый зеленый ученик.

Бен-Раби не смог сдержать смешка. Эми перевернула все сумки с инструментами в поисках этого мифического ключа. Потом пошла в контроль повреждений и написала там требование. Там тоже подхватили шутку и направили ее в инструментальную.

Естественно, она прошла краткий курс слесарного дела, но посвященных ей было не обмануть.

Она покраснела от ярости; потом на ее лице появилась слабая улыбка.

— Я же говорила ему, что не справлюсь.

— Он вряд ли этого от тебя и ожидал. Он знает, что мы лучше. Но все это не важно. Мы сейчас от этого далеки. Два лба на ремонте труб. Ну, зато теперь мы знаем, кто что. Мойше, где флюс? Так почему бы тебе не поступать, как мы? Не нажимай. Смотри внимательно. Выждидай. Все потихоньку сложится само из крупниц и кусочков. В этом нет ничего неприятного. Так, на этом уроки в шпионской школе старого дока Игараши и заседание клуба одиноких сердец на сегодня заканчиваются. Готовьтесь, завтра может неожиданно быть контрольная. Ой! Черт, горячо.

— Поосторожнее с паяльной лампой, безрукий! — сказал Мойше. — Этот тройник не того размера. Придется его как-то сужать на пару сантиметров.

— А вот, — сказала Эми. Отметив что-то птичкой в одном из листов у себя в планшете, она подала Мойше тройник редуктора с прицепленным к нему номером. — По специальному изготовлению. Видишь, я учусь. — Она рассмеялась. — Все, больше вопросов нет. Маус, Мойше, так гораздо легче. Я не чувствую себя соглядатаем.

— И отлично, — сказал Маус.

Вдруг «Данион» затрясся и застонал. Бен-Раби резко оглянулся в поисках шкафчика со скафандром. Маус инстинктивно принял защитную стойку и издал звук, подозрительно похожий на хныканье.

— Что за чертовщина? — спросил он. — Мы разваливаемся?

Эми снова засмеялась:

— Это пустяки. Сдвигают ментопаруса и ловчие сети.

— Ментопаруса? — спросил бен-Раби. — Что это такое?

Ее улыбка погасла. Она явно проговорилась.

— Не могу объяснить. Спроси кого-нибудь из операционного сектора.

— А он вне пределов разрешенной для нас зоны?

— Да.

— Тогда понял.

Встряска продолжалась еще полчаса. Они сделали перерыв на ленч, ожидая людей из контроля повреждений. Отчужденность Эми по отношению к бен-Раби начала таять. Скоро они уже болтали, как подростки, которые только что помирились.

Маус со стороны легкими намеками, не хуже, чем профессиональный психолог, уговорил Эми пригласить Мойше на следующий выходной день.

После ужина бен-Раби отправился в каюту Мауса. Они играли в шахматы и обсуждали, читая по губам, предложения, которые Мойше с помощью старых добрых симпатических чернил написал между строк черновика своего «Иерусалима». Они также штурмовали вопрос о сангарийке, который оказался так же упрям, как всегда.

Наступил выходной день с его сумасшедшими шахматными турнирами с утра, спортивным ажиотажем полудня, архаистским парадом и тусовкой коллекционеров. Бен-Раби кое-что обменял у Сварливого Джорджа, застрял над какими-то марками и получил приличную сумму наличных за бабочек-мутантов со Старой Земли, которых прихватил с собой для обмена.

Вечером они с Эми были на другом балу, на этот раз в стиле Людовика XIV. Он пришел в обычной одежде, а вот Эми сочинила себе костюм и была потрясающей. С бала они отправились в ее каюту, чтобы она переделалась. Их пригласила на вечеринку та же самая кузина.

— Как ваш народ запал на этот архаизм? — спросил Мойше, пока она переодевалась.

— Мы его породили, — ответила она из ванной счастливым голосом с оттенком смеха. Она искренне веселилась весь этот день. И Мойше тоже ошущал себя необычайно живым и бодрым. — Он

начинается в яслях. В школе. Когда мы разыгрываем историю. Мы не так давно существуем, чтобы иметь собственное прошлое, и потому одолжили ваше.

— Это не так. У нас одна и та же история.

— Наверное, ты прав. Старая Земля — это история каждого, если проследить до корней. В общем, это школьная игра. Метод обучения. И многим он нравится. Одеться и играть роль — это развлекает. Но мы этим не живем. Не так, как это бывает у некоторых, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— А ты помнишь Шуто? Командира того корабля, который нас привез. Самый тяжелый случай, который я только видел.

— Исключение. Вот посмотри: многие ли так в это уходят? Очень мало. А здесь на борту почти все — архаисты. Понимаешь? Это игра. Но ваш народ играет в нее слишком серьезно. Даже страшно.

— Что ж, согласен.

«Интересно, — подумал он. — За эти две недели ничего не удалось увидеть в культуре сейнеров, чего не было бы у других. Они живут заемными жизнями так, что это не дает вклада в целое. Его ожидания, основанные на легендах наземников, слухах и на том, что он изучал на Луне-Командной, были сурово обмануты».

Но в словах Эми был смысл. Он узнал пока лишь очень немногих. Необычное меньшинство.

А необщительное большинство могло представлять собой что-нибудь совсем другое.

Она вышла из ванной.

— Застегни мне молнию, пожалуйста. — И, отвечая на вопрос, добавила: — Мы живем не только заемной жизнью. Просто, во-первых, ты видел пока лишь немногих людей, как ты сам сказал. А во-вторых, это Флот. Ты же не станешь выносить суждение о всей Конфедерации по одному из кораблей Флота? Верфи и ясли — там все по-другому. За исключением того, что, когда мы работаем, мы стараемся превратить жизнь в игру, чтобы оттолкнуть скуку и страх. Вряд ли мы сильно отличаемся от космонавтов Флота. Как бы там ни было, а ты еще нас настоящих не видел. Ты только видишь нашу реакцию на вас.

Что это за верфи такие? Все время в разговорах сейнеров они проскакивали. У звездных рыбаков есть планета, спрятанная где-то в стороне от больших дорог? Это не так уж невозможно. В архивах сохранились сведения о местонахождении десятков ранних поселений, разрушенных в Лунных войнах... Он уже собрался было спросить, как вспомнил совет Мауса насчет не напирать.

В цивилизации сейнеров было много, много больше, чем мог даже подозревать любой житель Конфедерации. За те крохи информации, которые

они с Маусом уже собрали, заинтересованные люди заплатят целое состояние. Если он будет расширять свои познания с такой скоростью...

То ему дадут по возвращении еще одну медаль. Это он мог сказать наверняка. А он предпочел бы этот проклятый год отпуска, наконец.

Вечеринка была точной копией предыдущей. Те же люди, та же музыка. Те же разговоры и споры. Только они с Эми были на этот раз другими. Они пили осмотнительно и пытались понять, что с ними происходит.

Участники вечеринки были моложе, и они с Эми несколько тяготились этим разрывом, хотя хозяйка и старалась, как могла, включить их в общий ход веселья. Мойше не ощущал себя незванным — всего лишь был не в своей тарелке. Он подумал, что и раньше был здесь некоторой аномалией, но не заметил этого, занятый своим.

Это Эми организовала приглашение? Если да, то зачем? Очередная интрига Киндервоорта? И Ярл, и Маус, кажется, охотно их сводили.

Почему он все время задает себе вопросы? И сомневается во всем? Почему у него такое чувство, что он теряет свое место в мире?

Они обнимались. Пили. Тени сгущались. Они узнавали прошлое друг друга. Он узнал, что она когда-то делала аборт от человека, который хотел

на ней жениться, но был ей неприятен. Он подавил искушение спросить, зачем тогда она вообще легла с ним в постель.

Еще он узнал, что она боится половых сношений из-за какого-то своего недостатка. Какого? Она уклонилась от объяснения. Он не настаивал.

Время летело. Вечеринка дошла до зенита и катилась дальше. Они с Эми оставались до тех пор, пока не разошлись все остальные.

Уйти они боялись больше, чем злоупотребить гостеприимством. Каюта окружала их стенами знакомой клетки. Взаимодействие шло по правилам вежливости по отношению к хозяйке. Расширение этих пределов выводило за границу безопасного.

Но та же вежливость требовала уйти раньше, чем они слишком надоедят кухне Эми.

Неошутимая разница между прошлой и этой неделей всплыла в голове у каждого, когда они вернулись к каюте бен-Раби. Эми была напугана и не знала, чего хочет. Он тоже. На этот раз — они оба знали — что-то случится. То Самое, как называли это дети в те годы, когда в нем проснулось ощущение пола.

Как дети, они хотели и боялись. Приятное единение, к которому они стремились, таило риск мучительной боли.

Так сказывались шрамы от грехов прошлого. Оба так боялись повторения старых ошибок, что почти бросили попытки строить жизнь снова.

Мойше с легким удивлением наблюдал за процессами в собственном мозгу. Отстраненная часть его сознания не могла понять, что происходит. Он вполне благополучно пережил не одну любовную историю. Даже с сангарийкой. Откуда же такая регрессия в подростковый возраст и смущение, как во времена Элис?

Наступило долгое, напряженное, целовкое мгновение, когда судьба ночи застыла в шатком равновесии на лезвии обоюдоострого меча. Эми смотрела, как он медленно слезает со скутера. Потом она с решительной гримасой ткнула вилку скутера в зарядную сеть.

Мойше ощутил наплыв облегчения. Она избавила его от необходимости решать. Если что будет не так, ответственность на ней.

Но они нервничали и боялись. Напряжение проявилось в виде временной импотенции и трудного введения. Они все время шептались, уговаривая друг друга, что все хорошо. Бен-Раби не мог не вспомнить своего первого раза, с Элис. Они тогда оба были девственны.

Тогда, как и теперь, они смогли достигнуть главного лишь после долгих трудов. Хотя теперь задачу облегчал опыт.

В пиковый момент Мойше ощутил у себя в паху поток теплой влаги — нечто, что он раньше относил исключительно к области порнографии.

Эми вскрикнула. Она потеряла контроль над мочевым пузырем.

Бен-Раби, окрыленный таким оглушительным доказательством своих мужских достоинств, рассмеялся и рухнул на нее, крепко обнимая.

Она подумала, что он смеется над ней.

Ногти Эми вспороли его кожу, посыпались гневные слова. Она попыталась ударить его коленом. Он откатился в сторону, ошеломленно пытаясь что-то сказать.

С распущенными волосами, мокрая от пота, волоча за собой мятую мокрую простыню, Эми вылетела в коридор. Когда бен-Раби успел влезть в штаны, она уже убежала на сотню метров, забыв скутер, пытаясь на ходу завернуться в простыню.

— Эми, вернись! Эми! Прости меня!

Поздно. Она не слушала. Он побежал было за ней, но остановился, когда из кают стали выглядывать заинтересованные лица.

Он вернулся назад и стал думать, что же он натворил.

Он задел ее больное место. Должно быть, такое случилось с ней раньше и причиняло ей много

горя. Вот почему она так боялась: Но все же она пришла к нему, надеясь на понимание.

А он заржал.

— Идиот! — Он швырнул подушку в стену. Потом: — Она должна была меня предупредить...

Тут он понял, что именно это она и сделала — намеком.

Надо было что-то сделать, пока ее гнев не окаменел ненавистью.

И он пытался. Очень усердно пытался. Он вернул ее одежду с длинным извиняющимся письмом. Он звонил, но она не отвечала. Он зашел к Киндервоорту и просил его помочь, но это тоже оказалось без толку.

Их пути больше не пересекались. На работу она не вернулась. Загнать ее в угол и заставить слушать возможности не было.

Меч упал.

Новым его начальником, тоже из людей Киндервоорта, был маленький и противный тип по имени Лайл Брюс. Этот человек был предубежден и необщителен. Еще он был нетерпим и грубо несправедлив. Ремонт надо было делать только так, как он говорил, хотя понимал он в этом еще меньше Эми.

Маус и Мойше в ответ только мило улыбались. И Брюс просто выходил из себя.

— Скоро его уберут, — пообещал Маус. — Это очередной тест, который Киндервоорт с нами проводит.

— Долго он не протянет, — подтвердил бен-Раби. — Мы его кротостью доведем до инфаркта.

И бен-Раби оказался прав. На следующую неделю Брюса заменил человек из контроля поврежденных. Мартин Кинг не был особенно дружелюбен, но и враждебности не проявлял. Он был человек предубежденный, но умел подавлять свои предубеждения во имя «Даниона». Ничего, что мешало бы их работе, он не делал.

Однажды после конца смены он обратился к бен-Раби:

— Я должен вас отвести к Киндервоорту.

— Да? Зачем?

— Он не сказал.

— А как же ужин?

— Что-нибудь придумаем.

— Что ж, пойдем.

Кабинет Киндервоорта был обставлен в уютном английском стиле середины девятнадцатого века. Много черного дерева, ряды книг. Настоящий камин.

— Садись, Мойше, — предложил Киндервоорт. — Как она, жизнь?

Бен-Раби пожал плечами.

— Дурацкий вопрос, да? — Киндервоорт встал, обошел стол и сел на его угол. — Это разговор не деловой, так что расслабься. — Он помолчал. — Нет, это не совсем правда. Все рано или поздно оказывается имеющим отношение к делу. Я хочу поговорить с тобой об Эми. Не возражаешь?

— Почему бы и нет?

В конце концов, именно к этому человеку он прибежал, когда все рушилось.

— Дело-то личное. Я боялся, что тебе это может быть неприятно.

— Так и есть.

— Что ж, это честно. Я тоже буду честен. Я хочу помочь, поскольку вы — мои друзья. Не слишком близкие, но друзья. Разумеется, у меня тут есть и профессиональный интерес. Неприятностей такого рода впереди ожидается немало, а для «Даниона» это плохо. Я хочу найти способ сгладить такие противоречия.

«Хорошо отрепетированная речь», — подумал Мойше.

— Ты хочешь использовать нас с Эми как морских свинок?

— В определенном смысле. Но это не просто эксперимент. Главное здесь все-таки вы.

Мойше старался подавить свою реакцию на выступление Киндервоорта, отодвинуть злость и негодование на такое вмешательство...

Вертящееся видение звезд и тьмы. Образ пылающего пистолета на бархатном фоне. Никогда это видение не было таким сильным, таким детальным. Гнев сменился страхом. Что происходит? Что значит это смертное видение для его подсознания?

— Мойше! Что с тобой?

Киндервоорт склонился над ним, глядя ему в глаза. Голос его звучал откуда-то издалека.

Бен-Раби пытался найти ответ, но язык не слушался. В голове заплясали призраки. Невозможно было сосредоточить внимание.

В правую глазницу вдвинули пылающий лом.

— Мигрень! — выдохнул он.

На этот раз она обрушилась внезапно. Без обычного мелькания пятнышек или геометрических фигур перед приступом. Только призраки, пистолет и странно-знакомое звездное небо.

Бен-Раби застонал. Сам дьявол топтал сейчас его череп, стараясь сплюснуть до размеров горошины.

Киндервоорт бросился обратно за стол, вытащил что-то из ящика, метнулся в ванную и вернулся с таблетками и водой. Бен-Раби смотрел на это почти без интереса. В его вселенной доминирующей силой была боль. Была только она и он... А теперь еще и голоса.

Он их слышал откуда-то издали, как обрывки разговора в конце коридора из дальней комнаты. Он попытался прислушаться, но пылающая боль не давала сосредоточиться.

— Мойше? Вот таблетки! Мойше? Ты меня слышишь?

Рука схватила бен-Раби за подбородок и потянула. Пальцы заставили его открыть рот. Сухие и горькие таблетки обожгли язык. Плеснула вода. Та же рука закрыла ему рот и нос, пока у него не осталось другого выбора, как проглотить. Рука убралась; он сделал судорожный вдох.

Он не кричал. Пока нет. Потому что не мог. Боль его убивала, и он мог только цепляться за ее стреляющую лучами звезду. А она уходила вниз, во тьму...

Через секунду ему стало легче, и боль исчезла так же быстро, как появилась. С ней ушли голоса и призраки. Но он не сразу понял, где он.

Киндервоорт снова сидел за столом и напряженно говорил в интерком:

— ...точно в тот самый момент, когда вы вышли на ментодвигатель. — Он посмотрел на часы. — Комментарии были открыты? Спасибо.

И отключился. Лицо его было смертельно серьезно.

Мойше захотелось воды. Во рту было сухо, как летом в Блейк-сити. Он попытался встать:

— Воды...

— Сиди! — рявкнул Киндервоорт. — Не шевелись. Сейчас дам.

Он побежал в ванную со стаканом в руке.

Бен-Раби рухнул обратно в кресло, дрожа от потрясения и холода. Из него вышло с потом не менее литра воды. Болеутоляющее, ударившее по нервам быстро, как нервно-паралитический газ, сработало отлично, но нервное истощение облегчить оно не могло. Он еще некоторое время не сможет шевельнуться.

От нескольких стаканов воды и одеяла стало лучше. Когда он снова почувствовал себя человеком настолько, что мог разговаривать, Киндервоорт продолжил как ни в чем не бывало:

— Мойше, я считаю важным, чтобы мы как-то уладили отношения твои с Эми. На личном уровне и на социальном.

— Хм.

— Ты будешь с ней говорить?

— Я уже пытаюсь это сделать полторы недели.

— Ладно, спокойней. Спокойней, — Он ткнул кнопку интеркома. — Билл? Пришли сюда мисс Кольридж.

Эми влетела вихрем:

— Что случилось? Я слыхала...

Тихо, чтобы Мойше не слышал, Киндервоорт объяснил. Забота на лице Эми перемешалась со смятением. Она подошла к бен-Раби:

— Как ты?

— Живой. К несчастью.

— Мойше, Мойше! Что же нам теперь делать?

— Я собираюсь попросить прощения, — тихо сказал он.

На пике эмоций извинения и объяснения полились потоком, хотя Эми и была еще настороженно-ранима. Как подозревал Мойше, ее проблема причинила ей в прошлом много горя.

Киндервоорт благоразумно удалился сразу. Через час они заключили осторожное перемирие.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:

3047 Н.Э.

БЫЛЫЕ ДНИ, АКАДЕМИЯ

Перчевский глядел из окна аэробуса, заложившего вираж на подходе к Женеве. Что происходило там, у озера. На берегу сгрудились красные вспыхивающие огни.

— Леди и джентльмены, говорит ваш пилот. Служба контроля воздушных сообщений просила меня передать вам предупреждение сил безопасности. На ведущей к северу транспортной трубе чрезвычайное происшествие. Станция номер три захвачена террористами. Они могут попытаться отступить по трубе или захватить заложников из числа пассажиров. Труба открыта для движения, но пользоваться ею вы можете только на свой страх и риск.

Перчевский смотрел на вспыхивающие огоньки и перебегающие муравьиные фигурки полиции Зоны, пока самолет не снизился так, что их не стало видно. Позже, направляясь по гудронной дорожке к ждущему аэромобилю, он слышал стрельбу. Редкие взрывы тонули в трескотне стрелкового оружия.

— Вроде бы они принимают бой, — сказал опирающийся на аэромобиль солдат. — Сэр.

— Вроде бы. Чего они хотят?

— Солдат пожал плечами и открыл дверцу пассажирского сиденья.

— Не думаю, что кто-нибудь их спрашивал, сэр. Полиции Зоны на это наплевать. Они их просто перебьют и будут ждать следующих. — Он захлопнул дверцу, обошел машину и сел на пилотское сиденье. — Офис компании, сэр?

— Да. А кто они такие? Как проникли?

— Новая шайка, сэр. Называют себя «Девятое июня». Понятия не имею, что это значит.

— Я тоже.

— Прорвались вчера через контрольный пункт Арсен. Обычное неожиданное нападение. Там же вчера пыталась прорваться другая шайка, и полиция Зоны не успела все восстановить. Эти всегда найдут способ. В прошлом году одна группа прорвалась на воздушном шаре.

Перчевский вышел из машины возле офиса, в котором помог Грете Хелсунг поймать свою радугу. Он отметил, сообщил, что возвращается на Луну-Командную, и посмотрел, что они сделали для девочки. Через час он уже сехал к ракетодрому возле озера, и вез его тот же водитель. На этот раз солдат поделился с ним сагой о том, как завоевал «даму с розовой нашивкой». Она так его любила, что *чуть не* вступила в Службу.

«Люди с розовыми нашивками» — это были земляне, работающие в Зоне, но живущие за ее пределами. Нашивка на форме была пропуском на вход. Она была кодирована Кирлиан-излучением для предотвращения использования ее террористами.

Следующим вечером Перчевский уже был в своей квартире на Луне. Приняв таблетку, он отключился на двенадцать часов. Поездка на Ста-

рую Землю и встреча с матерью были досадной ошибкой.

Он не стал сразу проверять, кто ему звонил. Не хотел рисковать и найти приглашение из Бюро.

Но такового не было. Сообщения были только от Макс и Греты. Макс без него скучала. Грета была одинока, испугана и заинтересована всем вокруг.

Сначала Перчевский ответил на звонок Греты. Он помнил, как ему было одиноко и страшно, когда он только прибыл в Академию. Даже ненавидя свой дом, он страшно по нему тосковал.

Позвонив в информационный отдел Академии, он узнал, что Грета назначена в учебный батальон, но обучение еще не началось. И жесткая дисциплина Академии еще не изолировала ее на недели. Ей можно принимать посетителей. После начала учений будут разрешены лишь еженедельные посещения ее спонсора:

— Порядки в Академии изменились с моих времен, лейтенант, — сказал он женщине, отвечавшей на его вызов.

— С моих тоже, капитан. Режим смягчается.

— Может быть. Мне это кажется шагом в правильном направлении. Я буду сегодня вечером. Очень буду благодарен, если вы позволите мне явиться сюрпризом.

— Как скажете, капитан.

— Спасибо за помощь, лейтенант.

Он снова залег на кровать, глядя в потолок и думая, зачем стал спонсором девушки, которую вообще не знал. Спонсорство — дело серьезное. Его ответственность перед законом Луны была не меньше ответственности родителя.

«Будете спонсором?» — спросил его тот человек, и он согласился, не думая.

И как же теперь ему правильно поступать с Гретой? При его профессии... Может быть, Бэкхарт переведет его куда-нибудь в штаб.

— Да, старик, загнал ты себя в угол. Как тебя угораздило?

Ладно, о чем волноваться? Грету запрут в Академии на четыре года. Ни на что, кроме тренировок и учебы, у нее не будет ни возможностей, ни времени. Его спонсорство будет состоять только в том, чтобы расписываться в ее табеле. Она достигнет совершеннолетия раньше, чем получит диплом.

Может быть, соглашаясь, он это подсознательно понимал.

Он позвонил Макс. Ответа не было.

Натянув мундир капитан-лейтенанта, он по скоростной трубе направился в Академию. Труба проходила через ядро Луны — Академия была на той стороне.

Хотя он до сих пор носил имя Перчевского, мундир ракетчика он снял, когда Верховное Командование объявило о рейде фон Драхова. Уже не было смысла притворяться.

Бюро, очевидно, согласилось. По крайней мере ему никто ничего не сказал.

Транспортные трубы были местом обмена сплетнями на Луне-Командной. Незнакомые друг с другом люди коротали долгие поездки, разбирая по косточкам все скандалы и слухи. Здесь Перчевский впервые услышал, что Улантский Марш обсуждается всерьез.

Конечно, об этом говорила Макс. Но она была штатской. Она передавала сведения из третьих-четвертых рук. Те, кого он слышал сейчас, были люди из корпуса Планетарной Обороны, штабные работники из миров, куда более близких к центру, чем Солнечная система. Они прибыли на Луну-Командную на семинар по высокомогной планетной обороне.

По шее Перчевского побежали мурашки холодного страха. Что именно — можно было еще спорить, но что-то пугающее явно было на подходе.

Цветные и иногда странные мундиры местных сил он уже видал повсюду, где бывал. Здесь были офицеры даже с тех миров, которые не входили в Конфедерацию.

Неудивительно, что ходят слухи о войне.

Он отметил свое прибытие в местном офисе. Конечно, у него было кольцо, но избыточность действий и недоверие к технике было аксиомой работы Бюро. Штабной тип сообщил компьютерному терминалу его местонахождение и продолжал от скуки смотреть голодраму. Перчевский сел на автобус, идущий к гостинице Академии для посетителей.

Академия была почти автономным крепостью-государством в крепости-мире Луны-Командной. Почти десять процентов площади и объема Луны были отведены для школы, обучившей каждого офицера Служб и почти половину всего унтер-офицерского состава. Академия состояла из штабных колледжей, военных колледжей и штаб-квартиры специальных школ военного искусства, которые поддерживали Службы в состоянии боевой заточки. По временам число преподавателей и учеников Академии доходило до двух миллионов.

Перчевский провел в Академии восемь лет, лишь изредка видя остальную вселенную. В те времена увольнительные давали редко. Выход наружу обычно был связан с учениями. На разглядывание видов времени не было.

Считалось тогда, что он будет выпущен преданным и не задающим вопросов воином Кон-

федерации. Он теперь считал, что самая лучшая система иногда допускает осечки.

Сейчас ему было приятно пройти по старым знакомым коридорам, вспоминая всякие случаи, припоминая одноклассников, о которых не думал годами. Ему нравились юные свежесбритые лица ребят за взлетающими в салюте руками.

Казармы батальона Греты были неподалеку от тех, где жил когда-то он сам. Он на целый час погрузился в воспоминания о школьных днях.

Уже было поздно, когда он нашел старшего офицера батальона Греты. Табличку на двери можно было понять так, что это был батальон для обучения кандидатов в офицеры, созданный в 3047 году.

Он слегка присвистнул. Они шлепали кандидатов со скоростью военного времени.

Да, что-то должно быть в основе слухов. Ничто другое не могло объяснить, почему Грету почти сразу направили обучаться на офицера.

Унтер-офицер уже закрывал кабинет.

— Вы тот самый офицер, который ищет эту девушку Хелсунг?

— Да, сержант. Извините за опоздание.

Унтер пробормотал что-то язвительное.

— Такое настроение распространяется у вас и на курсантов, сержант?

— Виноват, сэр! Был очень трудный день, сэр.

— Где я могу ее найти?

— Рота «альфа», комната двадцать пять. Мы только формируем батальон, сэр. Это один из подготовительных — для кандидатов, не имеющих опыта Службы.

— Спасибо, сержант. Давайте закрывайте. Я только на несколько минут.

Перчевский вошел в крыло казарм. Через него прошли поколения курсантов. Воздух был здесь густ от прошедших годов — и от запаха людей. Он нашел коридор «А» и пошел по нему, разглядывая таблички на дверях. Наконец он нашел табличку ХЕЛСУНГ, ГРЕТА: ГАМБУРГ, ЗЕМЛЯ рядом с ДЖЕЙМС, ЛЕСЛИ откуда-то со Сьерры, что-то вроде Символ Предложения. На его стук никто не отозвался.

Он пошел на шум работающего головизора в холле. Там сидели около двадцати молодых ребят и девочек, глядя в головизор или играя в настольные игры — и то, и другое без энтузиазма. Воздух был пропитан ностальгией.

Грета сидела в кресле с виниловой обивкой, подобрав под себя ноги и обхватив руками колени. У нее был вид бесконечной грусти и несказанного одиночества.

Какой-то десятилетний с голосом, отработанным в кадетском пансионе, крикнул:

— Встать! Смирно!

— Вольно, ребята.

Грета бросилась ему на шею и чуть не задушила.

— Я уж не думала, что снова вас увижу!

— Тихо, девушка. Не сломай мне кости.

Вдруг ему стало лучше. Это приятно, когда кто-то рад тебя видеть.

— Как вы сюда попали? Я думала, вы поехали навестить мать.

— Так и было. Разочарование для нас обоих.

— Ох! Простите.

— Ничего. Я не слишком многого ожидал. Давай садись. Как ты здесь? Как тебе Луна?

— Я еще ничего не видала. Все тут больше, чем я думала. Что там дома?

— Ничего нового. Тоскуешь?

Она затрясла головой.

— Заливай! Я же здесь тоже был. И у меня до сих пор осталась эта тоска по дому. Вот почему я иногда возвращаюсь. Правда, я прибыл сюда вместе с Нейлом Армстронгом...

— Не дразнитесь!

— Ладно, не буду. Я тебе вот что скажу. Говорил я с твоим командиром роты...

— Старым Грязноволосым? Я его уже терпеть не могу.

Перчевский рассмеялся:

— Ты его еще и не так будешь ненавидеть. Он будет тебе отцом, матерью, духовником, богом и дьяволом. Слушай, хочешь пока посмотреть Луну? Когда начнутся занятия, у тебя уже не будет случая.

— А вы ничем другим не заняты? У вас есть работа и друзья...

— Я в отпуске. Вроде как в отпуске. И друзей у меня здесь немного.

— Я не хочу вас обременять... — Она перехватила взгляд тощей черной девчонки с тонкими косичками. — Лесли! Иди сюда! Капитан, это Лесли Джеймс. Моя соседка по комнате.

— Привет, Лес! А где это — Символ Предложения? Я был как-то на Сьерре, но такого места не помню.

Девушка что-то пробубнила наполненным собственными пальцами ртом и скрылась.

— Она очень стеснительная. У нее нет родителей, она из сиротского приюта.

— Все мы сироты так или иначе. Наша семья — Флот.

Грета бросила на него странный взгляд. Потом спросила:

— А мы можем взять ее с собой, если поедем?

— Хм. Ты уже начинаешь понимать. Не знаю. Это может оказаться сложным. Если ты хочешь, я спрошу.

— Наверное, да.

— Ладно. Сейчас мне пора идти — часы посещения закончились. Просто хотелось посмотреть, как ты здесь. Завтра я вернусь.

Она стиснула его руку:

— Спасибо вам. За все.

Руки ее были мягкими, гладкими и теплыми.

Весь вечер он предавался фантазиям, которые никогда не собирался претворять в жизнь.

Мужчина внутри не стареет. Он всю свою жизнь любит тех мягких, гладких, теплых девушек, которых знал, когда был молод и только начинал понимать, что за удивительные существа — женщины.

— Куда поедem, девушки?

Они стояли на станции «Академия». Перчевский смотрел, как Грета разглядывает людей, стараясь не слишком пялиться. Вокруг сновали люди в странных мундирах.

— Не знаю, — сказала Грета.

Луна-Командная не была выставкой красот для туристов. Не было ни живописных развалин, ни монументов. Настоящие виды были снаружи — кратеры и горы поверхности.

Он отвез девушек в купол Тихо и повез показаться на поезде по поверхности. Он повел их по лучшим ресторанам и гостиницам. Грета реагировала очень живо, Лесли — отстраненно.

После двух дней у него кончились идеи. Все, кроме раскопок следов пришельцев, куда он обещал свозить Макс.

Макс могла бы разрядить обстановку. У нее могли быть идеи... в общем, он повез девушек к ней в магазин.

— Привет, Уолтер! — сказала Макс. Голос ее был наполнен холодом; она смотрела на Грету. Грета не заметила. Она во все глаза смотрела на витрины.

— Привет, леди. Есть для меня что-нибудь?

— Все то же старье. Так этим ты и занимался с тех пор, как вернулся?

— Да брось ты, Макс! Ей всего шестнадцать. Иди сюда, Грета, познакомься с Макс. Макс, это Грета Хелсунг и ее подруга Лесли.

Грета не была ненаблюдательной.

— Привет, Макс! Капитан — мой спонсор.

— Твой спонсор? Уолтер, ты мне никогда не говорил, что у тебя есть ребенок.

— Я полон тайн, любовь моя.

— А почему она называет вас Уолтер? Вы же Корнелий!

— Потому что он полон тайн, милая, — ответила Макс. — Каждый называет его другим именем. Он что-то вроде шпиона. Вряд ли он сам знает свое настоящее имя.

— Макс...

— Ух ты! В самом деле?

— Да, в самом деле. Макс, ты слишком много говоришь. Я вообще-то пришел спросить, не передумала ли ты ехать на ту сторону.

Кто-то вошел в магазин у него за спиной. Макс поздоровалась.

— Привет тебе, высокая, красивая и желанная! Томас? Это ты? Какого черта ты здесь делаешь?

Перчевский обернулся.

Вошел Маус. И профессионально оглядел Грету восхищенным взглядом.

— Вот это правильно. Ты знаком с Макс, правда? Макс, я в самом деле хочу ту маньчжурскую коллекцию, только ты сбавь цену. Двенадцати тысяч она просто не стоит.

— Что ты в самом деле хочешь, я вижу. Так убери лапы, это дочка твоего друга. А за коллекцию я могу и пятнадцать получить, если отправлю ее в Аменхотеп. — И объяснила Грете: — Это приятель твоего старика. Тоже шпион.

Перчевский покачал головой:

— Она сегодня брызжет огнем, Маус. Я пришел позвать ее с нами, а она на мне штаны рвет. Я и не знал, что ты тоже коллекционер.

— Много чего мы друг о друге еще не знаем.

На этом тема была закрыта.

— Мы с Маусом были в Академии в одном батальоне, — объяснил Перчевский Грете.

Маус бросил на девушку еще один восхищенный взгляд. Она придвинулась ближе к Перчевскому, будто под его защиту. Маус слегка улыбнулся и возобновил спор с Макс.

Перчевский ломал голову, как бы ей объяснить так, чтобы объяснение ее удовлетворило, что она не конкурирует с непобедимостью юности.

— Макс, так ты хочешь поехать на раскопки на Обратной Стороне или нет?

— Когда это будет удобно.

— А вы в самом деле шпион, капитан?

— Можно сказать и так, Грета. Как насчет после работы, Макс?

— Ты уверен, что ты не будешь занят?

Перчевский закрыл глаза, сделал долгий, глубокий вдох и медленно выдохнул. «Терпение», — сказал он сам себе.

— А как ваше настоящее имя? — не отставала Грета. Маус смотрел на все это с непроницаемым выражением лица.

— Лапонька, я по временам сам нетвердо помню. Ты не волнуйся, это не важно. Если захочешь меня найти, просто набери номер, который я тебе дал. Если я не смогу ответить, ответит кто-нибудь из моих друзей.

— Но...

— Хватит. Тема закрыта. Макс, ты едешь на раскопки или нет?

— А рвать совсем не обязательно, Уолтер. Да, еду. А ты, Маус?

— Я?

— Да, ты. Хочешь посмотреть новый грот? Говорят, что он может пролить новый свет на сангарийский вопрос. Там есть какая-то первобытная кладка, сложенная, возможно, людьми. Космическая вариация вечной темы Ноева ковчега. Или ты из тех, кто культурой не интересуется?

— Конечно, еду. Почему бы и нет?

И он посмотрел на Перчевского будто с вызовом.

— Да вроде возражений нет, Маус.

Почему Маус решил присоединиться? Из-за слов о сангарийцах? Или Старик хотел, чтобы за ним кто-то присматривал? После того, что было на Сломанных Крыльях, Бэкхарт мог начать присматриваться сам.

Девушки по дороге спали. Перчевский и Маус играли в карманные шахматы, которые у Мауса

были с собой. В ответ на прошупывающие вопросы Макс Маус рассказал несколько анекдотичных случаев из жизни Перчевского, не сказав ни слова про себя. Перчевский предоставил ему самому определять, что рассказывать.

Кажется, Макс его бывшим партнером не интересовалась ни капельки.

Оба они потягивали из фляжки, которую достала откуда-то из своих карманов Макс. Как она объявила, аварийный запас.

— Верная мысль, — похвалил ее Перчевский.

— У нас тут что, вечер воспоминаний одноклассников? — спросила она к концу пути.

Маус и Перчевский углубились в разговор «а помнишь?». Они вспомнили все детали Великой Парусной Гонки двадцать девятого года, когда они, выступая командой, победили лучших солнечных яхтсменов Конфедерации. Эта великая победа была одним из самых светлых воспоминаний Перчевского.

Тогда они с Маусом были командой, почти друзьями, и несколько дней после того они были ближе, чем когда-либо раньше или позже.

— Вот это были дни, — произнес Маус, игнорируя реплику Макс. — Жаль, что нельзя вечно быть салагами. Как ты думаешь, могли бы мы это повторить?

— Слишком постарели.

— Ну, я бы попробовал. Просто чтоб себя проверить. А ты? Я бы нашел корабль.

Перчевский рассмеялся:

— Найди сначала свободное время. Ладно, почти приехали. — Капсула замедляла ход. — Я девчонок разбужу.

Через час они добрались до раскопок.

Бывшая база пришельцев раскапывалась, изучалась и исследовалась со скоростью улитки. Ксеноархеологи копались в ней уже десятки лет и собирались копать еще столетиями. Они изучали и сохраняли каждую крупницу лунной пыли, не желая ничего пропустить даже по невежеству.

Пока что эта база открыла больше сведений о прошлом человечества, чем о своих создателях.

Ученые заключили, что создание базы имело как научную, так и военную цель, и что она использовалась не менее десяти тысяч лет. По всей видимости, она была покинута примерно за одиннадцать столетий до своего открытия людьми, когда человечество ошупью делало первый робкий шаг в космос.

Перчевский и его спутники начали с музея находок, где в основном были предметы ежедневного обихода, вроде как у людей расчески, посуда, изношенные носки, бутылочки из-под пилюль,

сломанная мебель и тому подобное. Свою серьезную аппаратуру пришельцы унесли с собой.

— Ой! — сказала Грета, когда они подошли к группе восковых фигур. — Ну и уроды же они были.

— А ты что-нибудь замечаешь, Грета? — спросил Перчевский.

— Кроме того, что они уроды?

— Да. Посмотри, как они одеты. Подумай. Помнишь легенды о маленьком народец? Гномы, карлики, эльфы, лесные человечки... кобольды у тебя на родине.

Самая большая из фигур пришельцев была ростом в метр.

— Да, вы правы. А вы знаете, что еще есть люди, которые в них верят? Когда-то — мне тогда, кажется, было десять — мы пошли на экскурсию в Черный Лес. Там был старый служитель, что-то вроде лесничего, который нам все время рассказывал истории о лесных кобольдах.

— А по-моему, — вмешалась Макс, — куда интереснее, что они похожи на космонавтов эры НЛО.

Все обернулись к ней.

— Это не я придумала. Мне это просто понравилось — однажды передавали по образовательному каналу. В былые дни люди иногда видали то, что называли «летающие блюдца». Иногда кто-

нибуди утверждал, что с ним говорили космонавты. И описывали их вот такими. Но никто этому не верил.

— А где они теперь? — спросила Лесли.

— Никто не знает, — ответил Перчевский. — Просто исчезли. И никаких других следов от них не нашли. Улант вышел в космос раньше нас и тоже никогда их не видел.

— А если они все еще за нами наблюдают? — спросил Маус.

Перчевский глянул на него с интересом.

— Мурашки по коже от таких мыслей, да? Давайте посмотрим новую камеру. Макс говорила, там нашли что-то иное, чем оборудование для столовой или спальни.

Может быть. Перчевский не мог догадаться, что бы это могло быть. Камера была большой и отлично сохранившейся, почти все предметы не были повреждены и стояли по местам.

— Параллелизм функций приводит к параллелизму устройств, — сказал он. — То есть мы должны были бы сообразить, что все это такое.

Он только узнал каменные стены с вылинявшей росписью, похожие на памятники минойской культуры. Он мог бы поспорить на все свои деньги, что это работа художников-людей. Казалось,

это иллюстрация к какому-то рассказу о приключениях.

— Солярий, — сказала Грета. — Только без солнца.

— Гидропонная ферма?

— Нет, не так. Гидропоника с виду другая.

— Так что же?

— То есть я хочу сказать, что это вроде как Дом Пустыни в Государственном Ботаническом Саду Берлина. Видите, как расположены клумбы? А эти стойки должны поддерживать растения так, чтобы им казалось, будто они тянутся к солнцу.

Маус рассмеялся:

— Черт побери, а у этой леди есть мозги!

Он показал на небольшую табличку, на которой была изложена похожая гипотеза. Там также содержалось предположение, что расписывали стены люди, которые стали предками сангарийцев.

Вдруг Маус ахнул и схватился правой рукой за левую.

Перчевский чуть не завопил от резкой боли, которой охватило его кольцо вызова.

— Что случилось? — настороженно спросили Макс и Грета.

— А, черт! — с неподдельной интонацией произнес Перчевский. — Вот мы и приехали.

— Хватит, паразиты! — прорычал Маус. — Мы поняли. Уже идем, Господа Бога ради! Дело, Макс. Нас вызывают. То есть очень срочно. Томас?

— Я его убью. Дай только... Макс... ты прости...

— Что происходит? — снова спросила она.

— Мы должны явиться. Немедленно. Ты можешь доставить девушек в казармы?

— По делу? — Она говорила с искренним интересом.

— Ага. Сволочи. Маус, они говорили, что не заставят уже нас работать командой.

Маус пожал плечами.

— Я отвезу их домой, — обещала Макс.

Перчевский поцеловал ее и повернулся к Грете.

— Лапонька, я должен бежать. Ты уж прости. Мне правда очень жаль.

— Давай, Томас. Старик не шутит.

— Подожди минуту, черт побери вас всех! Я не знаю, Грета, сколько меня не будет. Если что-нибудь тебе будет нужно, звони по моему номеру. Или обратиться к Макс. Ладно, Макс?

— Конечно.

В голосе Макс энтузиазма не слышалось.

— Томас!

Он махнул рукой, снова поцеловал Макс, потом Грету и побежал за Маусом. Грета грустно крикнула вслед:

— До свидания, капитан!

Он злился. Он готов был снять с Бэкхарта шкуру тупым ножом.

Только ему не представилось шанса. На территории Бюро их с Маусом сразу же захомутал отдел подготовки.

Тренировки были интенсивными и беспощадными, а объяснения — в коротких промежутках. Подготовка шла круглые сутки, во сне и на ходу, и после нескольких недель Перчевский так устал, что уже и не знал точно, кто он. И только крохотные, но неугасимые искры гнева давали ему силы продолжать.

Из группы образования его передали психологам. Те потом передали его медикам. После этого целую неделю он каждое утро открывал глаза на новом операционном столе. Потом группа образования взяла его на второй заход. Пока он поправлялся, он должен был читать. А пока он спал, компьютеры вдували под давлением информацию прямо ему в мозг.

Драконы в ночи. Золотые китайские драконы. Звездоловы... Зачем все это было? Кто такой Мойше бен-Раби? Что случилось с Корнелием Перчевским?

Иногда он кричал и отбивался от них, но они были упорны, как энтропия. Они строили из него нового человека.

• Это была самая интенсивная и экстенсивная из всех пережитых им подготовок.

За все это время он видел Мауса всего два раза. У них был общий интенсивный гипнопедический брифинг на тему о звездоловах, но после этого они встретились только в кабинете своего хозяина. Перчевский думал, что их готовят к разным заданиям, но адмирал обратился к ним лично.

— Мальчики, — сказал им адмирал. — Вы только что прошли сквозь ад. И это я послал вас туда. Я этим не горжусь. Мне больно не меньше, чем вам. Я не люблю работу в таком стиле. Просто поверьте мне на слово, что это необходимо. И я знаю, Томми, что ты об этом думаешь. Я тебя не виню. Но отнесись ко мне с позиций презумпции невиновности и попробуй мне поверить, что привести звездоловов в Конфедерацию необходимо как можно скорее. Это вопрос жизни и смерти.

Таков был первый залп в одностороннем обсуждении, которое длилось более трех часов. Бэкхарт говорил, не останавливаясь, и не ответил ни на один из вопросов, которые Перчевский считал относящимися к делу.

Он только один раз возразил:

— Вы обещали, что совместных заданий больше не будет.

— И я так и думал, когда это говорил, Томми. Но это самое спешное из всех срочно-спешных заданий, которые у нас бывали за всю нашу историю. Директор разведки велела мне бросить на это моих лучших людей. Вас выбрала она. Боже мой, Томми, да всего-то пара недель. Ты что, не выдержишь Мауса четырнадцать дней?

— Это вопрос принципа...

Но Бэкхарт уже не слышал, преследуя какую-то другую мысль.

Не успев толком понять, что случилось, Перчевский обнаружил себя на борту военного корабля, уходящего к низовьям Рукава к планете, которая по галактическим масштабам была на расстоянии плевка от Сломанных Крыльев.

Это ему не нравилось. Не надо было слишком искушать судьбу.

Вообще в этом задании не было ничего, что бы ему нравилось.

Они даже не дали ему попрощаться. Головорезы из Бюро окружили его сразу по выходе из кабинета Бэкхарта...

— Слушай, Мойше! — жизнерадостно сказал Маус через час после того, как они оказались на борту. — Давай-ка пойдем в кают-компанию и сыграем пару партий.

**ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:
3048 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН»,
БОРТ «ДАНИОНА»**

«Данион» стал удобен, как хорошо разношенный старый ботинок.

— Как-то скучновато становится, — пожаловался Маус к концу третьего месяца.

— Чего? — спросил его бен-Раби. — Со всеми своими футбольными матчами и по уши в бабах ты все еще скучаешь?

— Ты правильно понял, напарник. Как сказал тот парень из анекдота: «Бабы — это хорошо, но что делать остальные двадцать три часа?»

Эми сделала замечание, которого Мойше не расслышал.

— Если так, — ответил Маус, — можешь тогда сама нести свои книги.

Они переносили ее вещи в каюту Мойше. Эта идея не слишком восхищала бен-Раби. Он даже не очень хорошо понимал, как она возникла. Просто Эми и Маус как-то нажимали и нажимали, и переезд уже начался, а он все еще не собрался сказать «нет».

Он предпочитал жить один. Совместная жизнь для него звучала как синоним неудобства. Само

присутствие Эми уже предопределяло возрастание ее требований... А, ладно. Хоть кто-то будет рядом во время приступа головной боли.

Маус и Эми продолжали словесную дуэль. Маус дразнился, Эми отвечала всерьез. Она не слишком любила Мауса.

У бен-Раби теперь случались мигрени несколько раз в неделю. Это пугало. Голос и видения... Он думал, что это может быть опухоль, но сейперские врачи не приняли его всерьез. Дали ему таблеток от головной боли и велели не волноваться.

Последние десять дней он прожил на таблетках. Был он бледен, обезвожен, слаб, и руки у него тряслись.

Казалось, что это не безразлично только Эми, но она не говорила почему.

Его старый глубинный страх, что он сходит с ума, казался куда более обоснованным, чем раньше.

«Черт-те сколько времени уйдет — освоиться с подругой, живущей в твоей каюте», — подумал бен-Раби, сбрасывая с рук охапку платьев. Полный паралич жизни.

Необъяснимо возвращающиеся воспоминания об Элис улучшению самочувствия тоже не способствовали. Они только пугали и дезориентировали. Не было причины ему быть одержимым этим старым, давно умершим романом.

Просто еще один симптом того, что с ним творится, что бы это ни было. Но пугало оно до дрожи.

На Сломанных Крыльях он был — почти был — тем крутым и жестким типом, которым и притворялся. Теперь, не прошло еще и года, он стал бесхребетным плаксой. В отвращении к самому себе он пнул ногой кресло. Оно не сдвинулось. Вся мебель на корабле была привинчена к палубе.

Он молча принялся снова за работу.

— Мойше, мне нужна твоя помощь, — сказал Маус, когда они закончили переезд. И в голосе его звучала жалобная нотка.

— Чем? Как? Я сделаю все, что могу.

Он оглянулся через плечо — убедиться, что Эми осталась возле женского галюна. Просьба Мауса его поразила — это было так не похоже на его напарника.

— Придумай мне способ, как мне ее не убить.

Бен-Раби посмотрел туда, куда смотрел Маус. Взгляд его был прикован к сангарийке, как перекрестие прицела снайпера.

— Она на меня действует, Мойше. Она заставляет меня психовать. Я стал спать тревожно. Все время придумываю способы... Все время помню, что она там, дальше по коридору. Все из-за бойни

в Черном Мире. Не могу его из головы выбросить. Я думал было, что могу это контролировать.

— И ты тоже? Что за чертовщину сотворил с нами Бэкхарт?

Забавно, что Маус признал связь с войной на Теневой Линии. Наверное, он под серьезным напряжением.

— Самодисциплина, Маус. Это единственный ответ, который у меня есть. И еще — сознание, что ты должен сохранить себя для более крупной цели. Она не стоит того, чтобы из-за нее сгореть.

— Она в этой игре — королева. А ставки — выше не бывает, Мойше. Посмотри на нее. Я не видел еще никого так уверенного, что у него выигрышная карта на руках. У нее такой вид, будто у нее флешь-рояль в пиках.

— Ты спутал две игры в своей метафоре.

— К черту метафоры, Мойше. Мне нужна помощь.

«О Господи, — подумал бен-Раби. — Я тут на полпути к дурдому, а мой напарник просит, чтобы я его вытаскивал. Неужто у нас у обоих дырка в голове?»

— Тогда давай представим это дело Киндервоорту.

— О нет. Это должно остаться в семье. Ярл ничего не дает даром. Как твоя голова?

— Доктора твердят, что ничего серьезного. Меня это не убеждает. Беспокоит, почему она болит так часто и так сильно? Хотя, быть может, это и правда. Сначала я думал, что это опухоль, а они мне лапшу на уши вешают, чтобы я не психовал. Но на снимках, когда я заставил их мне показать, не было ничего. Теперь я думаю, что причина какая-то внешняя.

— Аллергия?

— Нет. Не могу пока объяснить. Пока что это только подозрение.

Прошли месяцы, пока это подозрение сбросило листья, расцвело и принесло плоды.

Время потихоньку ползло. Маус с головой погрузился в финал шахматного чемпионата всего корабля. Бен-Раби утонул в толпе коллекционеров, где сразу стал звездой первой величины, хоть и ненадолго. Они все были старше, обременены предрассудками, а он был чужак, и бесконечно это терпеть они не могли. Он трудно и тщательно пытался выстроить отношения с Эми.

Он старался. Он искренне верил, что дает им обоим честный шанс, и на время воспоминания об Элис и ментальные странности его оставили, но надежды на долгосрочную перспективу он не видел.

Он даже бросил писать, чтобы больше времени уделять Эми.

— Просто пока не тянет, — солгал он ей. — Как-то все это больше не мое.

Она возражала, но так натянуто, что он стал тяготиться ее присутствием в те моменты, когда мог бы писать.

Два раза провернулось на месяц колесо времени, и появился Маус с новым таким же заявлением.

— Мойше, мне нужна твоя помощь.

— Держись подальше от тех мест, где она бывает.

— На этот раз не сангарийка, Мойше. Другая.

— Что еще?

— Я только что узнал. Салли, с которой я...

Она влетела.

— Да брось, не вешай мне лапши. Бабы не беременеют, если... О, черт!

— Именно, «о черт». Если не хотят.

Мойше сумел не улыбнуться.

— Засмейся — и я твою башку вобью в стену.

— Я? Смеюсь? Извини. Это просто нервное...

Так что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Хрен его знает, Мойше. Сам не знаю. Я на это дерево еще ни разу не лазил.

— И что теперь? Она рассчитывает, что ты поступишь как честный человек?

«И чего ты пришел ко мне? Я ни с Элис не мог разобраться, ни с памятью о ней».

— В этом и суть. Так здесь принято поступать. И так здесь принято ставить эти ловушки. По всем канонам первого столетия.

— Но ведь нет такого закона, который заставлял бы тебя сделать, как она хочет. Вежливо с ней распрощайся.

Именно так он когда-то предал Элис, давным-давно. Он не находил в себе силы сказать «нет», пока не стало слишком поздно.

— Я не хочу задевать ничьи чувства.

— Она решила рискнуть, так ведь? — Почему это так легко сказать и так трудно сделать? — Не понимаю, как можно ждать хорошего от брака, который начинается таким образом. Давай, Маус. Поцелуй ее на прощание.

— Легче сказать, чем сделать, Мойше.

— Знаю. Советы все таковы. Могу дать еще один, пока не закрыли темы. Будь осторожнее, чтобы этого не случилось опять.

— До этого я и сам додумался.

Маус ушел. Вернулся он через час, тряся головой.

Она не верит, что наземникам абсолютно все равно, женаты родители ребенка или нет. Но я думаю, что смогу довести до нее эту мысль — в конце концов.

На какое-то время общественная жизнь Мауса стала не такой напряженной. Но только на время. Казалось, дамы не способны оставить его в покое.

— Знаешь, что ты мне скажи, Эми? — однажды вечером спросил ее бен-Раби. — Зачем мы здесь?

Она начала излагать ему стандартную версию.

— Это не так. На самом деле на «Данионе» мы не нужны. И уж точно тысяча нас не нужна. Даже когда нас двести, мы закончим работу на полгода раньше срока. Ваша собственная служба контроля повреждений провозилась бы непамяного дольше. Так в чем же истинная причина?

Она не могла ему сказать. Она даже отказывалась строить предположения. По выражению ее лица он подумал, что она и сама может не знать и только начинает задаваться этим вопросом, который его беспокоил.

Его путь по длинной тропе размышлений вдруг озарился вспышкой интуиции от крох информации, которые он начал собирать еще с Карсона.

— Поправь меня, если можешь опровергнуть эту гипотезу, — сказал он Маусу, когда был уверен, что Эми не слышит. — Мы — морские свинки в опыте по сосуществованию. Они ждут чего-то большого и опасного и думают, что для преодоления этого смогут нанять помощь извне. По-моему, они ожидают тяжелой битвы. Должностные обязанности всех нас связаны с контролем повреждений. Но эксперимент провалился. Никто не клюнул.

— Не знаю, Мойше. Поработай головой. С кем они собираются драться? Точно не с нами.

— С акулами?

— Возможно. Хотя не укладывается в картину. Но я не очень умею складывать головоломки. Кстати, как твоя голова?

— Вполне нормально. А что?

— Я так и думал. Ты стал последнее время больше похож на прежнего Мойше.

Три недели назад они закончили последний плановый ремонт. С тех пор у них работы почти не было.

Однажды Эми объявила им с вытянутым лицом:

— Мне только что сказали: с понедельника вас назначают в контроль повреждений. В дежурную комнату, Юг. Я вас туда отведу и представлю.

— Ломают нашу команду? — спросил Маус. — А тебя куда?

— Обратно в Безопасность.

Судя по голосу, она не была довольна.

Бен-Раби ощутил виноватое облегчение. Он любил Эми, но трудно было общаться с ней двадцать четыре часа в сутки. Он уже задыхался.

Назначение на дежурство в контроль повреждений было оглушительно скучным.

— У пожарника в стальном городе работы и то больше, — жаловался Маус.

Через несколько дней он прижал бен-Раби в углу, чтобы поделиться с ним тем, что удалось вынюхать.

— Наш командующий флотом — похоже, партизан. Он не хочет признавать Грабера из флота Грабера за самого Главного Звездолова. Хочет действовать по-своему. Другие флоты видят в нем уроду в семье.

— Так поэтому Старик нацелился на флот Пейна?

— Нет. Он просто ухватился за случай запустить кого-нибудь на траулер. Кстати, ты был прав насчет эксперимента. В это дело Пейна втравил Грабер. У меня впечатление, что провал он хочет использовать как повод отправиться на какую-нибудь авантюру, как только закончится сбор урожая.

— Кстати об урожае. Эми говорит, что такого богатого еще никогда не видела. Они намечают аукцион после нашего отбытия.

— Киндервоорт все еще пристаёт насчет перехода?

— Иногда упоминает. На прошлой неделе приходил ко мне в каюту.

Подозревает ли Маус, что для бен-Раби это и в самом деле искушение?

Спортивный ажиотаж нарастал по мере приближения игр плей-офф. Для Мойше это просто было безумием звуков и красок. Маус, конечно, нырял в самой гуще. Последней его страстью был футбол.

Он мог часами цитировать статистику и разговаривать об игре. Бен-Раби пришлось выучить правила, чтобы хотя бы поддерживать разговор.

Постепенно их жизнь превратилась в череду быстро летящих дней, не имеющих никакого отношения к их заданию. Они оказались здесь, чтобы найти звездных рыб. И, несмотря на тысячи сомнений и отвлекающих моментов, бен-Раби держал на этой цели дрожащее перекрестие своего прицела. Он даже снова стал воевать с «Иерусалимом», чтобы иметь возможность делать свои записи невидимыми чернилами.

Жить в одной каюте с агентом противной стороны — это его постоянно держало в напряжении. Не так он был наивен, чтобы думать, будто Эми оглохла и ослепла от любви.

Когда он прибыл на борт, он считал, что звездная рыба — удивительная концепция, тот чудесный крюк, на который можно повесить современные мифы и легенды. Туда же относятся и потерянная планета Осирис, и баснословное оружие Звездного Рубежа. Теперь он знал, что водородные течения насыщены «жизнью». Волшебная сказка исчезла, но мысли о фантастических рыбах — это можно было вертеть в долгие часы дежурства, когда ничего не случалось.

Звездные рыбы, левиафаны безвоздушных глубин, были скорее силовыми полями и равновесием между ними, чем созданиями из материи. Старейшие в породе бывали триста километров в длину и возраста в миллион лет. Они могли занимать тысячи кубических километров и иметь при этом атомов меньше, чем тело взрослого человека. Атомы и молекулы в них играли роль прежде всего тех точек, на которых закреплялись силы. То здесь, то там возникали микродыры Хоукинга от взрывов, формирующих ядра невидимых органов.

Ткань пространства образовывала кости и жилы этих созданий. Они умели манипулировать ею в себе. В сущности, рыба строила вторичную вселенную внутри первичной, и в ней была настолько же реальной, насколько человек в своей. Та часть звездной рыбы, которую можно было обнаружить, являлась всего лишь долей целого создания. Она существовала и в гиперпространстве, в нуль-пространстве на таких уровнях, которых человечество еще не достигло.

Эти создания большой ночи были живыми термоядерными печами. Они питались водородом, прихватывая острые приправы других элементов в свой ядерный синтез. Поначалу Мойше интересовался, почему они не собираются там, где материя плотнее, например, поблизости протозвезд.

Эми объяснила ему, что напряжения полей вокруг звездных масс разорвали бы их на части.

В животе звездной рыбы бушевал огонь такой же яростный, как в сердце солнца. Там не только шел ядерный синтез, там происходила аннигиляция антиматерии, которую рыба получала из антивселенной, где существовала ее часть.

О физике этого явления бен-Раби даже не пытался гадать. Он был полевой работник. А по сравнению с этим процессы внутри сверхновой были учебным курсом для детского сада. Он только записывал свои мысли невидимыми чернилами и надеялся, что ручным физикам Бюро это пригодится.

— Знаешь, Маус, у меня тут философский вопрос насчет этих рыб, — сказал он однажды утром.

— Тогда не ко мне, Мойше. Считай, что я уже не понял.

— Я кое-что нашел, отчего у меня мысли вернулись наизнанку.

— А именно?

— А именно — что это не обычные отношения пастух — стадо. Это партнерство — если только сейнеры сами в нем не коровы. Рыбы разумны. Может быть, разумнее нас. — Он огляделся. Никто не слушал. — У них есть подсекция в операционном секторе, которую они называют телетехнической. Они

как-то держат связь со звездными рыбами. Разум с разумом.

— Откуда ты это узнал?

— Отовсюду. Слушал всякие мелочи. Сопоставлял.

— Значит, эта мерзкая пси-теория снова поднимает голову. Теперь здесь. Ты знаешь, что скажут на эту тему ученые Старика?

— Придётся им согнуть свои жесткие выи. Но что, по-моему, интересно — это возможности исследований.

— Исследований?

— Исторических. Рыбы бывали в контакте с другими расами. Некоторым из них более миллиона лет. Я так думаю, что они многое помнят.

Подобно океанам, водородные потоки были целой экологической системой, и в ней были свои хищные «акулы», естественные враги звездных рыб. Их была дюжина разных видов. Но даже самые большие и опасные были куда меньше взрослой звездной рыбы. Но некоторые из этих видов, как волк и человек, охотились стаями. Они даже умели преследовать добычу в гиперпространстве.

За большими стадами стаи следовали, как тени. Когда стадо растягивалось, они нападали. Иногда они, гонимые голодом, пытались отрезать от стада одиночек. Иногда же, когда их численность дос-

тигала определенной критической массы, всю стаю охватывало боевое безумие, и она бросалась на стадо.

Звездные рыбы не были беспомощными. Они умели изрыгать шары внутреннего огня и рассыпать вокруг, как дедушкины ядерные бомбы. Но акулы были быстрыми, а процесс отрывки — медленным. Подвергшаяся нападению рыба редко имела шанс на более чем одну попытку защиты. Ей приходилось рассчитывать на помощь товарищей по стаду, на которых тоже в этот момент могли нападать. Поэтому звездным рыбам иногда были необходимы союзники, чтобы выжить.

Когда родоначальники сейнеров нашли свои первые стада звездных рыб, среди акулых стай шло быстрое размножение. Первому стаду угрожало истребление.

Рыбы этого стада прошупали разумы первых сейнеров, решили, что есть надежда, и потому установили с ними контакт и заключили сделку. Они будут в обмен на защиту со стороны людей снабжать их оговоренным количеством амбры.

— Иногда мне кажется, что они хотят вступить в контакт и со мной, — сказал бен-Раби Маусу, рассказав те исторические сведения, которые успел узнать.

— А почему ты так думаешь?

Кажется, Мауса эта идея заинтересовала.

— Может быть, мне только кажется.

Ему не хотелось рассказывать Маусу о своих снах с видениями огромных плывущих панорам космоса, странно оживленных вещами, которых никогда не видели человеческие глаза. Там парили драконы, они резвились с тяжеловесностью, которая даже не снилась земным китам. Каждый раз после этого сна он просыпался с невыносимой мигренью, от которой хотелось кричать.

— Итак, первые звездолеты тогда вооружились, — возобновил он свой урок истории. — Рыбы научили их находить акул. И стадо постепенно восстановилось.

Но акулы тоже умнели — медленно, по-своему. Они поняли, что их потери связаны с твердыми предметами, пасущими стадо. В середине тридцатых они начали нападать не только на стада, но и на траулеры, заставляя сейнеров защищать не союзников, а себя самих.

С прошлого года они стали нападать сначала на траулеры, при этом совместно действовали стаи разных видов.

Численность их по-прежнему росла. Сейнеры боялись, что скоро их будет так много, что они смогут напасть на целый траулерный флот и уничтожить его.

Пока еще не был потерян ни один корабль, но атака на «Данион» показала реальность этой опасности.

Звездоловы верили, что будет война, и боялись, что им ее не выиграть. Они были слишком малочисленны и слишком слабо вооружены.

— Стаи мигрируют сюда из глубины Галактики, — заключил Мойше. — Полагаю, потому, что там становится мало еды.

— И это все? — спросил Маус.

— А чего ты хотел бы? Из Эми трудно что-нибудь вытянуть. Она может спать со мной, но не забывает, что я — другой давний враг, наземник. От которых все же они отчаянно хотят получить оружия больше и лучшего. Кажется, на этом месте что-то заваривается. Стоит мне заговорить об оружии, как Эми сразу же меняет тему.

На самом деле она просто выходила из каюты. Это его пугало. Значит, затевалось что-то серьезное и она не хотела рисковать, давая ему хотя бы намек.

Ее поведение подтверждало чувство, которое было у него с самого начала. Тут дело далеко не в урожае.

«Данион» несколько недель шел под двигателем. Подозрения Мойше крепчали. Траулеры редко выходят в гипер. Рыбам там не нравится.

Следуют ли эти твари за флотом?

Никто ничего не говорил. Даже самые дружелюбные из сейнеров прикусили языки.

Год летел к концу. Бен-Раби многое узнал, но все еще ничего конкретного, ничего к реальной выгоде Бюро или Конфедерации. Так и закончится его задание погоней за заячьим хвостом?

Игра в разведку и контрразведку в спальне с Эми стала невыносимой. Но профессия требовала. Он должен был пытаться узнать и не расслабляться ни на миг.

Он не мог забыть сангарийку. Она все еще была здесь и все еще сильно занята своим заданием.

Какова бы ни была ее игра, сейчас в ней делались финальные ходы. Она снова стала провоцировать Мойше, настойчиво, уверенная в своих силах.

Двигатели были уже неделю как заглушены. «Данион» прибыл к месту назначения. Новая секция корабля была полностью закрыта для наземников. Выходившие оттуда сейнеры держали рот на замке еще плотнее обычного. Некоторые, которых Мойше уже считал друзьями, едва замечали его приветствие. Чем бы они ни были заняты, они не хотели, чтобы об этом хоть что-нибудь узнали на планетах.

Вахты удлинились в полтора раза — для всех без исключений. Для Мауса и бен-Раби это означало увеличение времени скуки на дежурствах.

— Что бы это ни было, но это опасно, — заметил Маус. — Они все позеленели от страха.

— Собираются стаи акул. Вроде бы в десять раз гуще, чем кто-нибудь раньше видел.

— Я видел сегодня утром, как снимали команду вспомогательного корабля и заменяли свежими людьми.

— Сражение?

— Я думаю, просто усталость. Носилок я не заметил. Но громилы Киндервоорта выставили меня раньше, чем я что-нибудь успел разглядеть.

Несмотря на Киндервоорта, они собирали свои клочки информации.

— Они пытаются выиграть гонку со временем, — сказал Маусу бен-Раби. — Я слышал, как один говорил другому, что у них не будет шанса даже влезть в игру, если акулы соберутся до того, как они закончат свои опыты.

— Что он имел в виду? Они разрабатывают новое оружие?

Бен-Раби пожал плечами:

— Я не спросил. Но я не имел бы ничего против знать, ради чего они рискуют моей жизнью.

Однажды вечером, после целого рабочего дня, проведенного в пределах досягаемости язвительных шпилек сангарийки, бен-Раби и Маус пытались отдохнуть за шахматной доской.

— Ты снова как мешком стукнутый, — заметил Маус, глядя на свои фигуры. — Что там у тебя? Трудности с Эми?

— И это тоже. Ее я сейчас вижу раза два в неделю. Она забегает только помыться и переодеться.

— Так что? Она же сидит не на единственной во вселенной. Вот эта рыженькая, Пенни Как-то-там, с Новой Земли...

— Она мне в дочери годится, Маус. Всего на пару лет старше Греты.

Маус всплеснул руками в деланном изумлении:

— Какое это сюда имеет отношение? Она же хочет?

— Может быть. Но мне кажется, я для нее скорее как отец...

— Так позволь себе небольшой инцест.

— Ладно, это не важно. Секс — не проблема.

— Чего? Секс — всегда проблема. В том или ином смысле. — Маус хихикнул. Потом хихикнул еще раз, поймав в ловушку ферзя Мойше. А Мойше не мог сосредоточиться на игре. «Хочу» вернулось, мягко подкралось одновременно с этим чертовым образом пистолета. — А в чем же тогда проблема?

— Как эти люди к нам относятся? Может быть, в этом? Они так боятся, что не найдут с нами общего языка.

— Шах. И еще шах. Тут замешана сангарийка, Мойше. Она снова распускает про нас сплетни. Пытается нас изолировать. Интересно мне зачем? Мат следующим ходом.

Они обсосали все возможности. Мойше настолько не нравилось то, что ему пришло на ум, что он даже с ходу отмел идею это высказать.

Играл он все хуже и хуже. Стал раздражительным. «Хочу» становилось сильнее, громче, издевалось над ним, говорило, что он на пороге своего свершения и так слеп, что этого не видит.

— Я этого долго не вытерплю! — Маус яростно сгреб пешку с доски. — Следующий раз, когда она меня подколет, или через раз, я ее завалю, и к черту последствия.

— Не надо, прошу тебя. Мы почти дома. Осталось только пять недель.

Маус так же яростно взял коня.

— По-твоему, пусть нас и дальше подставляет?

Бен-Раби посмотрел на лицо Мауса; перевел глаза на разгром на доске.

— Сдаюсь. — Чем больше он думал, тем больше был уверен, что знает, что задумала Мария. Он

резко встал, рассыпав фигуры. — Может быть, придется.

— Придется — что?

— Убирать ее. Ради собственного нашего блага. Я знаю, что она делает. Мы пропустили очевидную возможность. Допустим, что у нее есть такой же трассер, как был у нас. Технология такая у них есть. И допустим, что управляет им она сама и не включает его, пока сейнеры не утратят бдительность?

— Понял. Давай не будем ее валить. Просто вырежем из нее трассер. — Маус любовно сложил фигурки в коробку и вытащил из-под матраса зловещего вида самодельный пластиковый нож. — Пойдем.

Бен-Раби подумал о десятке причин отложить это дело, но не смог сформулировать ни одной. Пора было вывести Марию из игры. Она была слишком опасной.

Они прошли полпути до ее каюты, как Мойше остановился, пораженный внезапной мыслью.

— Маус, что, если она нас ждет?

— Вряд ли.

— В этом деле нельзя упускать ни одной возможности.

— Верно. Дай мне минуту подумать.

Все эти месяцы они знали, что сейнеры иногда их слушают. Когда они не хотели, чтобы их подслушали, они разговаривали беззвучно, читая друг у друга по губам, никогда не произнося вслух ничего, что могло бы заинтересовать подслушивающего.

— Кажется, я сделал ошибку, вспомнив это в твоей каюте.

— Ага. Может быть. Но поздно плакать. Если она нас подслушала, значит, подслушала.

— Что ты собираешься делать?

— Думаю. Сам понимаешь, не нужны мне пирровы победы.

Они продолжали тихий разговор в десяти метрах от двери Марии.

Трое сейнеров на мчащемся скутере с воем вылетели из-за угла и подъехали юзом к двери Марии. На них были нашивки Безопасности. Один двинулся в сторону Мауса и бен-Раби, держа руку возле оружия, и остановился в вольной позе. Они попытались изобразить из себя любопытных. Двое других глядели на дверь.

— Кажется, за нас сделают всю работу, Маус.

— Они идиоты безмозглые! — прорычал Маус.

Сердце бен-Раби отстукивало ритм фламенго. Слишком эти ребята были в себе уверены.

Они сумели взломать код двери. Их приветствовала пара взрывов. Один из них свалился в дверях, другой бросился внутрь.

Тот, что стоял лицом к Маусу и бен-Раби, резко повернулся и тоже бросился в каюту. Лицо его посерело.

Они услышали буханье и сразу — крик боли.

— Самодельное пороховое оружие! — ахнул бен-Раби. — Ничего себе она нам подарочек заготовила!

Маус посмотрел в обе стороны коридора:

— Пошли. Пока не собрали толпу.

Бен-Раби не знал, что планирует Маус, но пошел за ним. А Маус вошел в дверь, низко пригнувшись, вынул оружие из руки умирающего сейнера. Бен-Раби вполз за ним, подхватив другой падающий пистолет.

Сангарийка стояла спиной к двери, сцепившись в борьбе с оставшимся сотрудником Безопасности. Резким движением левой руки она обошла его защиту и перебила ему трахею. Он поперхнулся, а она закончила дело дробящим кости ударом в сердце.

Невольный стон бен-Раби предупредил ее о врагах сзади.

— Медленнее, — сказал Маус, когда она бросилась было к оружию сейнера. — Терпеть не могу стрелять.

Впервые она не смогла сразу найти ответную реплику. По тону Мауса было ясно, что ее он пристрелит без всякого насилия над собой. Когда она повернулась, лицо ее было искажено гримасой боли и злобы. Снова они, с ее точки зрения, перехитрили ее. И этот раз может быть фатальным.

Гримаса превратилась в напряженную улыбку.

— Опоздали. — Улыбка стала шире. Она предвкушала. — Они уже на пути сюда.

— Мойше, втащи сюда этого человека и закрой дверь. Как он?

— Он умер.

— Так что ведите себя хорошо, — сказала Мария, когда бен-Раби захлопнул дверь. У нее хватило здравого смысла говорить нейтральным голосом. Чтобы выжить, насладиться своей победой, ей нужно было убрать препятствие, которым она сделала Мауса. — Они скоро здесь будут. Вы же не хотите их взбесить.

— Этот тоже помер, — сказал бен-Раби. — Мария, зря ты думаешь, что сейнеры отдадут траулерный флот из-за налета нескольких рейдеров.

Она улыбнулась своей металлической улыбкой.

Он вспомнил разбитые торговые суда после налетов сангарийских рейдеров. Они придут с хорошим запасом пороха. Выживших не будет.

Завыла сирена. Это был отчаянный призыв к оружию.

— Боевая тревога, Мойше. Она не блефует.

Подобранное оружие будто бы болезненно распухало у него в руке. Какая-то часть его требовала закончить то, что он начал на Сломанных Крыльях.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ:
3049 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», БИТВА

Время вытянулось в трубку и завилось вокруг себя, как сумасшедшая змея, пытающаяся сама себя раздавить. Оно отделило ставшую полем боя кабину Марии от макровселенной, выделившись в отдельный поток. Десять секунд превратились в бесконечное мгновение.

Бен-Раби стало страшно.

Внутри у Мауса что-то щелкнуло. Он переключился на сознание убийцы. Бен-Раби разрывался между побуждением бежать по тревоге и оставаться и сдерживать эту биохимическую машину убийства.

«Данион» вздрогнул. Мойше узнал ощущение от старта сервисного корабля.

— Я иду на станцию, Маус. Сторожи ее до прихода ребят Ярла. И помни: она нужна живая.

Маус механически кивнул. В режиме сознания убийцы им было легко руководить — если психологи заложили в него команду подчиняться твоим указаниям. Потом он будет очень расстроен. Он хотел бы устроить этой женщине смерть от тысячи ран — или что-нибудь столь же мерзкое.

Но он уже возвращался в реальный мир.

— Возьми пистолеты, Мойше. И спрячь.

— За каким...

— Пригодятся.

— Ладно.

Бен-Раби собрал пистолеты, спрятал их в каюте Мауса и направился к помещению контроля повреждений Юга.

— Чего там? — спросил он, войдя, у одного из своих коллег.

— Сангарийские рейдеры. Говорят, их там не меньше пятидесяти. Страшновато.

— Во многих смыслах.

— То есть?

— То есть этот перформанс организован целым консорциумом. Столько сил не наскребет ни одна Семья. Последний раз они собрали столько кораблей для нападения на Мир Хельги во время войны на Теневой Линии.

Сейнер посмотрел на бен-Раби с испуганно-озадаченным видом. Мойше говорил о чужой истории.

А коллеги-наземники Мойше были охвачены самым низкопробным страхом. В оружие сейнеров они не верили ни на грош. И они не сомневались, что рыбаки будут драться. Он не понимал почему, пока не услышал от самих сейнеров предположительные слова Пейна.

Командующий флотом отказался вести переговоры или сдаваться. Он передал сангарийцам, что будет драться до последнего траулера.

— Да за что же драться? — пытался выяснить Мойше.

Сейнеры отказывались его просветить.

Тогда он сам ощутил прикосновение страха. Ему никогда не хотелось умирать стоя. По крайней мере с тех пор, как он избавился от мальчишеских грез. Вообще он не был заинтересован умирать. Хотя бы ближайшие несколько тысяч лет.

Время двигалось не быстрее, чем льется патока. Он знал, что во внешней тьме маневрируют корабли сангарийцев. Сервисные корабли с гораздо худшим вооружением вылетели им навстречу. *Танец смерти начался.*

Мойше стоял лицом к темному шлюзу, и в голове прыгали все те же вопросы, на которые не

могло быть ответов. Самым большим из них было все то же *хочу*, и рядом с ним — видение пистолета.

Он забеспокоился насчет Эми. Где она? Будет ли она вне опасности?

— Дурацкий вопрос! — буркнул он сам себе. Конечно, нет. Никто не будет вне опасности.

Потом он заметил ее, стоящую возле инструментальной кладовой. Что она там делает? А она, заметив его, направилась к нему.

— Где Маус? — спросила она.

Он быстро объяснил.

— Хорошо, — сказала она, когда он закончил. Она пыталась сохранить спокойствие, но в углу глаза у нее появилась слезинка. Эми раздраженно ее смахнула. Кажется, подцепила от него отношение к слезам, свойственное наземникам. Отчего бы еще сейнеру скрывать свои чувства? Погибли три человека — это печально.

Она сказала:

— Я сообщу Ярлу. Может быть, он не всех послал вниз.

Мойше вернулся в свое кресло и стал глядеть на стойку, считая заклепки и сварные швы. Когда долетят сангарийские ракеты?

Когда произошло нападение, это оказались не сангарийцы. Тупые акулы, сбитые с толку и разозленные появлением стольких еще кораблей, дос-

тигли критической массы эмоций. И напали со всех сторон.

Из операционного сектора просачивались обрывки новостей. Были плохие, были хорошие. Сангарийцам приходилось несладко. Но напавшие на траулерный флот акулы сосредоточились на «Данионе».

В море пустоты сервисные корабли убивали акул; иногда акулы убивали их. Сангарийцы тщетно отмахивались от врага, невидимого для их оборудования, в то же время с глупым упрямством пытаясь занять выгодную позицию для атаки на траулерный флот. «Хилая надежда, — подумал Мойше. — Акулы ими займутся. Да, но кто потом займется акулами?»

Дрожь «Даниона» стала постоянной. Все его оружие было пущего в ход, стреляя что по сангарийцам, что по акулам. Бен-Раби недовольно скривился, прикинув, чем вооружен огромный корабль.

Он со своей командой ждал в сердце огромной машины, он чуял их страх, а они — его. Эми под его рукой дрожала, как перепуганный кролик. Каждый раз, когда акулы пробивали защиту, вопили сигналы тревоги, но в контроль повреждений Юга пока еще аварийные вызовы не поступали.

Под крышей страха начинала вариться храбрость. Уже не было напряжения между наземни-

ками и сейнерами. Их связало противостояние смерти, которая лишена расовых предрассудков.

«Данион» качнулся. Сирены заскребли злобными когтями по миллиону досок. Крики офицеров слились в общий гвалт. Аварийная группа контроля повреждений бросилась в электрокар и полетела на помощь техникам пораженного сектора. У них за спиной настроение людей становилось постепенно гробовым, когда страх, уже не в силах себя поддерживать, рухнул на уровень вниз и стал парализующим ужасом. Каждый из техников сидел отдельно от других, погруженный в свои мысли.

Стали поступать доклады о повреждениях. Десять процентов населения «Даниона» были мертвы или отрезаны от главных систем жизнеобеспечения. Электрокары вышли из строя. Уцелевших надо было быстро вывозить, пока не отказали аварийные системы.

А Мойше сидел, ничего не делая, и ждал своей очереди умирать.

Где-то в огромном ничто командующий пиратской эскадрой сангарийцев решил, что с него хватит. Его корабли вошли в гипер, оставив звездоловам свою долю призрачных врагов.

— Скафандры! — приказал сейнер с окаменевшим лицом, инструктируя сотрудников контроля

повреждений, когда дошли вести. Он предвидел конец.

Они надели скафандры из аварийных шкафов. Бен-Раби, натягивая свой, успел подумать, что впервые это всерьез. Обычно это бывала тренировка или учебная тревога.

Интересно, почему до сих пор не появился Маус? Оказался в отрезанном секторе? Он спросил у Эми.

— Нет, там еще нет повреждений. Наверное, у Ярла не было пока шанса что-нибудь сделать. Очевидно, наших людей всех поставили к орудиям.

«Данион» вскрикнул и завертелся под ними. Мойше упал. Сервомоторы скафандра завывали и поставили его на ноги. Гравитация забарахлила. Он всплыл в воздух и тут же тяжело рухнул. Свет мигнул, погас и вернулся, когда в линию поступило аварийное напряжение.

Какая-то акула вцепилась в силовой узел и двигатели «Даниона».

Кто-то что-то ему орал. Эми?

— Что?

Он не мог сосредоточиться, понял только, что его группа идет на выход, и успел вспрыгнуть на электрокар, который уже поехал. Руки сейнеров тащили его через борт.

Через двадцать минут, в какой-то части корабля, где была ядерная станция, командир группы приставил его перекрывать и чинить сломанные системы трубопроводов. Были разорваны целые коридоры, пробоины открывались в ночь. Иногда он видел ее, беззвездную, пока работал, но никаких мыслей она не вызывала. Он был слишком занят.

Прошли часы. Когда ликвидировали все течи из труб и можно было перевести дух, он заметил разорванный вакуумом труп в переплетении кабелей, темное пятно на фоне внешнего сияния. Тут он остановился. Космос. Если это то, чего ему не полагается видеть, то он обязан посмотреть. Он подошел к дыре, ничего не увидел. Оттолкнув труп, он выглянул наружу. Все равно ничего. Ни звезд, ни созвездий, ни Млечного Пути. Ничего, лишь переплетение траулера, подсвеченное сиянием ниоткуда.

Не зная сам сколько, он там стоял, застыв в неверии. Ни одной звезды. Где же это они, если здесь нет звезд?

Траулер медленно поворачивался. Из-за труб, конструкций, парусов появлялось что-то — источник сияния. Он узнал его, но не хотел сам себе поверить. Это была Галактика, вид сбоку из-за ее пределов. Какой же объект за пределами Галакти-

ки был настолько близко, что корабль мог его достигнуть?

Вдалеке другой траулер заискрился под атакой акул. Пока бен-Раби работал, «Данион» несколько раз вздрогнул, но серьезных попаданий не было. А сейчас на другом корабле произошел взрыв. Из прорванных корпусов вырвались газы. Но глаза бен-Раби ушли в сторону, прикованные к яркому пятну размером с монету, восходящему с направления вращений корабля.

Это была планета. Самосветящаяся, без солнца. Такая могла быть только одна...

Звездный Рубеж.

Верная смерть для всякого, кто подойдет близко.

Что эти сейнеры делают? Они сошли с ума? Ищут смерти?

Что-то взорвалось, расцвело на фоне Галактики в сто раз ярче ее, огонь, похожий на пламя взорвавшейся звезды. Это траулер занялся пламенем, которое могла поджечь только многомерная акула. Они стали хитрее, они теперь пускали газы антиматерии, поглощавшие все. Краем сознания он спросил себя, как мог бы и звездолов: не послужит ли флоту смерть этого корабля? Не погибают ли в этом пламени и акулы?

Взгляд его вернулся к Звездному Рубежу. Все мифы о нем всплыли в памяти. Он не сомневался,

что сангарийцы вернутся. Не в их стиле отступать, когда ставки так высоки, а на кон было поставлено куда больше, чем даже источники амбры.

Он знал, зачем пришли сюда сейнеры. Как и все, кто искал Звездный Рубеж, они хотели заполучить баснословное оружие цитадели. Столетиями пытались авантюристы овладеть этой планетой. Тот, кто владеет ее вечной мощью, тот и будет диктатором во всем Рукаве. Ни одна современная система защиты не устоит против оружия Звездного Рубежа. Тем более акулы. Это оружие было тем спасением, на которое дерзал надеяться Пейн.

Какая призрачная надежда! Бен-Раби знал, что защиту этой планеты преодолеть невозможно. Не мог пока ни один боевой флот.

Кто-то тронул его за плечо. Человек прислонил свой шлем к шлему бен-Раби, и звук передавался непосредственно.

— Отходим. «Данион» получил попадание между нами и центром. Отходим, чтобы нас не отрезало.

В этих словах было много печали, но мало того страха, который ощущал бен-Раби.

Они добрались до центра контроля поврежденных Юга, но пришлось несколько километров идти пешком через участки, которые были будто бы пережеваны оружием Флота. Мойше трудно было

поверить, что все это сделала тварь, которой даже не видно.

Для них было подготовлено помещение для отдыха с едой и питьем, достаточно безопасное, чтобы они рискнули снять скафандры.

И Маус там был, раненый и окровавленный.

— Маус! Какого черта!..

— Надо было сразу ее валить, Мойше. Она меня перехитрила. Теперь она где-то пакостит.

Корабль был огромным и запутанным. Исчезнуть ей было легче легкого.

— Как?

Мойше осмотрел левую руку Мауса. Она была изогнута под странным углом. Кто-то наложил Маусу турникет.

— Чем-то вроде топорика.

Лицо у Мауса было изможденным и бледным, но он не протестовал против грубого прикосновения рук бен-Раби..

— Ты что, задремал? Это на тебя не похоже.

— Ага. Мы играли в шахматы...

— Шахматы? Ради Господа Бога...

— Она отлично играет. Для женщины. Поймала меня, когда я собрался ставить мат.

Бен-Раби затряс головой.

— Ты серьезно? — Да, можно было себе представить. Самоуверенный Маус предложил партию,

чтобы убить время, и слишком углубился в расчет вариантов, чтобы вовремя среагировать. Глупо, но в его характере. — Сколько раз я тебе говорил, что они доведут тебя когда-нибудь до беды?

— Черт побери, Мойше, не надо меня воспитывать. Хотя бы не сейчас. Ты лучше сделай что-нибудь с моей рукой, а то всем вокруг наплевать. Я могу ее лишиться, а у этих клоунов нет восстановительной хирургии.

— Эми! Где Эми Кольридж? — Бен-Раби бросился ее искать и нашел. — Ты видела Мауса? Ему срочно нужен врач.

— Я видела, как он шел. Он уже по дороге туда. Эта женщина?

— Ага.

Что сейчас делает Мария?

Это была цена за то, что на Сломанных Крыльях он не дал Маусу поступить по-своему. Кровь друга горела на его руках, а в мозгу горела эта ее железная улыбка. Какие бы чувства ни были у него к ней — или у нее к нему, но они принадлежали к враждебным племенам. И это было главным. В конечном счете никто из них не имеет права давать пощады.

— Я этим займусь, Маус, — шепнул он другу. — Не отпуская пока Эми. — Он встал. — Любимая, ты

присмотри за ним, ладно? Я через пару минут вернусь.

Она ни о чем не спросила, решив, наверное, что он идет в туалет.

В инструментальной он взял старый лазерный резак модели «Такади-4». Этот легкий инструмент был предназначен для подрезки металлических листов. Кладовщик ни о чем не спросил.

Бен-Раби выскользнул из помещения контроля повреждений в чей-то пустой кабинет рядом. Всего несколько минут ушло на переделку резака, которой его обучали в школе Бюро, и у него в руках оказалось громоздкое лазерное ружье. Потом он угнал скутер и уехал.

Переделывая резак, он пытался воспроизвести ход мыслей этой женщины. Он предположил, что она не знает, что напали акулы, а не ее соплеменники. Она попытается вывести корабль из строя, не нанося повреждений. По специальности она работает с атмосферой...

Она направится к главным вентиляторам. Перерезав подачу кислорода к операционному сектору, она его захватит.

Он летел по коридорам, лихорадочно пытаясь вспомнить путь к вентиляторам. Казалось, что судьба твердо решила ему воспрепятствовать. Разрушения приходилось объезжать долгими окольными

путями. Пережидать на перекрестках движение аварийных групп. Его все время останавливали и говорили, чтобы он надел скафандр. У скутера подсели аккумуляторы, и он еле полз. Пришлось километр пройти пешком, пока удалось угнать другой.

Когда же он добрался до цели, то понял, что угадал. Закрытую дверь вентиляторной сторожили изнутри мертвецы. Оружие, если оно у них было, исчезло. Мойше посмотрел на то, что держал в руке. Сработает ли?

Вентиляторный зал был обширен. Он обслуживал только сердце «Даниона», но все равно это были джунгли машин и труб. Здесь перегоняли и очищали чертову уйму воздуха...

И где-то здесь она была, старавшаяся убить их всех.

Полчаса пролетели со скоростью бегущей антилопы. Он бродил среди бробдингнеских машин и ничего не нашел. «Данион» все еще вздрагивал, но битва шла так давно, что он уже не обращал внимания. В нем воцарился непобедимый фатализм, ощущение полного бессилия в этой подавляющей ситуации.

Но черт побери! Стычка оказалась упорной.

На него наваливалась усталость. За спиной было двадцать часов тяжелых изматывающих эмоций.

Он ползал, карабкался, залезал на шесты самых высоких мостков, откуда были видны почти

все приборы управления. Но видел он только пустые кресла, где полагалось бы сидеть дюжине техников. Еще в двух беспомощно болтались трупы. На алюминиевой решетке пола сломанной куклой валялось чье-то тело.

Она здесь побывала. Что она делает теперь?

Ответ на вопрос пришел сам собой. Она появилась, будто материализовалась из воздуха, двигаясь между панелями и включая задвижки.

Бен-Раби навел свое самодельное оружие.

— Мария... Мария...

Ее имя сорвалось с языка помимо его воли. Она была ему ближе, таилась в скрытой части его сознания глубже, чем он сам думал.

Голова ее дернулась, обернулась. Прищуренные глаза осматривались. И насмешливая улыбка расплылась по ее лицу.

— Мойше! Ты-то что здесь делаешь?

Она следила за ним бегаящими глазами, рука ее дергалась возле похищенного оружия в кобуре. Она была испугана. И она хотела стрелять.

— Ты пытаешься нас убить? — прохрипел он.

Абсолютно идиотский вопрос. Конечно, пытаются. Чего он ждет? «Жми на курок, жми на курок!» — пытался крикнуть он сам себе.

В своем воображении он делал это уже миллион раз. Этот образ пистолета... Давай! Давай!

Он не мог. На этот раз все было по-настоящему. Это не была сумасшедшая греза наяву, всплывшая из низов подсознания. Имел ли вообще этот образ пистолета хоть какое-то отношение к настоящему оружию?

Она переступила через мертвого сейнера.

— Мойше, как ты можешь такое говорить? Только не тебя. Тебя мы эвакуируем.

Эвакуируют — в Ад, наверное. Эта ложь была видна за километр. После Сломанных Крыльев и рейда фон Драхова? Если он сейчас чего-нибудь не сделает, она ему печень вырежет и съест на завтрак.

Она снова попала в прицел, но он не мог. Так легко казалось это сделать, когда он был зол. Маусу это было бы легко... легко ли? Бисеринки пота выступили на лбу; он пытался заставить себя спустить курок.

Прицел ушел в сторону.

Это движение его выдало. Улыбка ее взорвалась сабельным лязгом смеха, оружие прыгнуло ей в руку, и рука взлетела.

Он среагировал. От ее выстрела раскалился докрасна металл там, где он только что стоял. Но он двигался через открытое пространство. Палец его уже не был парализован, хотя выстрелил он наудачу, срезав секцию консоли. Он нырнул под

прикрытие какой-то большой машины. Машина, ничем не интересуясь, ворчала что-то про себя. Как многие люди, она ничего не будет делать, пока ее не тронут, а тогда будет только стоять на месте и вопить.

До него донесся издевательский крик Марии. Слов он не мог разобрать, но это было не важно. Она хотела вывести его из себя, чтобы он снова показался. Лучи лизали его укрытие, и металл оплывал язычками, как свечной воск.

Он был перепуган. Слишком на этот раз он глубоко заплыл. Нырнул туда, куда боялся нырнуть еще с первого задания на работе у Бэкхарта.

В приступе сумасшедшего юмора висельника он подумал, что смерть зато положит конец всем его психологическим трудностям.

Но и он сам, и эта женщина были слишком уверены в его бессилии, в его неуверенности, недостатке решительности. Что-то треснуло в нем. Что-то проклюнулось из яйца тьмы, лежащего в глубине его «я». Вдруг он понял, что есть что-то, во что он может верить, что-то, за что стоит драться. Это пыталось прорваться в нем с самого начала.

Он улыбнулся, потом засмеялся горькой иронии судьбы. Его Грааль. Он нашел его на дорогах Ада, и теперь он умрет. Это корабль. Это народ сейнеров.

Непостижимая глупость — он шагнул на открытое место. Женщина так удивилась, что на секунду замешкалась. А он — нет. Он выстрелил первым. Рука его была тверда, прицел верен. Как его учили.

Безумие момента прошло. Он был теперь так же пуст, как тогда, когда вошел в космопорт Блейксити. Так нашел ли он хоть что-нибудь, в конце концов? Или просто его тяга к оружию нашла себе оправдание в этой световой феерии?

Он еще стоял над ней, когда прибыли люди Киндервоорта. Сколько он там пробыл, он не знал. Пока он ждал, бой уже затих. Оказывается, он вернул на место все переброшенные ею переключатели, хотя и не помнил этого. Операционный сектор получил отчаянно необходимый ему кислород.

Когда его нашли, он плакал. Интересно, сколько времени он этим занимался? Маус иногда проливал слезы после акции, будто свежий труп был его любимым братом. Он считал, что так Маус разряжает свои сдерживаемые эмоции, когда никто не может схватиться за ручку управления его души.

Кто-то высвободил лазер из его судорожно скрюченных пальцев.

— Мойше? — позвала Эми. — Как ты?

Он схватил ее, крепко прижал к себе. Она была теплым огнем в холодной, темной и пустой пеще-

ре. Она позволила ему в себя вцепиться, потом высвободилась, все так же держа его за руку выше локтя. Она была чуть отстраненной, слегка перепуганной. И кто бы не был после того, что он только что сделал?

— Пойдем. С тобой хочет поговорить Ярл.

Он кивнул. Да. Киндервоорт точно захочет знать все подробности. Старый доктор Череп будет тыкать, щупать, пытаться поднять крышку его души. Даже в день битвы Киндервоорт не станет спускать глаз с крови своего корабля — именно этим были для «Даниона» люди. Траулер был воистину живым существом, а люди внутри него — специализированными клетками.

Он позволил Эми себя увести, но бросил последний взгляд на Марию. Люди Киндервоорта делали снимки и записывали что-то на ленты. Санитары грузили тела на носилки. Техники вились возле поврежденной консоли и пытались уговорить системы держать нормальные показатели атмосферы... Но его глаза видели только Марию.

Марию. Она мертва. Теперь он мог отпустить свою душу и называть ее по-другому, чем просто «сангарийка».

Он не знал, почему и как, но он, наверное, любил ее — как-то странно, психотически. А может быть, он был влюблен в смерть, символом

которой она была. Но вот она лежит здесь, некрасиво-раскинувшись, сломанная. И ему стало чуть свободнее. И печальнее.

В кабинете Киндервоорта было столпотворение. В спешке вбегали и выбегали люди, толпились на подходах. Мойше подумал, что сейчас подобное творится во всех кабинетах на борту корабля. Работы теперь хватит на всех и надолго.

Киндервоорт протолкался к ним:

— Мойше! Эми! Давайте в кабинет.

Он проложил им дорогу, плюхнулся за свой стол и заявил:

— Слава Создателю за это затишье. Я одиннадцать часов из скафандра не вылезал. Чуть не спятил. Так можно клаустрофобию заработать. Ты как себя чувствуешь, Мойше? Вид у тебя что-то бледный.

Бен-Раби сидел, упираясь локтями в колени и глядя куда-то в бесконечность. Он пожал плечами.

— Очень долго ты заставлял меня за себя волноваться, Мойше, — сказал Киндервоорт. — Ты был такой одинокий, погруженный в себя, бесполезный. Совсем не такой, которому хочется заплатить вперед. Не знаю, каким я ожидал увидеть лучшего человека Бэкхарта, но точно не таким, как ты. До сегодняшнего дня. Когда ты действовал так, как был должен. Интуитивно, быстро, верно и эффективно.

Так, как мне было сказано ожидать. И с почерком. И со своим. Разве что ты сказал Маусу?

Киндервоорт сложил пальцы домиком у себя перед лицом. Он думал вслух.

— Теперь расскажи мне, что произошло. Бесцензурную версию.

Мойше начал рассказывать, и это помогло. Начал он с самого начала и рассказал все, полагая, что Ярл знает достаточно, чтобы обнаружить пропуск главных моментов. Он старался быть объективным.

Киндервоорт кивал, иногда что-то машинально чертил перед собой, один раз попросил каких-нибудь подтверждающих сведений. Некоторые моменты он просил повторять. По сравнению с отчетами в Бюро это был блаженный отдых. Киндервоорт попросил Эми позвонить и проверить, что Маусу оказана медицинская помощь.

Бен-Раби рассказал обо всем, кроме спрятанного оружия.

Когда он закончил, Киндервоорт спросил:

— Сегодня для тебя что-нибудь изменилось? Готов ты перейти к нам?

Мойше обдумал это. Глубоко. Он хотел стать частью того, что здесь нашел. Но не мог. На условиях Киндервоорта — не мог.

— Нет, Ярл. Не могу.

Эми была разочарована. Он этого и ожидал от нее. Симптомы были безошибочны — у нее были планы. Колокола и белый атлас и прочая архаистическая экстравагантность.

— Зачем ты тогда преследовал Гонзалес? Мы бы ее в конце концов взяли. Может быть, слишком поздно, чтобы спасти операционный сектор, — признал он, — но взяли бы.

Бен-Раби не мог заставить себя ответить правду. Наземники не мстят за друзей. У них нет друзей, за которых можно мстить. А он не хотел, чтобы они знали главный закон Бюро: ни один удар по людям на его стороне не должен остаться безнаказанным.

— Очень просто. Хотел спасти свою шкуру тоже.

Он кратко описал то, что произошло на Сломанных Крыльях.

— Жаль. Я хотел бы, чтобы ты сделал это для нас... Если передумашь... Я бы хотел иметь тебя в своей команде, Мойше.

— Не на твоих условиях, Ярл.

Киндервоорт был озадачен. Он начал было что-то говорить, но его перебил зуммер коммуникатора. Ярл нажал кнопку и произнес:

— Киндервоорт, Безопасность. — Он все еще смотрел на Мойше, хмурясь.

— Леклер, Контакт, — произнес тоненький голосок. — Есть у вас там наземник по имени... сейчас посмотрю... бен-Раби? Мойше бен-Раби?

— Да. Он сейчас у меня.

— Отлично. А то целый день его ловлю. Это тот, с головными болями?

— Он самый.

— Вы не знаете, он проходил тесты Уорнера?

— Нет. Он же наземник.

— Но у него есть проявления?

— По-моему, в полную силу. Мне кажется, что это регулярная и интенсивная контактная реакция.

Мойше начал чувствовать себя образцом на стеклышке микроскопа.

— Отлично. Посылаю за ним человека. Приоритет альфа. Старик дал добро. Бумаги пришлю потом. Конец связи.

— Конец связи, — повторил недоумевающий Киндервоорт. Он откинулся в кресле, критически оглядел Мойше, помолчал и сказал: — Что ж, обстоятельства меняются. Отчаянные времена наступают. Надеюсь только, они знают, что делают. Мойше, когда закончишь у контактеров, отдохни как следует. Эми, ты проследишь. Потом доложишь мне.

Мойше переводил глаза с Эми на Киндервоорта. Оба они были потрясены и взволнованы.

Что тут творится, черт их всех побери? Для него этот разговор по коммуникатору не имел смысла, а эти двое задержались, как кошка на раскаленной крыше. Что еще за тест Уорнера? Что им за дело до его мигреней?

Он изучал реакцию Эми. Он вспомнил тот приступ, который случился с ним при включении инстела. Тогда она точно так же нервничала.

Он сто раз пытался у нее выяснить, почему его мигрени так важны. Она не отвечала.

Видит небо, как они были важны для него. Они стали одним из центров его жизни. Их было столько, что он научился ловить малейшие симптомы-предупреждения и тут же глотал лекарства.

Но какое-то время они его не очень беспокоили. Пока «Данион» не прибыл сюда. Последние дни он глотал пилюли горстями регулярно, уже не ожидая симптомов. Что это могло значить?

— Ладно, — сказал Ярл, — у меня тут работы тонны. Разобраться, пересчитать тела, информировать родственников. Эми, отведи его к контактерам, а сама иди чуть поспи. Перерыв вряд ли продлится долго.

Она взяла бен-Раби за руку и повела к двери. Почему она так молчалива? Из-за Марии?

Когда он уже закрывал за собой дверь, Киндервоорт позвал:

— Мойше! Спасибо.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ:
3049 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», ТЕПЕТЕХИ

Человек, примчавшийся за Мойше, как метеор на оранжевом скутере, был одет в джемпер, который бен-Раби еще не видел. Он был черным с серебряной отделкой, а не грязно-белый, как у технических групп. Мундир операционного сектора.

У человека был вид и запах, будто он неделю уже ходил в этой одежде, не снимая.

— Ищу человека по имени... — он взглянул на карточку, — бен-Раби. Мойше бен-Раби. Что это за имя?

— Литературная аллюзия, — ответила Эми. — Вот он.

— Отлично. Тедди Ларкин, Контакт. Вы кто?

Он был бесцеремонным. И усталым. Такой был вид, будто вот-вот свалится. Мойше ему посочувствовал. Он сам еле держался на ногах.

— Амарантина Амариллис Изольда Галадриэль де Кольридж-и-Гутьерец! — отрезала Эми.

— Во как. Ладно, бен-Раби, поехали. — Он направился к скутеру.

Мойше не двинулся с места. Он пытался усмирить свою злость. Грубость Ларкина можно было извинить усталостью, но на уровне эмоций Мойше не мог этого спустить. И еще ему показалось, что Ларкин всегда себя так ведет.

Ларкин дошел до своей машины, заметил, что Мойше не побежал послушно следом.

— Тащись быстрее, землеройка! Волоки свою зад...

Бен-Раби уже был здесь. А Тедди оказался там, сидя на стальной палубе и гадая, что его стукнуло.

У последней его реплики оправдания не было. «Землеройка» — это было самое презрительное название у сейнеров для жителей планет. Бен-Раби уже был рядом с ним. Он готов был прогнать Ларкина по всему коридору, как футбольный мяч.

Его остановило прикосновение Эми.

— Веди себя прилично, обезьяна! — рявкнула она на Ларкина. — Или твоя грязная пасть будет сегодня второй, которую он заткнет.

Ларкин воспринял это как насмешку и направился к Мойше.

Бен-Раби пару раз приложил его об переборку, потом бросил на палубу.

— Я говорю буквально, — пояснила Эми. Ее эмблема полиции теперь просто горела — тоже в

буквальном смысле. — Как у вас было сегодня с воздухом?

— А? — У Ларкина глаза полезли на лоб, и он побледнел.

— Ага. Кажется, ты меня понял, — сказала Эми.

Мойше медленно расслабил мышцы.

— Постели постель к моему приходу, любимая, — сказал он, посылая ей воздушный поцелуй. Это чтобы разозлить Ларкина. «Хотели бы вы, чтобы ваша сестра вышла замуж за...» — Я буду спать целую неделю. — Он подошел к скутеру и сел на пассажирское сиденье. — Готов, Тедди.

Ему пришлось вцепиться в поручни, как в спасательный круг. Кажется, этот скутер был создан для гонок. Его водитель был психом, которого не научили отпускать педаль хода хоть на миллиметр.

— Чего так спешим?

— Меня обещали отпустить поспать, когда я тебя привезу.

— Большая герметическая дверь закрылась за ними, как только они въехали в операционный сектор. «Запечатали», — подумал Мойше. Тут же в нем слегка всколыхнулся страх. Он нервно огляделся. Операционный сектор казался спокойнее, выдержаннее, не таким суматошным, как тот, в котором он жил. И битва его с виду затронула меньше. Не ощуща-

лось замешательства. Люди казались более уверенными, спокойными, не так спешили. Он подумал, что так и должно было быть. Им приходилось думать, как увести «Данион» от разгрома. Бой остановился, но был еще не окончен.

Ларкин ударил по завизжавшим тормозам, и Мойше чуть не вылетел из скутера. Ларкин провел его в большой зал, набитый сложной электроникой.

— Секция контакта, — буркнул он, снисходя до объяснения.

Сюда бой добрался. В воздухе висел едкий дым. Он все еще клубился, выходя из одной приборной стойки. Под его вонюю ощущался озонный фон. Под стеной были сложены раненые, ожидая прибытия санитаров — не менее дюжины носилок. Но корпус остался цел. Скафандров не было видно.

Ларкин подвел Мойше к человеку, старше которого он на «Данионе» еще не видел.

— Бен-Раби, — сказал он и тут же исчез.

Ожидая, пока старик заметит его присутствие, Мойше осматривал зал. Он казался гибридом капитанского мостика и пассажирского отсека лихтера. Стены были заставлены оборудованием обработки данных, консолями и экранами, о смысле изображения на которых трудно было даже строить догадки.

Сейнеры в черном сидели плечом к плечу, смотрели, что-то делали и говорили вполголоса в миниатюрные микрофоны. Пол комнаты был заставлен рядами коек, на которых лежали другие сейнеры в массивных пластиковых шлемах, закрывающих всю голову, и на этих шлемах мелькали сигнальные огоньки. Рядом с каждой койкой стояла неподвижно еще пара сейнеров. Один изучал сигнальные огоньки шлема, другой не отрывал глаз от небольшой квадратной машины, неприятно похожей на диагностический компьютер. Непрестанным менуэтом двигались между койками ремонтники, проверяя пустые койки на дефекты.

Наконец бен-Раби углядел что-то знакомое. Это был дисплей звездного глобуса, черневший незаметно в дальнем углу. У его центра находились десять золотистых мячей, очевидно, изображавших траулеры. Он предположил, что быстрые и юркие золотистые иглы — это вспомогательные корабли. Они маневрировали вокруг алых предметов, смутно напоминавших земных акул. Значит, крошечные золотые драконы на периферии — это далекие рыбы. Звездный Рубеж — это более густая тьма, выкусившая бок у дисплея. Ничего, что могло бы изображать флот сангарийцев, он не заметил. Хотелось ожидать, что они больше не появятся, хотя это было не в их стиле, и он на это не надеялся.

— Мистер бен-Раби? — позвал его старик.

— А почему драконы?

— Образ из нашего разума. Сами увидите.

— Не понимаю.

Вместо ответа старик изложил приготовленную речь:

— Вам никто ничего не объяснил? Так вот, у нас отказали двигатели, кроме ментального. Акулы не могут вывести его из строя, пока не доберутся до нас здесь или пока мы не перестанем получать энергию от рыб. Но у нас серьезные проблемы, мистер бен-Раби. Ментодвигатель у нас остался, но акулы выжгли мозги почти всем моим техникам. — Он показал на ближайшие носилки. Девушка только что из яслей улыбалась улыбкой, лишенной разума. — Потери таковы, что у меня кончились резервы. Я набираю даже слабочувствительных из экипажа. Вы подвержены мигреням, не правда ли?

Мойше смутился и кивнул. Снова они с этой головной болью.

Он уже несколько месяцев подозревал... но следствия из этого были такими ошеломляющими, что он не хотел верить. Эти все пси-штучки давно уже дискредитированы.

Может быть, если как следует об этом вспомнить, то этот человек и этот зал просто исчезнут:

— Мы хотим, чтобы вы вступили в контакт с рыбой.

— Нет! — Паника ударила, как молотом. Он даже не успел сам понять свой ответ.

Маленький бесенок по имени Лояльность, которого он слушал редко, толкал его согласиться во имя информации. Бэкхарт обрушит на него целое ведро медалей.

Он вспомнил внезапные ужасные боли в голове и страшные, призрачные сны. Он вспомнил ужас, испытанный во время невольного контакта со звездной рыбой.

— Не могу.

— Почему?

— Не знаю как.

— И не надо. Вас подключат техники, а всю работу сделает рыба. Вы будете только служить каналом.

— Но я устал. Я не спал уже...

— Этого можно не говорить. Остальные не спали столько же. Клара! — Он махнул рукой техникам, которые тут же подошли. — Клара, положите мистера бен-Раби на сорок третью. — Техники кивнули. — Бояться здесь нечего, мистер бен-Раби.

Мойше хотел выразить протест, что с ним обращаются, как с неодушевленным предметом, но у него уже не хватило воли. Техники положили

его на койку, и он покорился. В конце концов, он переживал и худшее.

Женщина, которую старик назвал Кларой, на- помнила ему профессиональную мать его детства. Она была седая, румяная, как вишня, и болтала что-то успокоительное, пристегивая его руки к подлокотникам кушетки. До того, как приняться за его ноги, она положила его пальцы на выключатели, которые надо было сдавить.

Ее напарником был темноволосый спокойный юноша, умело подготовивший голову Мойше к надеванию шлема. Для начала он натер волосы бен- Раби какой-то пастой без запаха, потом накрыл их чем-то вроде тонкой проволочной сетки для волос. Кожа отозвалась тысячей тонких иголок, которые тут же исчезли.

Он подумал, что принимает все это слишком покорно.

— Зачем вы меня привязываете? — спросил он требовательно.

— Чтобы вы себя не поранили.

— Как?

— Ничего страшного, не волнуйтесь, — ответила женщина и ласково улыбнулась. — Это просто предосторожность.

«Черт побери, — подумал он. — Нет уж, два ведра медалей».

— Приподнимите голову, пожалуйста, — попросил молодой человек. Мойше подчинился, и его голову поглотил шлем. Он ослеп.

Страх удвоился. Зеленый людоед с грязными когтями запустил мерзкие лапы ему в кишки, сжал, дернул. Сердце застучало тему боевых барабанов. В мозгу эхом зазвучали слова — Чижевский, из поэмы «Древний Бог»: «...кто пел густую тьму, драконов в небесах». Не звездных ли рыб имел в виду Чижевский?

Тело Мойше покрылось потом от страха. Может быть, контакт не сработает. Может быть, никто не вторгнется в его разум. Не в этом ли корни его страха? Он не хочет, чтобы кто-то или что-то копалось у него в голове, где залегло безумие за самым хрупким из барьеров.

Целый год он с ним боролся, чтобы взять под контроль... Пистолеты, драконы, головная боль, невероятные, навязчивые воспоминания об Элис, постоянная нестабильность... Углубляться в это он не смел. Слишком неустойчивым было равновесие.

Пистолеты! Не могли ли они означать оружие Звездного Рубежа? Не создал ли он этот искаженный символ как память о той части задания, которую психологи не хотели, чтобы он помнил?

Голос откуда-то:

— Мы готовы, мистер бен-Раби. — Голос румяной старушки. Очень старый способ успокоить мужчину. Он помог — слегка. — Сделайте один щелчок переключателем у вас в правой руке.

Он сделал — и потерял все ощущения. Он парил. Он ничего не видел, не слышал, не обонял. Остался наедине со своим терзаемым разумом.

— Неплохо, правда? — На этот раз она говорила голосом его профессиональной матери. Или его хитрый перепуганный разум сделал это голосом женщины его молодых лет. Она очень хорошо умела его утешать, когда он боялся.

— Когда будете готовы, сделайте еще один щелчок выключателем в правой руке, затем отпустите. Чтобы выйти, потяните *вверх* выключатель в левой руке.

Казалось, его рука двинулась по своей собственной воле. Выключатель ушел вниз.

Вернулись бывавшие у него сны: плывущий космос, галактики неправильного цвета, Звездный Рубеж в странной дымке, но яркий. Все это двигалось вокруг, как в аквариуме ситуационного дисплея. А он будто бы находился в середине аквариума, лишенный тела. Иглами сверкали сервисные корабли, путаницей проводов светились траулеры. Красноватые торпедами стремились в сторону Га-

лактики акулы. Вдалеке золотыми китайскими драконами маячили звездные рыбы. И они дрейфовали к нему.

Страх Мойше исчез, будто чья-то рука стерла его с доски разума. Осталось только всепоглощающее изумление.

И мягко, тепло, любовно, как нежная мать, зашекотал у него в голове голос:

— Это я. Звездная рыба. Головастик. — Будто колокольчики на ветру, зазвенело какос-то подобие смеха. — Смотри. Я покажу себя.

Маленький дракончик взмыл из приближающегося стада и сделал неуклюжий кувырок вперед. И почти сразу:

— Ой! Старейшинам не нравится. Опасно. Не время для развлечений. Но мы выигрываем, новый человек-друг. Акулы испугались, заметались. Слишком много кораблей людей. Бегут, некоторые. Убиты, много. Большой пир для падальщиков.

Радость этого существа была заразной, и Мойше подозревал, что у нее есть причины — если акулы действительно отстали от стада и флота траулеров.

Забавно. Его сознательный разум ни о чем не спрашивал, только принимал.

Страх его не исчез, только ушел вглубь, но созидание ночи не давало ему высунуться, заражая

бен-Раби собственным возбуждением. «Когда начнется это дело с энергией?» — подумал он. «Уже идет», — ответила ему звездная рыба. Он не чувствовал ничего, кроме того, что это создание, Головастик, исследует его разум, как привезенный на каникулы мальчишка исследует курортный отель.

— Победили в битве с акулами, победили в битве разума, — сказала звездная рыба, когда Мойше наконец овладел собой. — Но близится еще сражение, человек-друг Мойше. И плохое.

— Что?

И тут он впервые за все время понял, что действительно говорит разумом.

— Корабли-которые-убивают, плохие. Они возвращаются.

— Сангарийцы. Как ты узнал?

— Нет способа показать, рассказать. Они идут, сейчас в гипере. Твой народ, приготовьтесь.

Бен-Раби не хотел быть снаружи во время битвы. Он чувствовал себя голым, легкой добычей. Из глубин начал подниматься страх.

Но контроль звездной рыбы не ослаб. Вскоре Мойше забыл опасность, погрузился в окружающие его чудеса, следил за неуклюжим приближением драконов, маневрами сверкающих сервисных кораблей, в которых измотанные экипажи готови-

лись к новой битве. Над всем этим висела Галактика огромной слезой ночи, необозримая в своей широте. Насколько она была бы величественнее, если бы пыль не скрывала солнца в ее ядре? Неподалеку застыл в ожидании Звездный Рубеж, молчаливый, но яростный бог войны, не обращающий пока внимания на то, что творится вокруг. Мойше надеялся, что никто не пробудит его гнева.

— Идут, — сказал ему его дракон.

На фоне галактики появились пятна — это сангарийские рейдеры вышли из гипера. Глубоко в затылке, за ушами, Мойше ощутил легкую щекотку.

— Больше энергии, — сказал ему Головастик.

От места своего выхода рейдеры стали расходиться веером, как щупальца кальмара. Скоро они образовали чашу, обращенную к флоту траулеров. Это было очевидное предисловие к окружению.

Далекие и поредевшие стаи акул неуверенно закружились на месте и еще чуть отошли дальше. Они не были разбиты полностью.

В гуще сангарийцев вспыхнул огненный шар. Удачная мина попала в цель. Но это мало что значило. Численность и огневая мощь были на их стороне.

Только горсточка сервисных кораблей сумела сохранить боеспособность. Даже самые сильные

из траулеров потеряли при нападении акул часть огневой мощи и мощности двигателей. Ментодвигатели и вспомогательные для крутого маневрирования в бою были куда как недостаточны.

Бен-Раби ощутил какое-то изменение. Он заметил наконец огромные серебристые паруса, ранее спрятанные во время боя между выступами и орудиями «Данниона». Корабль был с виду так потрепан, поврежден, уязвим... Вокруг него кружилась буря осколков, притянутых его малой гравитацией.

Сангарийцы подошли ближе, но пока не нападали.

— Хотят уговорить Первого Человека-друга сдаться, — передал Головастик бен-Раби. — Создания с кораблей-которые-убивают хотят стадо без боя.

«Пейн не сдастся», — подумал он в ответ.

— Это правда, человек-друг Мойше.

Звездные рыбы подплыли ближе. Они были почти вплотную к сангарийцам. На этот раз они собирались вступить в битву, хоть и осторожно. Их враги все еще наблюдали издали, высматривая шанс разорвать в клочья флот и стадо.

— Битва скоро, человек-друг Мойше.

Медленный и статичный танец противостояния кончился. Переговоры провалились. Сангарий-

цы ударили сильно и быстро, открыв огонь по сервисным кораблям, чтобы показать серьезность своих намерений. Сервисные корабли стали уклоняться от огня. Вдруг ракеты оказались повсюду, чиркая, как осы на лету. Огонь лучевого оружия траулеров сплетал величественный узор смерти.

И Мойше был подавлен. Он не зря провел время на Флоте и в этом узоре видел неумолимое соотношение сил. Надежд на победу не было.

Головастик у него в сознании хихикнул:

— Ты видишь только часть узора, человек-друг Мойше.

Вдалеке одна из звездных рыб подобралась близко к рейдеру. Орудия корабля могли уничтожить дракона в мгновение ока, но корабль прекратил атаку. Он теперь просто дрейфовал, как лишенная жизни машина.

— Мы действуем на разум, — услышал Мойше. — Как Звездный Рубеж, с большой силой. Мы останавливаем корабли-которые-убивают, как мигает глаз, так быстро, если не надо бояться ни пушек, ни полей двигателя.

Замолчал второй рейдер, потом третий и четвертый. Мойше уже был не так пессимистичен. Рейдеры были объединены в сверхкоманду главным компьютером флагманского корабля. Этот

компьютер сожжет свои сверхпроводники, пытаюсь перегруппировать поля обстрела так, чтобы компенсировать огонь выбывших из строя. Если он хоть чуть-чуть заколеблется, станет хоть чуть не уверен в выборе вариантов...

Слишком осторожная звездная рыба изрыгнула шар внутреннего огня. Микросолнце медленно прокатилось по космосу, поглотив еще один рейдер.

— Плохо, человек-друг Мойше. Старейшины сердятся. Выдал неожиданное нападение.

Полусфера сангарийцев уверенно смыкалась. Вдруг ее диаметр резко уменьшился. Траулеры бросили в бой все, что могли, огонь был плотнее, чем бен-Раби приходилось видеть, но его еле хватало на нейтрализацию огня противника. Способность атаковать, по всей видимости, была потеряна.

Звездные рыбы ментально сожгли еще один рейдер, и выяснилось, что Головастик и Старики были правы. Огненный шар их выдал. Мойше ощутил глубокую печаль своего дракона, когда один из стада исчез под огнем сангарийцев.

Звездные рыбы поставили барраж огненных шаров и поспешно отступили. Почти все шары были разбиты ракетами сангарийцев.

Сфера вокруг траулеров сомкнулась. Она сжималась, как рука в кулак. Отчаянный командир,

пилотирующий уже на три четверти мертвый сервисный корабль, пробил в этой сфере небольшую дыру, таранив рейдер и взорвав его двигатели.

«Узнают, что такое битва», — подумал Мойше. Головастик не ответил.

Сангарийцы бросились в атаку. Их корабли стали выстраиваться по направлению к Звездному Рубежу. Вдруг Мойше понял их стратегию.

— Они гонят нас на акул!

Снова его дракон не ответил, только еле слышно, как легкий ветерок зашекотал на пределе чувствительности.

Кажется, за время своего отсутствия сангарийцы подрегулировали свою аппаратуру. Теперь они явно без труда обнаруживали акул. И с тех пор, как звездные рыбы себя выдали, они и драконов без труда держали на расстоянии.

Вдруг Головастик вернулся в его разум.

— Работает, человек-друг Мойше. Терпение. Мало времени поболтать. Тяжело вдумывать мысли в командиров кораблей-которые-убивают и машины-которые-думают. У сангарийцев другой ум. Не такой, как у людей.

И дракон растаял.

«Что это? — подумал Мойше. — Звездные рыбы пытаются управлять сангарийцами?»

Рейдеры сгрудились и ударили. Акулы заматались, будто смутно осознавая, что их тянут в адскую карусель. Звездные рыбы потянулись в свою сторону, будто прикрывая отступление флота.

— Готовься, человек-друг Мойше!

Это был внезапный рев и единственное полученное им предупреждение.

Щекотание в корнях мозга вдруг превратилось в пылающий поток. Больно! О Господи, как это больно! Жгучая мощь лилась и кипела в нем, вливаясь в то, что использовал «Данион» для ее превращения, и переливаясь в серебристые паруса. Мойше один миг следил за ее потоком, потом исчез в океане боли.

Траулер двинулся в сторону сгрудившихся рейдеров, не от них, а к ним, стреляя из всех видов оружия, без наводки, просто создавая непрошибаемую стену разрушения. Собравшиеся компактной группой сангарийцы не могли полностью привести в действие свою огневую мощь. Они колебались... колебались...

Один из рейдеров взорвался, оставив брешь в схеме ведения огня. Начал разваливаться еще один.

Точно так же действовали сервисные корабли. Один из траулеров прекратил огонь — его источник дополнительной энергии истощился. Ракеты сангарийцев принялись разносить его в клочья.

Бен-Раби ощутил все ту же бесконечную печаль.

Противник стал сдавать назад — это не было отступление, просто его сдвигала непреодолимая сила. Это не могло длиться долго, но ярость траулерного флота сейчас превосходила ярость пиратов.

Вдали звездные рыбы вдруг ударили на акул, которые в панике рассеялись. Со стороны драконов этот удар был чистым блефом. Если бы акулы решительно бросились в атаку, они бы уничтожили стадо в считанные минуты.

Через весь мозг бен-Раби пронесся крик, сумасшедший бормочущий голос, визжащий страх и неуверенность. Он был так силен, что поглотил и заглушил боль. Он не понял этого касания разума, уловил только предупреждение и ужас.

Фантомы и гротески из самых безумных средневековых видений окружили его в космосе. Это могли быть горгульи или горгоны, извивающиеся кошмары Босха, сплошные когти, клыки и пламя, и они стали реальнее кораблей. Каждое видение визжало: «Беги или погибнешь!»

«Я совсем спятил, — подумал он. — Мозг развалился под тяжестью контакта. Они не могут быть настоящими».

И он сам вскрикнул.

Тогда пришло теплое чувство, успокаивающее, утишающее страх, отодвигающее безумие. Дракон сказал ему:

— У нас получилось, человек-друг Мойше. Может быть, мы победим. — Потом, мрачно: — Чудовищ насылает Звездный Рубеж. Он действует на разум страхом и видениями. Машина планеты сошла с ума. Безумная машина использует оружие безумия. Потом другое оружие.

Смотри, человек-друг Мойше!

Защищенный прикосновением Головастика, Мойше повернул мысленный взгляд на увеличившийся с их приближением Звездный Рубеж. Сангарийцы виднелись силуэтами на сияющем диске планеты. Лицо бывшего за ними мира было поражено болезнью. Рябило от десятков тысяч черных точек.

Диск уменьшался. Траулерный флот бежал, стараясь рассеяться как можно быстрее. Мойше подзревал, что если бы флот мог, он ушел бы в гипер. Но на ментодвигателе этого не сделать.

Сангарийцы тоже не могли прыгнуть, скованные командующим боевым компьютером. Снять блокировку и развить коэффициент влияния — на это нужно время.

Но они пытались это сделать, находясь на две тысячи километров ближе к миру-крепости. С

отчаянием приговоренных они ломали блокировку, рассеивались, выпускали защитные ракеты, старались набрать коэффициент влияния.

Но у них не было времени. Оружие безумного мира ударило по ним раньше.

— Закрой разум! — высоко вскрикнул Головастик. — Уходи! Мощность уже не падо! Спасай ум!

Как? Он не мог вспомнить. Это было как в кошмаре, когда никак не уйти от погони.

К левой руке вернулась чувствительность. На ней лежала другая рука, поднимающая ее вверх. Он вернулся в реальность зала контакта.

Он чувствовал шлем на голове, кушетку под собой — и невероятное ощущение потери. Ему уже не хватало его дракона, и теперь, страдая без Головастика, он лучше стал понимать звездоловов. Может быть, контакт — это была одна из причин, по которой они держатся вдали от миров людей. Граница рыба — звездолов была рубежом новой вселенной.

Может быть, лишь один из тысячи сейнеров за всю свою жизнь испытывал контакт, но этот мог поделиться зрением со своими слепыми братьями... Там, снаружи, он испытал бурю самых разных эмоций. И только одного не было, пока у него в разуме был Головастик. Обычной, ежедневной

небезопасности, которая так формирует жизнь человека.

Он плавал в собственном поту. И дрожал от холода, будто температура тела за время контакта упала на несколько градусов. В зале было безмолвие. Где его техники? Он один? Нет. Ведь кто-то помог ему выбраться.

Все эти мысли, рефлексии и страхи заняли долю секунды. А потом...

Голова взорвалась молнией мигрени, самой внезапной и страшной за всю его жизнь. Она парализовала сознание и мысль. Он орал. Он рвался из привязи, шлем лишил его зрения. Он был зверем в капкане.

«Данион» трясся и шатался. Очень смутно бен-Раби слышал крики сквозь свою боль. Вокруг молтались незакрепленные предметы. Притяжение взлетало и падало. Ментальные монстры прорвались сквозь боль, оглушая его видениями Ада.

Оружие Звездного Рубежа нашло сангарийцев. Краем своей ярости оно зацепило траулерный флот, как холодным ветром от взмахнувшего крыла смерти. А он, бен-Раби, был здесь беспомощен, как жук на булавке.

И медленно, медленно спадал этот бриз. С ним стихли вопли — все, кроме его собственного. Вок-

руг него слышался оживленный разговор, но он не различал слов. Голова разваливалась на части. Когда-то в детстве с ним было почти такое. Он чуть не погиб, ударившись головой о стену.

Наконец его кто-то заметил. Шлем сняли. В руку вонзилась игла. Боль начала проходить.

В зале было почти темно — так слабо горел свет. Гравитацию снизили до половины нормальной. «Данион» экономил энергию.

Но мелькавшие в его поле зрения лица, казалось, не были озабочены состоянием «Даниона». Они сияли. Слышался смех, звенели шутки.

— Мы победили! — с материнской нежностью сказала ему Клара. — Их убил Звездный Рубеж.

«Не всех», — подумал Мойше, но вслух ничего не сказал. Один или два успели уйти в гипер.

Только что сейнеры в списке вендетт сангарийцев хорошо продвинулись вверх, даже, быть может, обогнав Юппа фон Драхова.

— Но и мы потеряли четыре траулера, — сказал младший из его техников. — Четыре траулера.

Было видно, что ему тяжело в это поверить.

Да, это был день победы, но такой, в который сейнерам мало что было праздновать.

Благословенная тьма окутала Мойше. Он погрузился в сладкий сон иглы, сон, который не тревожат кошмары.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:
3049 Н.Э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», ПЕРЕМЕНА

Сколько мог, он не обращал внимания, что его трясут за плечо. Потом буркнул, отказываясь просыпаться:

— Чего тебе?

— Вставай, Мойше. Время работать. Работы, кстати, невпроворот.

Ага. Эми. Слишком по-деловому настроена для девушки, которая должна стать женой. Он приоткрыл глаз и посмотрел на часы.

— Пять часов? Так что же это за отдых? — буркнул он. — И как я сюда попал? Я же был в отделе контакта?

— Прошло одиннадцать часов. Часы отключены для экономии энергии. Тебя принесли на носилках. Я думала, у тебя сожжен разум... — Она бросилась ему на грудь и отчаянно вцепилась в плечи. — Мойше, я так испугалась...

— Ладно, ладно. Я ведь выжил, — проворчал он. Никак не мог привыкнуть к обычаю сейнеров не скрывать эмоций.

Она сунула руку под одеяло и стала его щекотать.

— Вставай, Ворчун. Работать надо.

Он обхватил ее руками и перекатил на спину, ища губами ее губы.

— Мойше!

Он подавил этот протест поцелусм.

— Уже неделя прошла, миледи.

— Я знаю, но...

— Никаких «но», женщина. Горбатые крокодилы энтропии грызут подбрюшье наше, и я не собираюсь упускать возможности залудить его куском трубы.

— Мойше, что ты себе позволяешь!

— Заткнись.

— Слушаюсь, хозяин.

Потом они поспешно оделись. Эми выбрала свежий комбинезон.

— Так что за спешка? — спросил Мойше.

— Тебе придется вернуться к работе. Мойше... на этот раз мы в отчаянном положении. Мы на нисходящей орбите вокруг Звездного Рубежа. То, что убило сангарийцев, сплавило наши ментопаруса. Если за два дня мы не запустим двигатели, коснемся границы.

— Границы?

— Предела. За которым Звездный Рубеж стреляет по кораблям.

— Отчего же мы тогда живы?

— Его пересекли только сангарийцы. Эта машина воспринимает все буквально. Ладно, в общем, нам через три часа на вахту, а Ярл сначала должен прогнать тебя через несколько тестов.

— А потом нельзя?

— Он сказал сегодня.

— А, все равно. Я уже проснулся. Где Маус?

— В госпитальном отсеке. Поправляется нормально.

До госпитального отсека было пятнадцать километров. Может, и больше, если учесть объезды. Мойше знал, что нужно будет двигаться быстро.

— Сначала мы туда.

— Зачем?

— Навестить Мауса.

— А тесты!

— К чертям тесты. Я хочу видеть Мауса. Ты идешь?

— Да ты что? Эй! Подожди!

Они побежали к скутеру, шутливо поборолись за руль. Мойше победил. Он не верил ей, что она отвезет его туда, куда он хочет.

Он летел по коридору, распуская ругающихся пешеходов. Ветер в лицо радовал — пока он не вспомнил, что случилось. Память о том, что он сделал, заставила его при входе в госпитальный отсек вести себя тихо.

Враньем и угрозами он пробился мимо сестер, которые считали, что здесь у них монастырь.

Они бродили по отделению, где должен был быть Маус, но его не нашли.

Вдруг откуда-то дальше по коридору разнесся женский смех.

— Как ты думаешь? — спросил Мойше.

— Я бы не стала ставить против, — ответила она. Ее хорошее настроение еще не развеялось.

Мойше пошел на звук смеха в небольшую отдельную палату, где обнаружил Мауса, который охмурял сестру. Бен-Раби задумался, за каким, собственно, чертом он сюда пришел. Кажется, Маусу он не слишком нужен. Потом он понял. Он пришел не по какой-нибудь разумной и солидной причине, а просто потому, что хотел знать, как Маус. И это было глупо. Наземники так себя не ведут.

Излишне говорить, что Маус чувствовал себя отлично.

— Чего ты тут делаешь? — спросил Мойше, чувствуя себя неловко, что прерывает беседу. — Там работа стоит!

Маус усмехнулся и подмигнул:

— Мойше, каждому полагается отпуск. Кроме того, здесь я познакомился с Викки. Дорогая, скажи «здрасьте» моему другу Мойше.

— Здрасьте моему другу Мойше.

— Видишь, какая девушка? Я все хочу выяснить, так ли эти длинные стройные ноги хороши, как обещают. Эта рабочая одежда очень портит вид женщины.

— Как ты, Маус? — спросил бен-Раби.

— Не хуже, чем можно было бы ожидать в подобных обстоятельствах, как сказал человек перед тем, как закрыли его гроб. — Он сдвинул верхнюю простыню. Его рука и плечо были скрыты толстым слоем бинтов и частично — гипса. — Через пару дней они меня отсюда выкинут. Если только я не нащепчу в это красивое ушко чего-нибудь такое, чтобы меня здесь оставили.

Викки хихикнула.

— Ну, что ж. Я просто хотел проверить. Извини, что помешал. Веди себя хорошо.

— Разве когда-нибудь бывало иначе? — Маус коротко рассмеялся. — Слушай, Мойше, загляни, будь другом, в мою каюту и посмотри, чтобы там никто серебряные ложки не спер.

— Сделаю.

— Увидимся через пару дней.

— Ага.

Бен-Раби повернулся и вышел, Эми за ним.

— Черт! — с сердцем сказал он. — Дураком себя чувствую.

— Почему?

Он покачал головой. Это трудно было объяснить. Тем более ей. Сейнеру не понять, что он имел в виду, когда сказал, что они с Маусом миновали ту точку, где был возможен возврат, и стали настоящими друзьями. В биографии Эми не было ничего такого, чтобы она могла понять, что это значит для наземника.

А у нее был беспокойный вид.

— Думаешь, что скажет Ярл на наше опоздание? — спросил он.

— Угу.

Задумчивость не оставляла ее весь путь по стерильным коридорам.

— А что это за тесты?

— Не знаю. Просто какие-то тесты.

Он уловил привкус неправды. Ему не полагалось знать их назначение. Всю жизнь он ненавидел тесты, которые ему каждый раз предлагались там, дома: коэффициент интеллекта, эмоциональная устойчивость, индекс предубеждений, социальная ответственность, реакция на обстановку, гибкость, адаптабельность, то, что правительство называло эвфемизмом «Отчет по случайной выборке»...

Агентов Бюро бомбардировали этими тестами в течение периодов инструктажа и отчета. Был даже

тест на сопротивляемость тестам. У него она была сильной. Он не любил, чтобы ему залазили внутрь. Слишком он сам это часто делал.

— Это не пресловутые тесты Уорнера?

Она не ответила. Он сделал еще пару заходов, отклика не получил и бросил.

Чтобы вернуться к скутеру, пришлось идти в объезд. Дорога, которой они собирались пройти, была забита ранеными с погибшего траулера.

— Плохо дело, Мойше, — сказала Эми, разглядывая длинные ряды носилок. — Их начали нести сразу, как стихла стрельба. Только со всех подбитых их снять не удастся. Они тоже падают на Звездный Рубеж.

— А куда их помещать? В конце концов всем придется спать стоя.

— Что-нибудь найдем.

— Напоминает мне полетную практику на последнем курсе. В то лето у нас тоже были страхи войны. Война на Теневой Линии и сангарийцы. И еще кто-то нашел планету пиратов Мак-Гроу. И все корабли Флота были при деле. Так что астрогационную практику мы проходили на зафрахтованных Академией частных судах.

Воспоминания. Тем летом он порвал с Элис...

— Расскажи, как это было.

— Что? Зачем тебе?

— Потому что я ничего о тебе не знаю. Ты никогда о себе не говоришь. А я хочу знать, кто ты.

— Ну, ладно. Мне достался худший из списка. Меня кое-кто не любил. Это был толстозадый купец, который мотался вдоль Границы между Трегоргартом, Большой Сахарной Горой, Карсоном, Сьеррой и Сломанными Крыльями. Всю дорогу дребезжал и разваливался и вез сумасшедших пассажиров. На купцов набивается очень чудной народ. По дороге от Сломанных Крыльев до Карсона мы налетели на пиратов Мак-Гроу. Мой первый бой.

Он на несколько секунд замолчал, и ей пришлось спросить:

— И как это было?

— Полностью внезапно. Обычно Мак-Гроу не трогают торговцев, но их тогда сильно теснил Флот, а мы везли оружие Гнею Шторму...

Зачем он ей это рассказывает? Это совершенно не ее дело. И все же... Разговор отвлекал от предстоящих тестов.

— Говори, Мойше.

Он не сомневался, что инцидент во всех деталях есть в записях Киндервоорта.

— У нашего «Халтурщика» — именно так его и звали — барахлил двигатель. Чуть на волосок от синхронизации. Торговец не может себе позволить его настройку, пока он совсем не выбьется из парамет-

ров. Так что Мак-Гроу не могли войти с нами фазу и вытащить в норм. Они пытались дать предупредительный выстрел нам по курсу. А наш двигатель выкинул одно из своих коленец, синхронизировался с ними и вытащил нас обоих прямо во взрыв. Корабль Мак-Гроу погиб, а «Халтуршику» тоже крупно досталось, но одну герметичную секцию мы сохранили. И я там был заперт с сумасшедшей семьей с какой-то планеты Первой Экспансии. Они ненавидели всех, а особенно — землян и пришельцев. А нам — мне и радисту-улантиду — предстояло определить, где мы, и позвать на помощь. Три недели ушло, чтобы состряпать передатчик и еще три месяца, пока кто-то поймал наш сигнал. Жуткое было дело. Мне было тогда девятнадцать, перепуган я был до смерти, и все это лежало на мне... Эй? Где это мы?

Эми виновато сжалась:

— Я заслушалась. Кажется, мы не там повернули. Надо вернуться обратно.

Они повернулись и пошли обратно, пока не нашли коридор, который вел в нужную сторону. Он проходил мимо женского отделения интенсивной терапии. Раненые лежали снаружи, где сестры могли их бегло внешне осмотреть. В отделение, рассчитанное на пятьдесят мест, уже втиснули около трехсот женщин.

— Да, в самом деле плохо.

— Ходячих раненых переводят в жилые отсеки.

Вдруг Мойше остановился, как громом пораженный. Лицо последней пациентки, лежащей в противоожоговом баке, он уже никогда больше не думал увидеть.

— Мария!

Она была жива, и в этом своем баке, среди джунглей трубок, была в сознании. Она встретила его взгляд и попыталась выразить свою ненависть. Внутривенный монитор тут же ввел ей дозу нембутала.

— Что случилось, Мойше?

Он показал рукой.

— Ты не знал?

— Нет. Я думал, она мертва.

— Она бы и умерла, если бы мы не доставили ее сюда быстро.

— Но...

— Ты стрелял слишком издалека.

— Понимаю.

Она оставила тему, поняв, что развивать ее он не хочет.

Следовало ему понимать, что Мария так легко не уйдет.

Был ли у нее напарник? Ответ был критичен. От него может зависеть его жизнь.

А если он выживет, Мария будет преследовать его на планетах. Пока что битвы выигрывал он, но исход войны был неясен.

Он без энтузиазма ждал следующей с ней встречи.

— Чего ты так вдруг заспешил? — спросила Эми. Он почти бсжал.

Киндервоорт не был рад его опозданию, но запустил Мойше в комнату для тестов без выражения недовольства.

— Вот это бен-Раби.

Психологи взялись за привычное дело. На Мойше обрушился знакомый парад идиотских вопросов. Еще с детства он пытался сбить их с толку, давая случайные ответы — потому-то всегда его тесты длились так долго. Компьютерам было нужно много материала, чтобы его прищучить.

Когда психологи закончили, они передали его обыкновенным докторам, и те прогнали его через тщательный физический осмотр. В его голову они просто влюбились. Рассказ о своей мигрени ему пришлось повторить три раза и выдержать дюжину поверхностных и глубоких сканирований черепа.

И еще они хотели знать все о вшитом в него инстеле.

Вот тут у него возникла внезапная немота. Действия Бюро были вне обсуждения.

Когда он уже готов был заорать, его отпустили. Главный инквизитор извинился, что отнял столько времени. В его тоне даже был намек на искренность. И он, и Мойше знали, что потеря времени была на совести Мойше.

Ему было велено перед возвращением на работу как следует выспаться.

Он надеялся, что они ничего не узнали, но боялся, что все-таки узнали. Профильные тесты обмануть тяжело.

Время летело быстро, почти так же быстро, как в сумасшедшей и суматошной культуре планет. Мойше вернулся в отдел контроля повреждений, и рабочее время теперь было невыносимо.

Как-то все же удалось заставить работать двигатели и вывести «Данион» на устойчивую орбиту. Потом началась настоящая работа. Все, кто не был занят на спасательных работах или на жизнеобеспечении корабля, стали готовить его к перелету на Верфи через гипер.

Работа у Мойше оказалась не такой напряженной, как ожидалось. На «Данионе» больше пострадал экипаж, чем оборудование, и больше от нападения акул, чем от сангарийского огня.

Доходили слухи, что более половины людей траулерного флота погибли или все равно что погибли от выжигания мозгов. Его знакомым посчастливи-

лось. Он не знал никого, кто оказался жертвой. Но каждый день на работе он видел новые лица и недо считывался старых.

Просыпаясь, Мойше каждый раз с удивлением обнаруживал, что он все еще жив. Битва у Звездного Рубежа завершилась и была выиграна, но эта победа поставила траулерный флот на грань катастрофы. Как только удавалось справиться с текущими проблемами, возникали новые.

И акулы тоже пока не отстали. Они тайком следовали за флотом и стадом, и число их росло с каждым днем. Неделя или месяц — и они ударят снова.

Флот вел гонку со временем. Нужно было добраться до Верфей раньше, чем акулы достигнут критической...

Когда внезапная смерть крадется по пятам за завесой времени, это самое время бежит быстро, и каждый прошедший час приближал Мойше к тому моменту, которого он боялся, — моменту возвращения на Карсон и в прежнюю жизнь.

Он не хотел возвращаться.

После битвы «Хочу» уже не сосало кровь его души, и пистолеты тоже не мерещились. Кажется, у него случилась спонтанная ремиссия его психических заболеваний. И недели в этом смысле шли

почти безмятежные. А проблемы стали более непосредственными и личными.

Он нашел то, что ему было нужно, сочетание всего, что нужно для ощущения своего места в жизни: женщину, полезную работу и место в обществе, где его не считают просто совокупностью статистических данных, которыми надлежит манипулировать. Он еще не совсем понимал, что случилось и почему, но он знал, что *здесь* его место. Пусть даже его еще не приняли до конца.

Именно этого он искал, когда покидал Старую Землю. Флот дал ему из этого кое-что, но недостаточно. Настоящее было здесь.

Он был дома.

Но как остаться? Существовали непреодолимые приоритеты лояльности. Условия Киндервоорта он просто не мог принять. Не мог предать Бюро.

Попытаться поговорить с Ярлом и что-нибудь устроить? Он колебался. Метался в стороны. Принимал и отменял решения по сто раз на дню.

А Маус? Что он подумает? Что он сделает и скажет?

И все это время он, как записывающий аппарат, делал заметки для Бюро. Иногда он беспокоился, как переправить их с корабля, но это не было особо важным. Главное, что при записи сведения

откладывались у него в подсознании, откуда психологи вытащат их наркогипнозом.

Это если он вернется домой.

Это если он захочет, чтобы их вытащили. Он не хотел идти на это задание тогда, и с тех пор у него охоты не прибавилось. Выполнив его, он разрушит все, что стало ему дорого.

Это было подходящее настроение, чтобы закончить «Иерусалим». И для итоговой мысли он нашел точно подходящую цитату:

И мир ополчился, и ты произнес:
«Море смятенья!» Дорог на Земле
Нет больше, и воздух шетинится
Копьями, звезды боятся светить,
И время и место злорадно смеются...

Фирдоуси (Абуль Касим Мансур)

Все персонажи «Иерусалима» погибали, пытаюсь поймать желания своих сердец. Прощайте, прежние спутники.

И хватит. Это все равно была лишь претенциозная литературная попытка в стиле модерн. И она ему больше не нравилась. Только такое самоубийственное настроение заставило его закончить быстро, не отделявая детали, которые он планировал изначально. Иногда он чувствовал себя одним из собственных созданий, отвергших все, кроме смертельного конца...

До истечения его контракта оставалось десять дней, когда его снова позвали из Контакта. Приглашение передал лично Ярл Киндервоорт.

— Я бы не хотел больше заниматься работой телетеха, Ярл, — сказал бен-Раби. — Я этому не обучен, и мне и здесь вполне хорошо.

— Я бы и сам этого хотел. — Казалось, Киндервоорт сбит с толку. — Ты и без того слишком много уже знаешь. Но приказ есть приказ, а этот к тому же с самого верху.

По каюте Мойше пронесся морозный ветерок. Он слишком много знает... Отпустят ли они его? Если они... Киндервоорт вполне способен организовать несчастный случай в глубоком космосе, который заставит замолчать возвращающихся на земников.

А даст ли на это «добро» начальство Ярла? Звездоловы задиристы, но Конфедерацию провоцировать не любят.

— А в чем дело, Ярл?

— Не знаю. Но мне это все не нравится. Меня поставили на место, а тебя переводят в Контакт. Это все, что мне известно. Здесь я только мальчишка на побегушках. Так что хватай скутер и езжай. Вот твой пропуск.

— А, черт... ладно. Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Через полчаса Мойше добрался до отдела контакта. Там распоряжался все тот же старик.

— Вы будете снова работать с Гансом и Кларой, мистер бен-Раби. В пределах базовых упражнений по контакту. Кто из рыб будет с вами на связи, не знаю. Они это решат сами.

— Зачем я вообще здесь? Это же не имеет смысла! Я в конце той недели улетаю.

Старик будто не слышал.

— Вероятно, в течение ближайшей недели у вас будет контакт с несколькими рыбами поочередно. Они каждый разум исследуют с разных точек зрения, пока не подберут постоянного партнера. Ганс, Клара! Вот мистер бен-Раби, займитесь базовой программой.

— Да подождите же минуту, черт вас побери...

Старик уже шел прочь, догоняя ремонтника в черной форме, чья работа его не устроила.

— Доброе утро, Мойше! — сказала Клара. — Приятно, что ты вернулся. Как там оно?

А Ганс объявил:

— Мы будем твоей постоянной группой поддержки. Нам дали номер пятьдесят один...

— Кем этот тип себя воображает? Когда я к человеку обращаюсь, я рассчитываю получить ответ!

— Не бери в голову, — посоветовал Ганс. — Он так со всеми. Ты к нему привыкнешь.

— Жуткий начальник, — заметила Клара. — Просто жуткий. Но нам недолго его терпеть. Его продвигают наверх. Ты бы показал Мойше нашу станцию, Ганс. А я пока кофе сделаю.

— А по-вашему, что здесь происходит? — спросил бен-Раби у Ганса. Он сидел на краю кресла для контакта. — Мне здесь делать нечего.

Ганс пожал плечами:

— Понятия не имею. Нам просто сказали, что ты — наш новый телетех и чтобы мы начали вводить тебя в курс дела. Клара думала, что ты решил остаться. Правда, Клара?

— Что?

— Что ты говорила, будто мистер бен-Раби решил остаться на «Данионе».

— Да. А это так? — Она протянула Мойше чашку кофе. — Черный?

— Да, спасибо. Нет, я не остаюсь.

— Тогда я не понимаю. — Клара сделала недоуменное лицо.

— И я тоже. Я пытался им объяснить, что кто-то напутал. Так никто не слушает. Вы же знаете, как оно с начальством. Как вобьет себе в голову...

— Я тогда лучше проверю, — сказала Клара. — Нет смысла начинать, если все это путаница.

— Проверь, будь добра.

Через пятнадцать минут она вернулась с еще более озадаченным видом.

— Они сказали продолжать.

— Черт побери, зачем?

— Не знаю, Мойше. Больше они ничего не сказали.

— В этом же нет смысла!

— Я думал, ты солдат, — сказал Ганс. — Думал, ты привык выполнять приказы, не пытаюсь понять.

— Я хотя бы знал, что человек, отдавший приказ, знает его смысл...

Ганс улыбнулся.

Человек, отдавший приказ, знал его смысл. Он еле слышал голос Клары:

— Давайте начинать. Мы уже выбились из графика.

Значит, здесь тоже есть бэкхартизм. А у него самого вид прирожденной пешки.

Как ни пытался он, но никак не мог понять, какой толк сейнерам его обучать на телетеха. Разве что он когда-нибудь вернется.

— Готовься, Мойше. То же упражнение, что в первый день. На этот раз все должно быть спокойно. Мы не будем принимать энергию. Просто выходи и плавай. Постарайся открыться рыбам и почувствовать.

Ганс насадил шлем на голову бен-Раби. Теплый и ласковый, донесся голос Клары:

— Помни, Мойше: один щелчок правой — полной сенсорной депривации. Второй щелчок — контакт. Левый выключатель вверх — возврат. Будешь готов — нажимай.

Сам не зная почему, он толкнул правый переключатель.

Его окружил комфорт полной сенсорной депривации, подобный материнскому чреву. Мойше отдался на его волю, уходя от боли и тягот реальности. Несколько раз он повторил какую-то мантру, пытаясь погрузить сознание в такую же нирвану, в которой было тело.

Это было славно. Здесь человек может отбросить щит, ослабить бдительность по отношению к миру. Здесь ничто его не тронет...

Неправда. Его спинной мозг, древний мозг, который миллиард лет назад выполз из моря на сушу Старой Земли, не мог вытерпеть полного отсутствия сигналов. У него началась клаустрофобия.

— Слишком долго держишь ПСД, Мойше, — за тысячу километров от него сказал голос Клары. — Это не очень хорошо для сознания.

Он снова нажал на выключатель.

Вокруг него образовалось причудливо искаженное и раскрашенное пространство.

Он падал на молочно-белый шрам, оставленный каким-то жестоким богом на лице тьмы. Логика говорила ему, что это — Галактика, и выглядит она одновременно и резкой, и расплывчатой, поскольку его мозг пытается перевести нечто, видимое в гипере, в привычные образы.

Что же он на самом деле видел? Тахионное рассеяние? Бешеный танец глюонов, скрепляющих материю? Наиболее плотен этот шрам был возле галактического ядра, которое в нормальном пространстве было скрыто пылевыми облаками.

Мимо мелькнули длинные розовые полосы, как огонь рубиновых лазеров, сходящиеся к центру галактики. Барраж золотых трасс проскользнул вдоль внутреннего края розовых кругов. Акулы и звездные рыбы, скользящие вместе с траулерным флотом?

Он расширял зону своего внимания, пока не обнаружил несколько огней святого Эльма яйцеобразной формы с кометными хвостами — это были траулеры, перешедшие в гипер. Как он ни искал, но не видел даже следа Звездного Рубежа. Цитадель осталась позади. Ставка сейнеров не сыграла, эпизод был окончен. Флот Пейна летел к Верфям...

— Привет, человек-друг Мойше!

Бен-Раби с наплывом восторга узнал Головастика. Чувство было такое, будто он наконец-то дома, наконец-то там, где его место.

— Ты вернулся, человек-друг Мойше.

— Да. Я не думал, что так выйдет. Ты уцелел в битве, и я рад.

Ментальные пальцы звездной рыбы пробежали по его разуму, принося успокоение. Он не сопротивлялся. И с ощущением смеха пришли слова.

— Я тоже, человек-друг Мойше. Ты пришел учиться быть связующим?

— Да, наверное.

— Хорошо. Я учу. Я, звездная рыба Головастик, лучший учитель. Ты будешь лучшим связующим всех времен. Покажем Старейшинам. Мы начинаем. Ты изучаешь окружающую вселенную, пытаешься видеть и говоришь мне, что видишь.

Мойше так и сделал.

— Нет, не так. Видь все сразу. Забудь о глазах. Совсем забудь чувства плоти, дай вселенной всосаться в тебя, будь с ней одно. Забудь себя. Забудь все. Просто будь как центр Вселенной.

Это был первый урок, который надо было усвоить, и самый трудный из начальных уроков телетеха. Он доблестно пытался час за часом, но это было как заставить себя заснуть. Чем больше усилий, тем дальше от цели.

Издали его позвал голос:

— Мойше? Мойше! Пора выходить из контакта!

Он не хотел выходить. Быть снаружи, быть свободным — это оправдывало все, что он перенес. У Звездного Рубежа смерть стояла у него за плечом. Здесь, где не было угрозы, он был ближе к небесам, чем мог себе в жизни представить. Это был почти религиозный опыт, как первый выход в скафандре из корабля или первый оргазм.

Он заставил себя дать левой руке команду подняться.

Тут же впиалась в сознание вся боль реальности, и он понял тех людей, что искали ложной нирваны, которую дают наркотики и религия.

Пока с его головы снимали шлем, что-то укололо его в руку.

— На всякий случай, — сказала Клара. — У тебя не должно быть сильной контактной реакции, но наверняка никогда знать нельзя.

Телесные муки отступили. Приступ мигрени умер, не родившись.

— Это вещь, — сказал он. — Я не хотел возвращаться.

— Значит, у тебя есть настоящая контактерская жилка, — сказал ему Ганс. — Они никогда не хотят выходить и никогда не хотят возвращаться.

— Поешь как следует и отоспишь, — велела Клара. — Контакт отнимает у тебя больше, чем ты думаешь.

Он провел еще три продленных сеанса с Головастиком, и они стали друзьями — насколько это возможно у существ с таким различным опытом.

Пятый учебный выход вывел его на контакт с созданием, которое называло себя Судья Старейшин. Он был полностью и подлинно чуждым. Он вошел в разум бен-Раби холодно, как змея, копая, исследуя, пока Мойше не ощутил себя блохой под микроскопом. Он не пытался обучать, не разговаривал, не скрывал своей цели — изучить, годится ли бен-Раби для контакта со звездными рыбами. На этот раз он был рад разорвать контакт, невзирая на боль реального мира.

Еще два раза он входил в контакт со Старейшинами, и каждый из них был так же бесстрастен и холоден, как Судья. Наверное, этих бесстрастных созданий имел в виду Чижевский, когда писал «Древнего Бога». Разум этих существ был именно таким, каким бен-Раби представлял себе Бога.

Были еще два прекрасных, радостных, веселых дня с Головастиком, который был назначен его «постоянным» контактом. Непочтительный Головастик делал очень рискованные замечания насчет Старейшин, с которыми контактировал Мойше. Бен-Раби в ответ попытался обучить звездную рыбу понятию юмора.

А потом все кончилось. Конец мечте.

— До свидания, человек-друг Мойше, — сказал Головастик, погружая разум бен-Раби в печаль. — Я буду часто думать о тебе, более странном, чем любой человек-друг.

— Я тоже буду помнить тебя, Головастик, — обещал Мойше. — Постарайся поймать эти мысли, когда я уйду из своей мечты.

Он рванул выключатель выхода.

Клара и Ганс решили, что у него болевой приступ, и хотели сделать второй укол, но он их оттолкнул. Слезы лились — он не пытался их сдерживать. Потом обнял Клару.

— До свидания. — Он крепко пожал руку Ганса. — Мне вас обоих будет не хватать.

Они смотрели ему вслед, когда он, сгорбившись и шаркая, выходил из сектора контакта в последний раз.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:
3049 Н.Э.
ДОРОГА ДОМОЙ

И дни прошли. И часы почти исчерпались. Они кончались, а он все еще не связался с Киндервоортом, и даже храбрости ему не хвата-

ло осознать, чего же он хочет. Пока он спал, «Данион» вышел из гипера, готовясь выпустить сервисные корабли.

Звездные рыбы и акулы будут кружиться возле остатков траулерного флота. Головастик увидит стальную иголочку, которая унесет бен-Раби прочь навеки.

Он лежал в койке и вспоминал вечерние истории в детском саду, когда он был малышом. Во всех этих сказках были герои, не знавшие нерешительности, никогда не ведавшие страха. Но все они были родом из дальнего и, возможно, не настоящего прошлого.

А в нынешней калейдоскопической вселенной мало было места для уверенных в себе типов вроде Мауса. Умение бояться было важно, чтобы выжить.

Часто Мойше задумывался, так ли на самом деле хладнокровен Маус, как кажется. Что-то же должно волновать его, кроме взлетов и посадок.

Через два часа сервисный корабль уйдет на Карсон. И что он может сделать? Что он *должен* сделать? Он знал, чего хочет он, знал, чего хочет Эми, но все еще болтался между старой и новой преданностью. Выдать секреты Бюро ради личного счастья — это, как он ощущал, значило бы предать самого себя.

Кажется, он, избавившись от прежних призраков, набрал на их место шайку новых. Но в этих хотя бы было больше смысла.

Оставшееся время сжалось до одного часа. Вещи уже были упакованы. Он метался по каюте, как зверь по клетке, не в силах остановиться. А Эми сидела неподвижно на своей койке, попеременно замолкая или обрушивая на него словесные нападения. Он должен был выбраться, должен был уйти...

Он пошел искать своего напарника. Может быть, Маус поможет. У паранойи есть свои достоинства.

С тех пор, как бен-Раби начал обучение на телетеха, они почти не виделись.

Маус открыл дверь и приятно удивился. Первое, что он сказал, было:

— Я как раз собирался пойти тебя поискать. — Одна его рука дрожала. — Хочешь сыграть партию, пока мы ждем?

— Давай.

Это могло быть на пользу обоим. Партия-другая могла бы привести их в норму.

— Как Эми это все воспринимает?

— Как нормальный член команды. Штурмовой команды десантников.

Маус был на жутком взводе. Дрожь его была связана не только с поврежденной рукой. Мойше не обратил внимания. Обычные его предполетные судороги.

— Ты слышал, чего я нашел? — болтал Маус. — Годами за ней гонялся. И нашел у одного из наших ребят; он ее носил на счастье.

Он показал древнюю бронзовую монету с дырой в середине. Бен-Раби с одного взгляда увидел, что монете не меньше двух тысяч лет, восточная, в хорошем состоянии, но относительно нередкая. Уж точно ничего особенного. Возбуждение Мауса начинало вызывать недоумение.

— Ничего, вполне. Эми воспринимает все это куда хуже, чем я ожидал. — Он снова посмотрел на монету, потому что Маус все время тыкал ею ему в лицо. — Ты уверен, что это не подделка?

— Она это переживет. С ними всегда так, если ты их любил как надо. Нет, это не подделка. — Маус был чем-то явно разочарован. — Бери себе белые.

Во время своего почти ритуального дебюта бен-Раби попытался начать обсуждение своей проблемы:

— Маус, я хочу остаться.

Маус посмотрел на него странным взглядом, будто бы со смешанным чувством, будто бы он

этого ожидал, но надеялся на другое. Нервно потрогав свою монету, он ответил:

— Поговорим после игры. Как ты насчет выпить? У тебя такой вид, будто бы распадаешься на винтики.

Человеску, которому предстоит ускорение и временная невесомость, напиваться не стоит, но бен-Раби согласился. Ему это было нужно. Маус подошел к ящичку и вытащил бутылку какой-то готовой смеси. Пока он вытаскивал стаканы, бен-Раби осмотрел каюту. Почти все, что носило отпечаток личности Мауса, исчезло — все памятные безделушки, которые превращали это место в дом. Все, кроме неизменного набора шахматных фигур.

Один стакан разбился. Маус выругался, собрал осколки, выругался еще раз, когда порезался.

— Какого черта их не делают из пластика?

— А ты бы брал их здоровой рукой, — посоветовал бен-Раби и увидел, почему он этого не делал. Здоровой рукой Маус заливал какой-то смолой жучка, подsunутого Безопасностью.

Он принес выпивку, и они стали играть дальше.

Партия вышла затяжная. Маус был не в форме, и каждый ход ему приходилось тщательно обдумывать. И все это время он вертел в пальцах свою монету, будто хотел стереть ее начисто до посадки в служебный корабль.

Бен-Раби допил свою порцию и еще несколько, ощутил некоторое успокоение и отключение от того, что волновало его ум. Он увлекся игрой. Впервые инициатива была у него. Маус, несмотря на свою задумчивость, играл отстраненно и невнимательно.

И вдруг Маус быстро сделал серию резких ходов. Бен-Раби потерял ферзя и...

— Мат!

И алкоголь уже не помогал. Поражение — такая мелочь, но такая неизбежная, вдруг стало аналогом всей жизни бен-Раби. И депрессия его усилилась.

Секундой позже, складывая фигурки в ящик больной рукой, Маус сказал:

— Я их оставил сверху, чтобы можно было играть по дороге домой. Но ты говоришь, что хочешь остаться.

— Да. Вот поэтому я тебя и...

— И этого я и боялся.

Маус повернулся. Вертел руками он не бесцельно. В здоровой руке его было зажато оружие звездолова, вынесенное из каюты Марии.

— Тебе следовало бы догадаться, Мойше. Нужно было тебе пойти к Киндервоорту. — Маус доигрывал игру до конца. — Колеса внутри колес, как ты сам знаешь. Мы все еще работаем на Бэкхарта, и я не могу тебя просто так оставить.

Мойше подумал, что, может быть, он это и знал — в глубине души. Может быть, он и к Маусу пришел, чтобы тот принял решение за него.

— Психологи запрограммировали тебя стать перебежчиком. Чтобы ты мог попасть туда, куда не пустят меня. Может быть, они даже знали про Звездный Рубеж — я так думаю, судя по твоему видению с пистолетом.

Мойше взглянул на монету, которую держал Маус в поврежденной руке. Странно: он никогда не говорил, что хочет такую. Может быть, это был гипноключ. Может быть, он открыл в памяти Мауса всю картину задания.

— Оно с самого начала было долговременным, Мойше. Нам нужна амбра для Флота. Вся амбра — для войны.

— Войны? Какой войны? Никто же не принимает всерьез перевооружение Уланта. Ты мне сам говорил, что это ерунда.

Маус пожал плечами:

— Ты был удаленным коллектором данных. Одним из моих заданий было тебя хранить. Остальное в основном — обертки и бантики.

Хотя это выглядело неуклюже, Маус старался не только объяснить. Ему не нравилось то, что он делал, и он убеждал самого себя.

Да, они сблизилась. Слишком сблизилась. Они стали равнодушны к судьбе друг друга.

— Мы друзья, Мойше. Давай тогда без шума, ладно?

Да, без шума. Как и в шахматах, его обыграл превосходящий по силе противник. Он был той половиной команды, которую обучали для «мягкой» работы. «Жесткой» всегда занимался Маус. Дружба дружбой, а если он заартачится, Маус его ликвидирует. Маус — совершенный агент. Он ничему не даст встать между собой и своей работой.

Бен-Раби посмотрел на лицо напарника и увидел на нем боль. И узнал эту боль. Маус, подумалось ему, Маус тоже не хочет возвращаться. Но натура Мауса не оставляет ему выбора... и подталкивать его будет глупо. Под напряжением он слишком сильно реагирует.

Бен-Раби ссутулился. Он сдался. Снова стал шепком в потоке.

По всему «Даниону» разнесся страшный, богоподобный голос, призывающий всех наземников на станцию отбытия для окончательного расчета и выплаты. Маус сунул оружие в карман и сказал:

— Прости, что так вышло, Мойше.

— Я понимаю.

На самом деле он не мог этого понять.

Маус кивнул на дверь:

— Пойдем.

Они пошли. Мойше не дергался, даже когда представлялась возможность. Он сдался.

«Нет у меня дома, — думал он. — Кажется, никогда и не было. Был я щепкой в потоке вселенной, как в бурной реке на Сьерре, и так оно и осталось».

Он глядел на шлюз, который откроется в служебный корабль. Один шаг, и он выйдет уже из терминала на Карсоне. Насколько же все переменялось за время его отсутствия? *Грета подросла...*

Грета!

— Маус, я же забыл что-нибудь Грете привезти! Меня же не было *целый долгий год...* Я должен привезти ей подарок.

— Мистер бен-Раби? — протолкался к ним через толпу человек, держа в руке какие-то вещи бен-Раби. — Вы кое-что забыли из своих вещей.

Мойше узнал человека — он был из людей Киндервоорта. Они нашли его записки?

— Майк, есть у меня время прихватить сувенир для дочки?

Майк, все еще рассказывая про забывчивость Мойше, встал между бен-Раби и Маусом. Вокруг кишели наземники, возбужденно разговаривая о

доме, подбегая к кассе, когда называли их имена. Бен-Раби не смотрел на них. Его захватило внезапное выражение отчаяния на лице Мауса.

— Оружие, будьте добры, — попросил Майк.

Их уже окружало несколько человек. И сам Киндервоорт тоже направлялся к ним, выйдя из своего кабинета неподалеку.

Маус кротко отдал пистолет, и его оцепенение сменилось слабой улыбкой.

— Говорил я Бэкхарту, что это не сработает, — сказал он вслух. — Но кто будет слушать полевого работника?

Вдруг переполох. Крики. Стон. Маус своим телом сбил бен-Раби на пол. Майк хрюкнул и свалился на них, и на несгоревшей половине его лица навсегда застыло крайнее удивление. Крик стал громче, люди пытались куда-то бежать. Снова вспыхнул лучевой пистолет. Люди из Безопасности пытались добраться до источника стрельбы.

— Колеса внутри колес, — сказал Маус на ухо бен-Раби холодным и спокойным голосом. Присевший рядом с ними Киндервоорт смотрел вопросительным взглядом. — На этот раз их запустил я, — сказал ему Маус. — Я догадался, что у него есть здесь подстраховщик.

Подстраховщик. Так на профессиональном жаргоне называли человека, запрограммированного под

гипнозом сделать все, что потребуется, если задание будет провалено. Подстраховщик редко знал, кто он такой. Обычно это был посторонний, завербованный на улице и пропущенный через мельницу психотехников. Даже после убийства агента, который мог быть схвачен или собирался перейти на другую сторону, он едва ли знал, что он сделал, почему или для кого.

Бен-Раби никогда не думал, что он сам, Маус и само задание настолько важны.

— Прости, Мойше. Я считал, что не должен тебе говорить. Так выглядело убедительней, когда ты верил.

«А правду ли он говорит? — мелькнула мысль у Мойше. — Или меняет игру из-за обстоятельств? Гнется под ветром, чтобы сохранить шкуру?»

— До попытки перехода мы его бы не обнаружили, и сделать это можно было только здесь. Теперь для него слишком поздно. Ему до нас не добраться.

Маус пожал плечами и улыбнулся. Бен-Раби, глядя на него, повторил этот жест.

Он решил поверить. Не хотелось ему оставаться здесь одному.

Вот почему ему так трудно было решить. Эми — этого было мало. Головастик — этого было мало.

Всей культуры сейнеров было недостаточно. Нужно было сверх этого еще одно — Маус. Нить от сердца к прошлому.

Вернулись люди Киндервоорта.

— Взяли его? — спросил Маус.

— Нас опередили. Когда мы подошли, он был мертв. Похоже на нервно-паралитический яд.

Киндервоорт посмотрел на них удивленным и уважительным взглядом.

— Подстраховщик для подстраховщика? Ваш адмирал — человек необычный. Я о таком никогда даже не слышал.

«Необычно? — подумал Мойше. — Нет, беспрецедентно. И бессмысленно». Но какого черта гадать? Все кончено, он дома и свободен.

Да, *дома*, и с хорошей женщиной — Эми бежала к нему сквозь толпу, бледная от волнения — и с другом. Кажется, жизнь все-таки сделала счастливый поворот.

— Ты готов? — спросила Эми заботливо, проверив сперва, что он невредим.

— Готов? К чему?

— Перейти на нашу сторону, глупый. Готов, милый?

Она боялась, что его ложная гордость возьмет верх. Так и случилось.

— Кажется, у меня небольшой выбор. Но я не буду говорить.

— Говорить? — спросил Киндервоорт. — Ты что имеешь в виду? О чем говорить?

— О Бюро. О его обычаях, целях, задачах — о том, что я мог бы знать и ты захотел бы знать. Я тебе ничего не расскажу. Человек по имени капитан-лейтенант Томас Акинас Мак-Кленнон приказал долго жить. Все, что он знал, умерло с ним. Не пытайся вызвать его из могилы.

— Так вот что тебя мучило? — спросил Киндервоорт. — Мойше, Мойше, почему ты сразу не сказал? Я-то голову ломаю, что тебя держит — так было очевидно, как тебя тянет к нам. На это никогда не было никаких условий. Никогда. Извини, если я создал у тебя такое впечатление. Черт возьми, ничего, что я хочу знать, ты не знаешь — иначе Бэкхарт ни за что не стал бы тобой рисковать.

Бен-Раби обдумал его слова. В них был смысл. Но были вещи, которые он *мог бы* рассказать... и черт с ними. Он попытает счастья. Обняв одной рукой Эми, он притянул ее к себе и ответил:

— Спасибо, Ярл. Маус... О! Постой-ка, Ярл! Есть у меня время найти настоящий сувенир от сейнеров для моей дочери?

— Какой дочери? — подступила к нему Эми. — Ты говорил, что никогда не был женат!

— И не был. На самом деле она мне не дочь. Девочка, которую я встретил на Старой Земле. Я стал ее спонсором. Это у нас вроде как удочерение... Она не знает ни где я, ни что делаю, вообще ничего.

— Быстро найди чего-нибудь, — сказал Киндерворт. — Служебный корабль стартует через двадцать минут.

— Эй, Мойше! — позвал Маус. — Вбрось туда это. — Он показал монету с дыркой посередине. — Скажи ей, пусть пошлет это адмиралу.

— Небольшое личное сообщение?

— Можно сказать и так.

— Ну, Эми! Дай идею!

— Почему ты мне никогда не говорил про эту девочку? Вообще, как ее зовут?

Маус смотрел на них, чуть улыбаясь. Вряд ли будет идиллическая любовная пара. Но и не надо. Пусть продержится еще несколько месяцев.

Его задание было выполнено. Но сотрудник Бюро не покидает товарищей. А Шторм не бросает своих друзей.

Литературно-художественное издание

Кук Глен
Ловцы звезд

Художественный редактор О. Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 23.11.99.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 12 000 экз. Заказ № 917.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

38с00 2

Это — история Ловцов звезд, бродяг, что блуждают по самым дальним уголкам Вселенной и пасут стада Звездных рыб, таинственных, огромных, разумных порождений Космоса.

Это — история самого драгоценного в мире вещества и самого ужасного в мире наркотика.

История алчности, предательства и отваги, граничащей то ли с героизмом, то ли с безумием.

Это — история страшного преступления, вызывающего к отмщению, и возмездия, которое станет еще более жестоким и безжалостным. История верной дружбы двух людей — того, чье имя знает вся Галактика, и того, у которого множество имен.

Люди совершают невозможное. Люди творят легенду. История продолжается...

ISBN 5-237-04238-4

9 785237 042382